

1924/132
798

Н. ГУЩИН и В. ЧИЖОВ

63.3 (2Р-4Т УЛ/61)

1924/132

798

798

ДЕРЕВНЯ СЕГОДНЯ

ПО АЛЕКСИНСКОМУ РАЙОНУ
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

798

Изд. № 6405
Центр И.А.И.

ТУЛЬСКАЯ
Губернская
Газета
И.А.И.

.....
Типография и офсет-печатня
Издательства
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
Москва, Сушевская, 21.
Главлит № А-21.546. Тир. 5.000.
.....

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая вниманию читателей брошюра отнюдь не является обстоятельным и законченным исследованием современной советской деревни. Это всего лишь очерки, которые составлены в результате неоднократных поездок авторов за последние два-три года в Алексинский район, Тульской губернии.

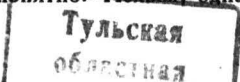
К алексинским крестьянам мы наезжали от случая к случаю, так сказать, по должности журналистов, рядовых работников провинциальной крестьянской газеты — „Деревенской Правды“ (орган тульского губкома и губисполкома).

С каждой новой поездкой у нас накапливался все более точный и четкий материал о том, как живет теперешняя деревня. Нынешним летом свои отрывочные наблюдения мы порешили свести в общую картину. Прежде чем приступить к сводной работе, мы еще раз в течение целых полутора месяцев исколесили район и объехали все его наиболее характерные пункты и селения.

От широкого использования литературных источников справочного характера нам пришлось отказаться. Дело в том, что Алексинский район до сих пор еще не устоялся в своих границах. Организовался он в 1924 г. при первом районировании Тульской губернии. В состав района вошли Сотинская, Стрелецкая и Суходольская волости бывш. Алексинского уезда с уездным центром — гор. Алексином. В 1925 г. к району были прирезаны селения Широносковской волости. Затем последовало новое частичное изменение границ района. Все эти изменения и перетасовки делают совершенно несравнимыми суммарные цифры о хозяйстве района за ряд лет. До 1924 г. самого района не было, а были лишь волости. В 1924 г. мы имели один район, в 1923 г. уже другой и в 1926 г. — третий. Какие же тут сравнимые величины, что и как можно здесь сравнивать?

Правда, для получения сравнимых величин мы могли бы произвести перерасчет всех цифр по подворным и поселенным сведениям. Но, во-первых, далеко не для каждого года (особенно, в пореволюционную пору) можно было найти такие сведения, и, во-вторых, перерасчет всех величин, это — такая огромная работа, которую нам самим, без серьезной помощи со стороны статистического аппарата, и выполнить-то невозможно. А подобная помощь авторам не была обеспечена.

В связи с затронутым вопросом — пару слов о самом районировании. Конечно, районирование вещь хорошая. Давно пора заменить старые уезды и волости новыми административно-территориальными единицами. Выделение их — процесс очень сложный и хлопотливый. Все это так, и все это очень понятно. Нельзя, однако, при районировании впасть в такой адми-

нистративный азарт, который приводит к ежегодной перекройке вдоль и поперек карты целой губернии. А именно такого рода перекройка протекает в нашей Тульской губернии.

С 224 волостей в 1924 г. (сюда не вошли волости бывших Каширского и Новосильского уездов, так как они целиком отошли к Московской и Орловской губерниям) губерния сжалась первоначально до 56 районов. Дальнейшее сжатие привело к 41, а потом к 30 районам. Бесконечные перекройки самым отрицательным образом отражаются на низовом советском аппарате и на хозяйстве районов. Риковцы волей-неволей чувствуют себя в положении Иванов, родства не помнящих. Прошлое районов для них неизвестно, настоящее неясно, а будущее снова и снова нависает над ними угрозой очередного районирования.

Когда мы заканчивали подбор материалов к своей работе, Алексинский район опять получил из губернии предписание о передвижке своих границ. Часть теперешних селений района намечалась к передаче смежному Тарусскому району и, наоборот, селения бывш. Поповского района переходили к Алексину.

— Вот тут и поработай, — заявил нам райземустроитель, просматривая распоряжение губисполкома о новом районировании. — Лето, погода стоит хорошая, только бы землеустроиваться. Ан нет, сиди вот да занимайся приемкой-сдачей дел по переходящим селениям... Нечего сказать, хорошее занятие. Польза от этого, четвертого по счету, районирования пока еще и не светится. А вред от него уже очевиден. Сама передвижка границ (приемка-сдача дел) поглотит массу труда и времени у работников. Да еще аппарат вынужден будет потом приспособливаться к новым границам, прощупывать и изучать прикрепленные к риву селения и т. д.

И кроме того, кто поручится, что нынешнее четвертое за три года районирование окажется последним? Перед работниками низовки уже сейчас маячат призраки грядущих районирований.

Так и живут здесь под знаком непрерывных передергиваний. Не пора ли покончить с передергиваниями? Не пора ли дать, наконец, возможность устояться и очерченным границам районов, и всему низовому советскому аппарату губернии?

На ряду с непосредственными наблюдениями и кое-каким справочным материалом авторы широко использовали свои беседы с партийными, советскими и кооперативными работниками Алексинского района.

Особо много сведений нами получено от ответственного секретаря райкома партии т. С. В. Аладышкина, председателя рика т. А. П. Викторovichа, райживотновода т. Р. Р. Крамер и райагронома т. И. А. Евстратова. Авторы считают долгом поблагодарить товарищей за ту готовность, с которой они делились с нами своими наблюдениями, воспоминаниями, записями и другим материалом.

Выражаем также свою благодарность губернским работникам тт. И. Д. Кабакову, А. А. Черкасову, В. А. Божену и другим. Без моральной поддержки этих товарищей, без их содействия и советов авторы не сумели бы взяться за составление этой работы.

Алексин-бор.

П О Р А Й О Н У

1.

На северо-запад от Тулы, в 64 верстах по Сызрано-Вяземской жел. дор., расположена станция Алексин. В 2-3 верстах от станции причудливо раскинулся на пригорке за Окой городок Алексин, когда-то уездный, а теперь районный центр. Сам район кленовым листом распластался на восток, северо- и юго-восток от города.

Благодатные места в здешнем крае!

Редко-редко попадаетея тут одинокая деревня на отлете, от которой, куда ни кинь, ближе чем на 6—7 верст до леса не доберешься. Большинство же алексинских деревень прикурнули под самым лесом. По лесистости Алексинский район занимает одно из первых мест в Тульской губернии. Общая площадь района равна 50.639 дес., из которых на долю леса приходится 12.229 дес., или 24 проц. всей площади.

Лес манил к себе в прежнее время не только крестьянина, но и помещика как старой, так и более поздней формации. Потомки разных барских родов (разные Бобрищевы-Пушкины, Бибиковы, Патрикеевы, Воронцовские, Скобельцины, Кисловские, Челищевы и другие) до самой революции держали в своих руках весь уезд.

В девятисотых — и позднее — годах помещичье землевладение начало быстро сокращаться. Но алексинский мужик мало от этого выигрывал. Помещичья земля утекала из-под его носа в руки купцов или дворян-хищников типа князя Львова и вел. князя Н. Н. Романова; уходила земля и к пришельцам-хуторянам — немцам, украинцам и др.

Князь Львов, подработав за годы войны бешеную денгу на спекуляциях с поставками в армию, перед самой революцией производил массовую скупку земель по уезду. Земля скупалась на имя сестер Львова, его племянниц и прочей родни. Сиятельный князь настойчиво выгораживал свое имя из всех спекулятивных операций, чтобы не скомпрометировать себя как председателя небезызвестного Земгора *).

*) Земгор (союз земств и городов) — буржуазно-помещичья организация, ведавшая снабжением армии в империалистическую войну.

Немного по-иному держал себя в быв. Алексинском уезде теперешний претендент на „российский престол“ и великокняжеская развалина Ник. Ник. Романов. В Першинской волости (соседняя с теперешним Алексинским районом) он купил в 1887 г. у купца Баташева огромное поместье в 2.500 дес. За покупкой последовала коренная перестройка усадьбы и отделка першинского дворца. В Першине развевывалось громадное хозяйство для великокняжеской охоты. О размерах его можно судить по юбилейной книге собутыльника великого князя Д. Вальцева „Охота его императорского высочества великого князя Н. Н.“, выпущенной в 1912 году.

В Першине все было подогнано к одной цели — забавлять охотой великого князя при его редких наездах в поместье. Ради этого содержались 400 штук борзых и волкодавов, имелось для выпойки щенят разнокалиберное стадо высокомолочных коров, содержались прекрасные лошади — кабардинки и орловские рысаки. На великокняжескую охоту тратились десятки и сотни тысяч народных денег.

Если для першинских крестьян (большинство их служили наймитами у князя) княжеская охота была источником заработка, то для крестьян смежных и дальних селений она была источником постоянных бед и неприятностей: при наездах князя становые и урядники выгоняли крестьян на срочную починку и прочистку дорог, потом гнали их на заставу и облаву против волков и т. д. В соседних селах до сих пор помнят десятки несчастных случаев по милости князя: там борзые покусали деревенских ребятишек, там сбита великокняжескими охотниками мужицкая скотина — всего не перечести!

Поэтому понятна та ненависть, с которой по сию пору вспоминают великого князя крестьяне соседних с Першино деревень. Понятно и то, что само Першино, лишившись своего „благодетеля“, до сих пор в беседах с глазу на глаз не прочь восхвалять князя за его пьяную щедрость и безудержный разгул. Першинские крестьяне за 30 лет существования у них великокняжеской охоты выродились в придаток к першинскому поместью, в сплошных дворников, конюхов, борзятников и лакеев. Тут в Першино нужна длительная работа нового, чтобы окончательно стереть в памяти крестьян всякие отзвуки воспоминаний о старой бесшабашной роскоши романовского отродья и о княжеских попойках.

Князя Львов и Романов — исключительные фигуры на алексинском горизонте. Другие помещики жили скромнее и проще. Добрая половина их явно оскудевала, упуская из своих рук родовые имения и дворянскую землю. Остальная часть еле-еле сводила концы с концами, уже предвидя близкий крах помещичьего землевладения. Крах этот был обусловлен теми особенностями, в которые было поставлено помещичье хозяйство на территории нынешнего Алексинского района.

Как уже упоминалось, общая площадь района равняется 50.639 дес. Перед революцией (в 1914—15 г.) по признаку землевладения земля делилась следующим образом:

Дворяне и другие частные землевладельцы имели	20.670,16 дес.
Деревня (общинное и другое землевладение)	27.200,19 "
Церковь	895,44 "
Казна	856,94 "
Город Алексин	1.016,54 "
Итого	50.639, 27 дес.

Неравномерное распределение земли по отдельным группам землевладельцев достаточно четко выявляется приведенными цифрами. По ним видно, что 3.786 крестьянских хозяйств *) пользовались 27.200 дес. земли (53,7 проц. общей площади), а 300 помещиков располагали массивом в 20.670 дес. (т.-е. 40,8 проц. всей территории района). Среди помещичьих хозяйств встречались громады в 1.500—2.000 десятин и больше (поместья Кисловских, Скобельциных, Кульжинских и др.).

Следует принять во внимание, что лучшая земля, лучшие угодья (напр., 67,7 проц. всего леса) были сосредоточены у помещиков.

До революции разверсточной единицей в деревне была так называемая ревизская душа — едок мужского пола, который только и наделялся землей. В Алексинском районе наделы на ревизскую душу колебались в размере от 2,0 до 3,2 дес.; средняя крестьянская семья в нем располагала 5—6 дес. земли. Нищенские наделы дополнялись в алексинской деревне никудышными почвенными условиями. Алексинский район занимает северо-западный угол Тульской губернии, т.-е. как раз ту область, где почти завершается переход от южных степных почв к северному нечернозему. Алексинские почвы бедны, истощены, мелкоземлисты и иловаты. Они легко подвергаются обработке, но требуют внесения значительного количества удобрения. Вопрос об удобрении до сих пор остается в районе одним из главных в крестьянском хозяйстве. Тем более остро стоял он в прежнее время, когда деревне закрыты были все пути к развертыванию животноводства.

Чрезвычайно интересные расчеты по удобрению дает податной инспектор по Алексинскому уезду Смирнов в своей работе „Материалы к экономическому состоянию крестьян Алексинского уезда“ (**).

Сопоставляя цифры об обеспеченности хозяйств Суходольской, Сотинской, Стрелецкой и Спас-Конинской волостей

*) По данным земской подворной переписи 1911—12 годов.

***) Первая часть работы приведена в приложении к „Памятной книжке по Тульской губ.“ за 1898 г., а вторая — к книжке за 1899 год.

(первые три полностью вошли в район) скотом, пахотной землей и т. д., Смирнов делает вывод, что за год крестьяне указанных волостей получают 2.800 тыс. пуд. навоза, значит, на одну паровую десятину это дает всего 560 пуд. Этого навоза совершенно недостаточно — он равен примерно лишь одной четверти полной нормы удобрения. Верно указывает Смирнов, что в среднем крестьяне Алексинского уезда давали полное удобрение каждой десятине раз в двенадцать лет. И без того истощенная и малоплодородная земля алексинцев продолжала из года в год все больше и больше истощаться.

Урожай хлебов в районе значительно ниже средней губернской нормы. По данным того же Смирнова (для бывшего Алексинского уезда), урожайность их была за 10 лет (с 1885 г. по 1895 г.): озимой ржи — сам-3,5; овса — 3,2; ячменя — 5,6; гороха — 3, чечевицы — 3,8; картофеля — 5; гречихи — 2,2 и льна — 3,5. Следовательно, за десятилетие 1885—1895 гг. ни одна из культур (за исключением картофеля) не дала по Алексинскому уезду урожая выше сам-4. Последующее время мало в чем изменило эти безотрадные цифры.

Средняя урожайность за 27 лет, с 1898 г. по 1925 г., выведенная уже по нынешнему Алексинскому району районным агрономом, видна из нижеследующей таблицы:

Урожайность за 27 лет

Наименование культур	Высев зерна на 1 дес.	Сбор с 1-й дес.	Урожай сам-
	(в пудах)		
Озимая рожь	11,0	40,0	3,6
„ пшеница	11,9	62,6	5,3
Яровая рожь	10,7	35,7	3,3
„ пшеница	9,4	55,2	5,9
Овес	13,4	38,5	2,8
Ячмень	10,9	43,3	3,9
Просо	3,1	40,8	13,2
Гречиха	8,9	26,7	3,0
Горох	10,1	36,9	3,6
Чечевица	10,0	39,5	3,9
Лен	8,0	25,4	3,2
Конопля	8,0	26,7	3,3
Картофель	85,5	376,7	4,4

Урожайность сам-5 и выше здесь дают или такие культуры, которые прежде были неизвестны алексинскому крестьянину и хозяйственная роль которых равна почти нулю (в роде пшеницы), или хлеба, разведение которых явно убыточно, несмотря на их высокую урожайность (например, просо, — истощающая и засоряющая почву культура).

Низкая урожайность при нищенских наделах земли создавала заколдованный круг для деревни.

По расчетам уже цитированного Смирнова *), в год на едока, остающегося дома, у алексинских крестьян имелось ржи не более 8,3 пуда. Цифра эта нам кажется явно преувеличенной. Но и она достаточно ярко говорит сама за себя. Вывод ясен: алексинцы прокормиться собственным хлебом не могли; тем более не могли они доходами от земледелия покрывать расходы по податам, по обновлению и приобретению инвентаря и т. д.

Алексинская деревня была обречена на обнищание, а потом и на постепенное вымирание. Обнищание под давлением процессов расслоения далеко зашло по району уже к началу девятисотых годов. Цифры о самом расслоении, проработанные нами для 1895 г. на основе данных Смирнова, поразительно схожи с цифрами, фигурирующими в известной работе В. И. Ленина „Развитие капитализма в России“.

Ниже мы ограничимся приведением одной таблицы о концентрации конского состава по Сотинской, Суходольской, Стрелецкой и Спас-Конинской волостям в 1895 году **).

Концентрация конского состава.

В 2.398 хозяйствах указанных волостей имелось 3.166 лошадей. По группам хозяйств весь конский состав распределялся следующим образом:

Группы хозяйств	Количество х-в		У них голов скота	
	Всего	В % к общему количеству	Всего	В % к общему количеству
Безлошадные и однолошадные	1.615	67,3	1.187	37,5
Двухлошадные	570	23,8	1.140	36,0
Трех — и более — лошадные	213	8,9	839	26,5
Итого	2398	100	3.166	100

Какие выводы напрашиваются из таблицы?

Первый: уже в 1895 г. в алексинской деревне имелся довольно значительный слой пролетариев-безлошадников,

*) Упомянутые „Материалы“ в приложении к „Пам. книжке Тул. губ. за 1898 г.“ Расчеты охватывают те же 4 волости, из которых 3 вошли в Алексинский район.

**) Еще раз оговариваемся: Спас-Конинская волость не вошла в Алексинский район.

неспособных за отсутствием лошади вести самостоятельное хозяйство (безлошадных хозяйств насчитывалось 428, или 17,9 проц. к итогу).

Второй: безлошадники вместе с однолошадниками составляли свыше двух третей населения (67,3%), между тем в их руках имелось немного более одной трети конского состава (37,5%).

Третий вывод: количественно самая небольшая группа трех- и более-лошадников (8,9% наличных хозяйств) была самой сильной и держала у себя свыше четверти лошадей (26,5)%.

Трех- и даже двухлошадники, повидимому, держали излишний скот не столько для собственных нужд, сколько для отдачи его в пользование безлошадным хозяйствам. Бедняку, понятно, туго приходилось от кулацкой „поддержки“.

Приведенная таблица дает нам право сделать следующее заключение: в девяностых годах прошлого столетия капиталистические отношения уже властно ворвались в алексинскую деревню и провели в ней резкое расслоение. У алексинцев протекал тот самый процесс раскрестьянивания, отрыва от земли бедняка и рассасывания средних крестьянских слоев, который с такой исключительной полнотой был исследован Владимиром Ильичем в его „Развитии капитализма“ *).

3.

Попробуем теперь измерить путь, пройденный алексинской деревней, в части расслоения и раскрестьянивания середняцких слоев, с девяностых годов прошлого века к предвоенному времени. Присмотримся к данным подворной переписи за 1911 г.—12 г., при чем данные эти для сравнения сведем опять-таки по известным нам четырем волостям (Сотинской, Стрелецкой, Суходольской и Спас-Конинской).

Общее количество наличных крестьянских хозяйств по волостям возросло с имевшихся в 1895 г. 2.398 до 2.725. Прирост по наличным хозяйствам за 17 лет выражается в 13,7%, а по всем хозяйствам, включая и отсутствующих (их в 1912 г. насчитывалось 547), он будет гораздо больше. Дробление двора и выделы протекали, как видно, довольно интенсивно.

Упомянутые хозяйства имели в пользовании всего 22.867 десятин удобной земли, в том числе 16.392 дес. своей надельной, 1.294 дес. купчей и 4.561 дес. арендованной. К началу мировой войны капиталистические отношения сделали новый и решительный шаг в своем развитии в деревне—в товарный оборот к этому времени была вовлечена и земля.

Раньше арендованная, а тем более купчая земля встречалась, по свидетельству Смирнова, у единиц, теперь по нашим

*) В. И. Ленин. Сочинения, изд. 2-е, ГИЗ, том III, стр. 132.

волостям ею уже располагали сотни хозяйств. Так, купчая земля имелась у 457 хозяйств (у 130 единолично, а у остальных целыми обществами).

Арендovanную землю имели 1.152 хозяйства, из них 771 хозяйство арендовало землю единолично, а 381 — артелями. Свыше 50% арендованной площади (всего арендовалось 4.580 дес.) было в долгосрочном пользовании арендаторов. Сдавали в аренду преимущественно те самые хозяйства, которые вошли в жесткую полосу раскрестьянивания. Сдавало землю в аренду 179 дворов с наличными едоками и 424 — с отсутствующими. О капиталистическом характере арендных отношений в алексинской деревне говорят способы расплаты за арендуемую землю: больше чем на 95 проц. арендная плата покрывалась деньгами и лишь остальные 4—5 проц. — отработками, издольно и смешанной платой.

Отсюда вывод, что к предвоенному времени в наших волостях протекал в крестьянской среде довольно интенсивный процесс концентрации земли путем купли-продажи и найма-сдачи ее в аренду. Сколь далеко продвинулся этот процесс, показывает следующая табличка о группировке крестьянских хозяйств по площади посева:

Группы хозяйств по размерам посева в 1912 г.

Ч и с л о х о з я и ш т в					
Без посева	С п о с е в о м				
	До 2 дес.	От 2 до 4 дес.	От 4 до 6 дес.	От 6 до 10 дес.	От 10 и выше
161	496	1.016	610	377	65

Всех наличных хозяйств 2.725; пашни у них имеется около 13.000 десятин.

Не будет большой ошибкой, если мы признаем целиком „раскрестьянившейся“ не только первую беспосевную группу хозяйств (161 хозяйство), но и малопосевщиков, располагающих посевом до 2 дес. на двор. Всех раскрестьянившихся хозяйств у нас окажется 657, или около четверти общего количества наличных дворов (точнее 24 проц.).

Следующая — подавляющая — группа дворов с посевом от 2 до 4 дес. (1.016 хозяйств), очевидно, не могла жить доходами от одной земли. Земледелие для нее при ничтожных алексинских урожаях было не главной, а подсобной отраслью.

Крепко сидели на земле высшие группы, из которых первая (377 хозяйств с посевом от 6 до 10 дес.), при сравнительной обеспеченности рабочей силой, могла не терять своего трудового характера. Последняя группа (65 хозяйств с посевом

от 10 до 15 дес. и выше), несомненно, была уже типично кулацкой. Именно она имела максимум арендованной и купчей земли, именно в ее хозяйствах применялся труд тех 112 постоянных и временных наемных рабочих, которых выявила по волостям подворная перепись в 1912 году.

Сведения о посевности дополним сведениями о лошадности. Группировка хозяйств по лошадности в 1912 г.

Группы хозяйств	Количество хозяйств		У них гол. рабоч. лошадей	
	В с е г о	В %/о к итогу	В с е г о	В %/о к итогу
Безлошадн. и однолошадных . . .	1.944	71,4	1.435	45,9
Двухлошадных . . .	693	25,4	1.386	44,3
Трех-и более-лошадных	88	3,2	307	9,8
Итого . .	2.725	100	3.128	100

Вспомним нашу первую табличку о лошадности алексинских крестьян в 1895 г., приведенную на стр. 9. Из сравнения обеих таблиц сам собой вытекает вывод о том, что обеспеченность дворов рабочим скотом за истекшие 17 лет понизилась: деревня обеднела. Общее количество лошадей упало с 3.166 голов в 1895 г. до 3.128 голов в 1912 г. Снижение очень большое, если мы учтем одновременный рост хозяйств и рост самого населения.

В связи с общим обеднением произошла перестановка групп дворов по обеспеченности их рабочим скотом. Сильно возрос удельный вес первой группы — безлошадников и однолошадников (количество этих хозяйств поднялось с 67,3 проц. к итогу до 71 проц.; они сосредоточили теперь в своих руках 45,9% всех лошадей против 37,5% в 1895 году).

Еще больше повысился вес второй группы, и одновременно третья высшая группа дала сокращение как в количестве хозяйств, так и в количестве лошадей.

Такая эволюция, сделанная алексинской деревней, ни в малой степени не смазывает того факта, что деревня продолжала расслаиваться, и расслоение это с каждым годом пускало все более глубокие и крепкие корни в крестьянскую среду. Но в условиях малоземелья расслоение в меньшей степени касалось конского состава, чем других частей крестьянского хозяйства (инвентаря, посевов и т. п.).

Как мы уже видели, расслоение окончательно обескровило беднейшее крестьянство. Безлошадники (их насчитывалось в 1912 г. 509 хозяйств, или 18,8%), беспосевщики и малопосевщики с посевом по 2 дес. на двор (657 хозяйств) безынвентарники (460 хозяйств без всякого инвентаря) и, наконец, 160 дворов, не имеющих никаких построек, — все эти семьи только числились крестьянскими, а по существу они уже представляли из себя другой слой населения в деревне, порывавший последние связи с земледелием.

Подавляющая масса алексинских дворов не могла даже на четвертую долю своих потребностей жить доходами от земли. Эта масса понуждалась силою вещей искать других источников существования.

Каких же? На выбор алексинскому крестьянину представлялись три выхода: 1) батрачество у местного барина в его поместьях, 2) кустарный промысел и 3) отхожие промыслы.

Целый ряд условий понудил крестьян избрать третий путь.

Мужик предпочитал рвать всякие связи с землей и бежать из деревни на отхожие промыслы в город. Теперешний Алексинский район издавна был типичным районом отхожих промыслов.

Целые селения сплошь были заселены штукатурами, плотниками, столярами, пекарями, колбасниками, литейщиками и даже приказчиками, лакеями, половыми и проч.

Из 2.725 хозяйств целые 2.196 хозяйств имели в 1912 г. в составе своей семьи отхожих рабочих. Главным образом, на промыслы уходило самое работоспособное население — мужчины и часть женщин в рабочем возрасте. В районе и сейчас нередко можно встретить деревни, которые слынут в округе за „бабьих захребетников“. В этих деревнях со всем сельским хозяйством двора управляется женщина. Мужчина почти всю свою жизнь проводит в городе, наезжая к семье лишь от случая к случаю. Часто мужская половина деревенского населения до того порывает связь с хозяйством, что вконец разучивается даже пахать, косить, запрягать лошадь и т. п. Всю эту работу проводит женщина.

Прежде, до революции (да и теперь, с ростом нашей промышленности), в летнее время алексинская деревня пустела. Все работоспособное уходило; сставалась детвора, старики и женщины.

Это болезненно отражалось на сельском хозяйстве района. Больше, чем мужик, от этого терпел барин. Крестьянское хозяйство, правда, лишалось рабочих рук. Зато оно получало приток средств из города, куда работник уходил на заработки. Помещик-барин, наоборот, тут нес одни потери. Он лишался дешевых рабочих рук, которые должны были оплодотворить дворянский

капитал и землю. Недостаток и дороговизна рабочей силы определили собой всю практическую политику дворян-землевладельцев в отношении к деревне и к крестьянскому хозяйству.

На знамени земства (где помещики играли господствующую роль и где они предавались пустому и ни к чему не обязывавшему либеральничанию) было написано: оторвать крестьянина от города, вернуть его к земле в деревню. Политика отрыва осуществлялась ставкой на крепкого столыпинского мужика и теми подачками, которые бросало земство хиреющему крестьянскому хозяйству. Надо было поощрять возврат крестьянина в деревню, и это делалось путем перепродажи помещичьей земли через поземельный банк крестьянам, путем несмелых попыток организации случайных и сливных (для молока) пунктов, молочных артелей и т. п.

Из всей этой работы ничего путного не получилось. Она не могла оказать серьезное влияние на массовое крестьянское хозяйство. Перед самой войной, да и в годы войны, алексинские помещики попрежнему ощущали острый недостаток в рабочих руках.

Сельское хозяйство района попало в замкнутый круг противоречий. На крестьянском конце оно хирело и разлагалось от малоземелья, от беспомощности мужика, от его бессилия поставить хозяйство на культурный лад.

Тот же процесс загнивания протекал и на барском конце. Здесь загнивание шло по той причине, что в условиях нехватки и дороговизны наемной рабочей силы сельское хозяйство становилось просто невыгодным.

5.

Все эти противоречия в корне разрешила Октябрьская революция; она покончила с помещичьим землевладением, передала барскую землю крестьянам и открыла широчайшие возможности культурной перестройки крестьянского хозяйства.

Носителями революции в Алексинском уезде оказались рабочие-отходники. Благодаря им переворот прошел организованно, без излишних эксцессов и ненужных погромов барских усадеб. К середине 1918 г. в уезде уже закончилась в основных чертах социализация земли.

В границах теперешнего Алексинского района деревня получила от помещиков 15.475,02 десятин.

К настоящему времени (после передачи лесов местного значения и излишков госфонда) землепользование в районе складывается следующим образом:

Земли в пользовании:

Крестьян	38.224,13 дес.
Колхозов, совхоз, город и пр.	666,33 „
Госфонд.	2.388,72 „
Государственные леса	9.360,05 „

Итого: 50.639,27 дес.

Получается картина, глубоко отличная от той, которая видна в таблице о землевладении в 1914—15 г. (см. стр. 7). Там в пользовании крестьян было 53,7 проц. общей площади, а здесь 75,5 проц.

Там на долю деревни приходилось 32,3 проц. леса, а здесь 36,3 проц.

Конечно, земельной нужды социализация земли в пределах Алексинского района не разрешила, да и не могла разрешить при имеющемся в нем аграрном перенаселении. Но все же она внесла большую поправку в земельные отношения в алексинской деревне.

Сейчас в районе насчитывается 4.443 хозяйства.

По обеспеченности землей они разбиваются таким образом:

Количество хозяйств с наделом на едока:

Без надела пашни	Количество хозяйств с наделом пашни *)				
	До 0,50 дес.	От 0,50 до 0,75 дес.	От 0,75 до 1 дес.	От 1 до 1,50 дес.	От 1,50 д. и выше
	97	376	2132	1773	65

В силу естественно-исторических и других причин обеспеченность землей крестьянских хозяйств в разных углах района, по разным деревням различная. Средний надел колеблется от 0,90 до 1,25 дес. на едока. Надел ничтожный. С таким наделом можно жить при двух условиях: или 1) имея побочные доходы, кроме доходов от земледелия, или 2) предельно интенсифицируя свое хозяйство и извлекая возможный максимум доходности из того же карликового надела.

Сейчас чрезвычайно трудно проследить те пути, которыми шло хозяйство района за 10 лет революции.

В годы гражданской войны и военного коммунизма алексинская деревня, как везде и повсюду, осередничивалась; осередничивание шло по линии общего спуска, когда верхние и средние слои крестьянства понижали свой жизненный и хозяйственный уровень. К 1921—22 году вся деревня в целом стала однокоровной и однолошадной; крестьянское хозяйство ухудшилось.

*) В эту группировку вошли как наличные, так и отсутствующие хозяйства только по обществам и поселкам.

Обратное движение (от ухудшения к резкому улучшению) наметилось с введением нэпа. Теперь, минуя переходные этапы, мы можем подвести некоторые итоги этому новому, поступательному движению.

Возьмем вначале количественную сторону.

Тут положительно во всех частях мы можем наблюдать рост гораздо выше довоенного уровня.

Обеспеченность хозяйств района скотом видна из нижеследующей таблицы:

Г о д ы Виды ско а	Г о л о в с к о т а в р а й о н е						
	1910—12	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Лошадей стар- ше 3 лет . . .	3.885	3.016	3.681	4.003	4.237	4.061	4.694
Лошадей до 3 л.	250	59	206	453	1.144	381	901
Крупного рог. скота	3 206	3.651	4.253	4.718	5.483	4.922	4.844
Овец	8 897	10.064	14.579	11.121	Сведе- ний нет	10.735	11.164
Свиней	2 502	40	1.635	3.004	„	3.249	4.829
Молодняка рог. скота	3 656	2.049	4.309	2 495	2.697	1.862	3.573

По всем отраслям животноводства довоенные цифры оставлены позади. Самый бурный рост мы имеем по рогатому крупному скоту и по лошадям.

В прошлом году количество коров, а особенно молодняка сократилось, но явление это, как оказалось, временное и не страшное. Причина его кроется в большом недороде кормов по району за прошлый год.

Теперь насчет обеспеченности инвентарем.

Подворная перепись за 1912 г. насчитала в пределах Сотинской, Суходольской, Стрелецкой и Спас-Конинской волости на 2.725 хозяйств такой инвентарь: сох — 2.040, плугов однокорпусных — 204 и двухкорпусных — 1.028, борон деревянных с железными зубьями — 2.406 и железных — 9, жнеек — 1, молоток — 99, веялок — 107. Сеялок, косилок, сортировок в крестьянских хозяйствах района не обнаружено.

Однокорпусный плуг в 1912 г. приходился на 13,3 хозяйств, железная борона — на 302 хозяйства, жнейка 1 — на 2.725 хозяйств, молотилка — на 27,5 хозяйства и веялка — на 25,5 хозяйств.

А что мы имеем теперь? Вот таблица обеспеченности инвентарем хозяйств Алексинского района, составленная на

основе данных сплошной подворной сельскохозяйственной переписи за 1927 год.

	С о х	Плаугв однокор- пусных	Плаугв двухкор- пусных	Борон с железн. зубьями	Борон же- лезных	Сеялок ря- ловых	Косилок	Жнеек	Молотилок	Веялок	Сортиро- вок
Общ ко- личество	2.345	1.699	1.281	4.058	68	14	19	45	186	373	33
На единицу инвентаря приходится хозяйств	1,9	2,6	3,4	1,1	65,4	318	234	399	24	16,3	135

Обеспеченность инвентарем поднялась даже выше, чем обеспеченность скотом.

Вспомним, что, сравнивая лошадность крестьянских дворов за 1895 и 1912 гг. (по Сотинской, Суходольской, Стрелецкой и Спас-Конинской волостям), мы отметили там попятное движение за 17 лет: количество лошадей в волостях сократилось. Так было в условиях буржуазно-помещичьего строя, когда деревня нищала и вырождалась. Но не то наблюдается в наших советских условиях, когда деревне обеспечена помощь всего аппарата рабоче-крестьянской власти и кооперации. Там за 17 лет лошадность сократилась. У нас — всего лишь за 5 лет нормальной работы в условиях мирного строительства — и лошадность, и коровность, и инвентарность расширились. Нельзя забывать, что расширение шло при крайне неблагоприятном для деревни соотношении цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

6.

Вдвойне интересны для нас не количественные, а качественные изменения в сельском хозяйстве района и особенно социальные изменения в строе крестьянских хозяйств.

Кратко перечислим культурные сдвиги в земледелии и животноводстве алексинской деревни.

Первое — выгодно изменилось на крестьянских полях соотношение разных культур. Зерновые культуры с 92,3% к общей посевной площади в 1910 г. сократились до 77,56% в 1927 г. Из хлебов рожь понижает свой удельный вес, а озимая пшеница, дающая хороший урожай по клеверищу, повышает его. Возрастают посевы льна (с 3,2 проц. до войны до 7,85 проц. в 1926 г.) и картофеля (с 1,96 проц. до 3,72 проц.). А самое главное — в крестьянские поля уверенно продвигается кормовая трава — клевер. Клевер понемногу задает основной тон хозяйству деревни. Подворная перепись 1912 г. не нашла клеверных посевов у крестьянина: они имелись у помещиков,

при чем барские клеверные посевы занимали 5,17% посевной площади в границах нынешнего района. Теперь клеверо-сеянием занимается крестьянин, охотно уплачивая за пуд клеверных семян Госсельскладу 24—26 руб. Жаль, что семян нехватает. В настоящее время под клеверными посевами (1-го, 2-го и 3-го годов) в районе находится 1569 дес., или 8,2% посевной площади, а под всеми кормовыми травами 2157,59 дес.—11,28%.

В связи с внедрением клевера в крестьянское хозяйство, с 1922/23 г. протекает интенсивный переход алексинской деревни от дедовской трехполки к многополью. В свое время либеральные земцы сетовали на малую успешность своей агропропаганды. Советскому агроному не до сетований: он только успеваешь поворачиваться на требования крестьян о переводе на многополье, о доставке клевера, чистосортного овса и т. д. В 1927 г. по нашему району с многопольными севооборотами имелось 42 общества с посевной площадью до 8 тыс. (25—28% ко всей посевной площади). А в 1912 г. земская подворная перепись вынуждена была графу о многополье по алексинским деревням оставить незаполненной, так как перепись не обнаружила многопольных севооборотов в крестьянских хозяйствах.

Из других массовых агромероприятий по полеводству можно отметить: сортировку семян (в прошлую посевную кампанию весной отсортировано 23 тыс. пуд.), протравливание семян овса и проса формалином (до 15 тыс. пуд.), посевы чистосортного шатиловского овса, ранние и черные пары и т. п.

Лет 12—15 назад все эти вещи были просто неизвестны деревне.

Надо сказать, что внедрение новых форм и культурных приемов хозяйствования по району проходит далеко не равномерно.

Посмотрим, каков социальный строй теперешнего крестьянского хозяйства. Материалы об этом слишком недостаточны, чтобы дать исчерпывающие выводы.

То, что есть, рисует следующую картину: пользование землей сейчас значительно равномерней, чем это было прежде.

По посевности крестьянские хозяйства разбиваются таким образом:

Количество хозяйств						
Без посева	С посевом					
	До 2 дес.	От 2 до 4 дес.	От 4 до 6 дес.	От 6 до 10 дес.	От 10 до 13 дес.	От 13 и выше
37	661	1.689	1.306	690	57	12

По коровности и лошадности группировка хозяйств будет почти такой же.

Обеспеченность хозяйств конской рабочей силой в 1927 г.

Группы хозяйств.	Количество хоз-ств		У них голов раб. лошадей	
	Всего	В % к итогу	Всего	В % к итогу
Безлошадные и однолошадные .	3.636	81,7	3.001	64,0
Двухлошадные	767	17,2	1.534	32,6
Трех- и более-лошадные	49	1,1	159	3,4
Итого	4.452	100	4.694	100

О коровности разных групп хозяйств в 1927 г. дает возможность судить следующая таблица:

Группы хозяйств	Количество хоз-ств		У них коров	
	Всех	В % к итогу	Всех	В % к итогу
Бескоровные и однокоровные .	3.622	81,4	3.076	63,5
Двухкоровные.	745	16,7	1.490	30,8
Трех- и более коровные	85	1,9	278	5,7
Итого	4.452	100	4.844	100

Сравним эти таблицы советского времени с соответствующими таблицами за довоенный период, которые приведены выше. Из сравнения со всей очевидностью встанет факт осередничивания деревни. Деревня уравнилась, и проведенное уравнение не смазывается в ней ни влиянием нэпа, ни возвратом в деревню раскрестьянившихся слоев из города (а этот возврат имел место в первые годы революции; часть вернувшихся прочно осела в деревне).

Растет ли в Алексинском районе бедняк и кулак? Более точно мы ответим на этот вопрос ниже. Здесь же затронем его вскользь.

В районе было хозяйств

Г о д ы	1925	1926	1927
Группы хозяйств			
Беспосевных	98 *) — 2,3	101 — 2,3	40 — 0,9
Безлошадных	651 — 15,1	864 — 19,6	635 — 14,2
Бескоровных	390 — 9	560 — 12,7	546 — 12,3

Количество абсолютно-бедняцких хозяйств все еще очень велико. Но оно значительно ниже предвоенного и дореволюционного уровня. Хозяйственное развитие деревни определенно идет к понижению удельного веса бедняцких дворов в общей сумме дворов по району. Правда, эта линия развития резко была нарушена в 1926 г., когда недород кормов больше всего отразился на бедняцких хозяйствах, понудив их запродать свою последнюю скотину. Теперь беднота снова понемногу выпрямляется.

Еще труднее проследить движение кулацкого слоя. До сих пор кулак остается недостаточно уловимой категорией; способы точного определения кулака в местных условиях не выработаны. Где кончается середняк и начинается кулак — в иных случаях ответить очень трудно.

Несомненно одно. Кулак широко использовал первые годы нэпа для хозяйственного роста. В его отношении к новой экономической политике в Алексинском районе, как и везде, можно проследить ряд этапов.

Первый: недоверие к нэпу; боязнь, что нэп — это только подвох, один из очередных фискальных приемов власти. На этом этапе торговля протекала все еще подпольно, несмотря на законоположения о местном товарообороте. Преобладающей фигурой на рынке оставался спекулянт-мешочник.

Понемногу опыт убедил даже мешочника в том, что нэп введен „всерьез и надолго“. Тогда недоверие к новой экономической политике у кулачья сменилось почти демонстративным ликованием: коли, мол, нэп, стало быть все позволено. Именно тогда начали развертывать свои дела разные Кавы-

*) Верхняя цифра — числитель — показывает количество, а нижняя — знаменатель — процент хозяйств к общей сумме дворов по району.

кины, Кузьмичевы и Перельгины, о которых говорится ниже. Старый матерой кулак, кабатчик, прасол и ростовщик — пошли напролом. Он пускался на самые рискованные сделки, чтобы нажить „алтын на грош“. По деревням, да и в городах, развертывалась своеобразная полоса „первоначального накопления капитала“, заполненная оголтелым рвачеством. Деревня особо остро нуждалась тогда, во-первых, в городских товарах и, во-вторых, в денежных средствах, потребных на восстановление сельского хозяйства. На первых порах госорганы не могли удовлетворить эту неотложную нужду деревни. А советская кооперация тогда только нарождалась.

Поэтому в 1922/23 году все пути для частного капитала в деревне были открыты. Он тогда и взялся налаживать свою кулацкую „смычку“ между промышленностью и деревней.

Частник широко использовал отсутствие конкуренции, слабость финансового контроля со стороны наших налоговых органов, а самое главное, те многочисленные промахи, которые допускались в практике мест.

Хищный и изворотливый частный капитал начал пухнуть. Он развернул и в городе и по деревням густую сеть своих торговых и производственных предприятий, равно обдиравших и городского потребителя — рабочего и сельского производителя — крестьянина.

В границах теперешнего Алексинского района еще в 1924 г. числилось свыше 60 торговых предприятий частника. Но 1924 год уже нес с собой „закат“ частному капиталу. Истекшее трехлетие не прошло даром. Госкооперативные органы извлекли из него нужную торговую и хозяйственную выучку. У них накопились оборотные средства для начальной работы. Более чуток стал и советский налоговый аппарат. Словом, обстановка для частника изменилась самым коренным образом.

А дальше подспели законы о наемном труде в сельском хозяйстве, об арендных отношениях и др. Формально они узаконяли многочисленные хозяйственные операции кулачья. А фактически эти законы регулировали кулацкую „работу“, ставили ей твердо очерченные границы. Своими законами мы как бы говорили: пусть допущен нэп, частная торговля и т. п., но вам дозволено отнюдь не все то, о чем вы думаете и на что рассчитываете.

В результате нашего хозяйственного роста с 1925/26 года частный капитал пошел на попятную.

В розничной торговле по Алексинскому району его окончательно свела на-нет потребительская кооперация.

Понемногу частник вытесняется теперь и с других позиций. Сбыт — снабжение деревни постепенно переходит в руки сельхозкооперативов, кулацкое ростовщичество заменяется честным советским кредитом.

Огромные социальные сдвиги в положении деревни несут с собой последние налоговые мероприятия советской власти и развернувшаяся работа по коллективизации.

Ими открывается подлинное наступление на кулака, под которым база для „работы“ теперь суживается не по дням, а по часам.

Кулак уже давно забыл свои хвалебные гимны нэпу. Он и сам признал в нэпе новую форму борьбы рабоче-крестьянского государства с частно-капиталистической стихией.

Мы настойчиво тесним теперь кулака даже в границах „дозволенного законом“, тесним самым страшным орудием — лучшей постановкой торговой и хозяйственной работы в своих организациях.

Можно быть уверенными, что мы выкорчем кулачье из деревенской почвы. Одновременно, в меру роста социалистических элементов в сельском хозяйстве, мы уничтожим всякие предпосылки для возникновения кулачества в деревне. Тогда советская деревня станет подлинно социалистической деревней.

В МУЖИЦКОЙ ГУЩЕ

I.

Серые клочья туч бродят по небу. За последние две недели не было дня, чтобы сверху не сеял дождик. После дождей хмуро и неуютно, почти по-осеннему, выглядят посевы ржи, пшеницы, овса и клевера.

Навстречу по скользкой и размякшей дороге на Нижний Суходол нам изредка попадаются небольшие группы крестьян. Беспokoйно посматривают на поле, на заволоченное облаками небо.

Да и как не беспокоиться. Хлебам время дозревать, пора скашивать траву. А дождь задерживает и покос и созревание. Местами буйная рожь уже полегла.

Полон беспокойства наш спутник — секретарь суходольской партячейки Василий Александрович Калинин, с которым мы едем в село Нижний Суходол.

— Что тут будешь делать? — говорит он. — Урожай нынче выдался на-славу. Все дело в том, какова будет уборка. В суходольском райселькресткоме со дня на день надо производить покос общественного клевера. Под клевером у нас 8 десятин. Как будешь убирать при такой погоде?

В Нижнем Суходоле мы прямо попадаем на сельский сход. Сход — как все сходы. На лужку у школьной ограды сгрудилось человек 30—40. Одни развалились прямо на мокрой траве, другие сидят на корточках. Сход гудит. В порядке дня собрания — вопрос об отказе от празднования „казанской“.

Школьный учитель и избач Евгений Михайлович Гриц докладывает сходу:

— С этим делом, братцы, давно пора покончить. „Казанская“ совпадает с самой страдной порой, когда, как говорят, день год кормит. Убить в это время 4—5 дней на пьянку — сплошное преступление против самих же себя. Кроме того, по моим расчетам, в прошлые годы нашим ниже-суходольским хозяйствам „казанская“ обходилась в 400—500 руб. Один двор бросал на праздник псу под хвост 10—15 руб. Или мы так богаты, что не можем подыскать более нужное место для этик

денег? Ведь за 500 руб. можно купить 4—5 штук высокомо-
лочных коров.

Не успел кончить докладчик, как в ответ понеслось:

— Да мы что же? Мы готовы кончать... На кой чорт нам
нужна „казанская“!

— А как кончать, если на праздник из других деревень
к нам приедут братья, зятя да сватья всякие? Хочешь — не
хочешь, кормить-поить надо.

— Верно говоришь.

Сход резко разделился. Молодые хозяева в один голос
заявляли: „Надо отказаться от праздника“.

Старики возражали: „Этот отказ все едино окажется отка-
зом только на бумаге. В самый праздник к ниже-суходольцам
соберутся гости. Какой из хозяев не припасет для гостей бу-
тылку-две водки, колбасы и всякой снеди!“

После долгого обсуждения сход постановил:

„От праздника отказаться. Об отказе оповестить окру-
жные деревни, а особо — сородичей. Посоветовать и им не тра-
тить попусту денег на нелепые и несвоевременные попойки.
Хозяев Нижнего Суходола обязать не покупать к „казанской“
ни одной бутылки водки. Гости, если они хотят, пусть приез-
жают. Но кроме пирогов да чаю они ничего иного в Нижнем
Суходоле не найдут“.

Повестка дня собрания исчерпана. Мы знакомимся с крестья-
нами, задерживаем со всякими оговорками сход и переходим
к разговорам о том, как живет деревня. Беседа вместе с хо-
ждениями на поля и по хозяйствам затягивается на добрые
четыре часа.

2.

О старых временах в Нижнем Суходоле вспоминать не
любят.

— Какие там времена! — поговаривают ниже-суходольцы.

Сами пухли с голода, а скотину к весне приходилось
подвешивать на веревке.

Нижний Суходол, да и смежные деревни — были целиком
в руках помещика Скобельцина.

Семисотдесятинное хозяйство Скобельцина прилегало к са-
мой станции Суходол Сызрано-Вяземской жел. дор. Барин во-
сю использовал такое положение своей земли и обрабатывал
ее целиком всю сам. Мужикам в аренду сдавались одни лужки.
Дорого обходились они деревне! Хозяйство в барском поме-
стье велось хищнически, старым допотопным способом. На земле
господствовала трехполка. Обработка полей производилась са-
мым упрощенным инвентарем, главным образом, мужицким.
Хозяйство обеспечивало доход своему владельцу, но доход
этот целиком шел от хищнической эксплуатации деревни.

В Нижнем Суходоле, как и по всему району, избыточное население уходило на отхожие промыслы. Часть рабочих рук, однако, оставалась в деревне. Вот эти оставшиеся и несли на себе всю тяжесть барской эксплуатации.

У мужика своего хлеба хватало только до рождества. На остальное время хлеб приходилось занимать у барина под работу. На ряду с хлебом занимали корма для скота, иногда деньги, арендовали (тоже под работу) лужи и т. п.

В прежнее время работа покрывала одни проценты, а самый долг возвращался барину полностью в установленный срок.

Так и жило хозяйство Скобельцина на буквально бесплатном использовании мужицкой рабочей силы. В страдную пору барин ставил деревне 2 ведра водки и, пьяную, гнал ее на покос.

Про старое в Нижнем Суходоле говорить не любят.

Но память о Скобельцине, о барской эксплуатации и изымательствах (в роде штрафов за поправку посевов мужицкими курами) крепко засела в голове крестьянина.

Последний раз деревня видела своего барина в мутный ноябрьский осенний день.

С первыми слухами об октябрьском перевороте (Февраля Скобельцин будто бы как и не заметил) барское поместье завошилось. По ночам из усадьбы и со скотного двора барин начал отправлять в неизвестные места свой скот. Подготавливалась на глазах крестьян продажа и отправка сельскохозяйственного инвентаря и другого имущества. Скобельцина во-время успели, однако, осечь: на его поместье наложил свою руку крестьянский земельный комитет.

Вскоре Скобельцина в Нижнем Суходоле не стало — темною ночью он уехал в Москву.

Где в настоящее время пребывает „барин“ — ниже-суходольцы не знают, да и не интересуются этим. Важно то, что он ушел безвозвратно.

Из барской земли ниже-суходольцы получили до 200 дес. Землепользование их значительно расширилось. Главное, деревня получила те самые лужи, за которые Скобельцин выматывал из нее в свое время все силы.

За годы гражданской войны и военного коммунизма в Нижний Суходол вернулись многие из отходников. Они и составили тот слой населения, который с первых же лет начал настойчиво тянуть деревню к новому.

Под влиянием отходников Нижний Суходол первым в Алексинском районе перешел на четырехполье. Тогда же, в 1920 г., деревня ввела посевы клевера. Много забот доставили клеверные посевы ниже-суходольским передовикам. В неурожайный, засушливый 1921 г. клевера погибли. Отсталая часть деревни под шумок пробовала было использовать их

гибель, снова перетягивая мужиков на трехполку. Перетянуть не удалось. Передовики сколотили нужную сумму денег и опять закупили клеверные семена для всей деревни. Второй посев клеверов (ниже-суходольцам попал южный одноукосный клевер) также пропал: посевы его не выдержали суровой зимы 1921/22 г. и целиком вымерзли. Ниже-суходольское многополье подлинно висело на волоске. Только настойчивость передовиков предотвратила возврат общества к трехполке.

Многопольный севооборот теперь в Нижнем Суходоле устоялся. С 1923 г. деревня имеет у себя посевы уже средне-русских одноукосных клеверов, которые хорошо выносят наши морозы.

В 1922 г. ниже-суходольцы провели у себя полное землеустройство. Разбросанная по клочкам земля была сведена в широкие полосы, дальнеземелье уничтожено.

На запольную землю из состава общества выселились 7 середняцких хозяйств, образовавшие на новых местах колхоз — поселок „Новый Свет“. Важно отметить, что землеустройство в Нижнем Суходоле проходило крайне организовано. Общество сумело учесть при нем интересы каждого отдельного двора. В результате за истекшие 5 лет в деревне не было никаких земельных споров, переделов и перетасовок. И это в то время, когда в окружающих деревнях крестьяне потеряли всякую охоту удобрять землю по причине неустойчивости землепользования.

Ниже-суходольцы оказали посильную помощь своим выселенцам (колхозникам „Нового Света“) при переходе их на запольный участок. Колхозникам помогли подводами и рабочими руками. Так деревня сделала первые, самые трудные шаги по дороге к новому. Дальнейший путь был легче.

В 1923 же году в ниже-суходольскую школу приехал учитель Е. М. Гриц, показавший себя живым общественником. Он завязал тесные связи с райагрономом, с животноводом, а позднее — с суходольской партичейкой. Гриц и партийная ячейка стали главными двигателями общественной работы в деревне. По их инициативе организовалась изба-читальня, а при ней сельскохозяйственный и другие кружки.

По мере того как вырастали силы у деревни, и перед ней вставали новые и все более сложные задачи, она сама создавала в своей среде опорные пункты для дальнейшего продвижения вперед. Так возник суходольский селькредком, потом суходольская кустарно-промысловая и, наконец, молочная артели. Деревня кооперировалась. Крестьянские хозяйства все глубже втягивались в кооперативный оборот; хозяйственные связи между ними и городом все больше крепили и крепили.

Сейчас из 38 наличных хозяйств Нижнего Суходола 36 хозяйств входят членами в суходольское ПО, 12 хозяйств —

в молочную артель, 7 — в кредитное сельскохозяйственное товарищество и 3 хозяйства — в кустарно-промысловую артель.

За пять лет кооперация пустила глубокие корни в хозяйство и быт ниже-суходольских крестьян. Процессы кооперирования начались у них с малого, начались по нужде. Надо было переходить на многополье, требовалось закупить клеверные семена. И крестьяне кооперировались, чтобы целым обществом заполучить клевер в кредит. Потом всем обществом, в складчину, в Нижнем Суходоле наняли землемера для проведения землеустройства; потом выделили из клеверных посевов общественный семенник клеверных семян и т. д. Каждая из подобных операций (включительно до выбора и покупки общественного быка производителя, швица) протекала по кооперативному руслу. От простейших форм кооперирования и отдельных кооперативных (по способам осуществления) мероприятий не трудно было перейти к организации законченных и устойчивых кооперативных объединений.

Сейчас весь Суходольский район является одним из самых густо кооперированных районов. Кроме упомянутых организаций (потребобщества, молочной и кустпромартелей), здесь существуют: садово-огородная артель, артель кирпичедельцев и два колхоза — артели „Луна“ и „Новый Свет“.

Ниже-суходольские крестьяне объединены и как потребители (в ПО), и как производители молочных продуктов (в молочной артели), производители кустарных изделий (в кустпромартели) и т. п.

Трудно подсчитать точно те крупные выгоды, которые дает им кооперация: гроши, сбереженные на покупке товаров в кооперативе, вырастают здесь в общей сложности до сотен рублей, если учесть выгоду от кооперативного кредита, от сбыта через кооперацию молочных продуктов, кустарных изделий и т. п. В целом, хозяйство ниже-суходольцев за последние пять лет строилось под непосредственным влиянием кооперации.

3.

Что же мы имеем теперь в Нижнем Суходоле?

Многополье внесло целый переворот в сельское хозяйство ниже-суходольцев. Благодаря посевам клевера урожайность всех зерновых культур повысилась так, что рожь дает теперь в год 100—120 пуд., овес 70—80 пуд., гречиха 80—100 пуд, пшеница до 100 пуд. и т. д. А прежние довоенные урожаи здесь были: ржи не свыше 50—60 пуд., овса не свыше 40 пуд., гречихи до 50 пуд. Пшеницы до 1922, 23 г. в Нижнем Суходоле совсем не сеяли.

Приступив к расширению хозяйства, ниже-суходольцы порешили не ограничиваться одним клевером. В 1925 г.

у отдельных хозяев Нижнего Суходола появляются на приусадебной земле посевы турнепса и кормовой свеклы. Дальше — больше. Культура корнеплодов заинтересовала всю деревню. Теперь положительно каждый двор имеет на приусадебных участках по осьминнику (четверть десятины) под кормовой свеклой и турнепсом.

С расширением кормовой базы у ниже-суходольцевширилось животноводство. Сейчас 38 дворов располагают 50 продуктивными коровами: бескоровных в Нижнем Суходоле нет; однокоровников 29, двухкоровников 6 и трехкоровников 2.

Животноводство района каждый год увеличивается, и одновременно происходит качественное улучшение скота. Старых коров-тасканок в деревне давно уже нет — их продали; крестьяне обзавелись высокомолочной коровой, по преимуществу улучшенной прилитием швицкой крови. Вообще, надо сказать, что суходольцы решили перейти целиком на швицкий скот, так что и общественный бык-производитель подобран из швицкой породы.

Отношение крестьян к молочному скоту глубоко изменилось. Прежде полагали так: чем больше обходится он подножным кормом, тем это выгоднее для хозяйства. Теперь думают по-иному. В результате настойчивой работы райживотноводов (лекции и беседы, практические показательные мероприятия и т. п.), в обиход крестьянских хозяйств вошли концентрированные корма для молочного скота. Молочное дело целиком лежит на плечах женщин, которые теперь знакомы с такими понятиями, как „кормовая дача“, „датское кормление“, „поддерживающий корм“, „продуктивный корм“ и проч. По инициативе женщины вся деревня перешла на кормление скота по нормам. В 15—18 хозяйствах датское кормление производится с точным расчетом кормовых единиц, при наличии утепленных скотных дворов и оборудованных датских кормушек. В остальных хозяйствах дело только налаживается: понемногу утепляют хлев, приспособляются кормушки, дача кормов происходит там на глаз.

Как и другие отрасли хозяйства, продуктивное животноводство ниже-суходольцев развивается под самым непосредственным влиянием кооперации. Свое молоко они сдают суходольской молочной артели, а та сбывает его через кооперативную систему союза „Молоко“ (о молочной кооперации см. главу V).

Культурные сдвиги в Нижнем Суходоле видны положительно во всем. Крестьянин здесь окреп. Вся деревня сплошь выглядит крепко-средняцкой деревней. Мы уже отмечали полное отсутствие бескоровных хозяйств среди ниже-суходольцев крестьян. Отсутствуют в их среде и безлошадники. В Нижнем Суходоле научились регулировать

урожаи и молочность скота. А в связи с этим забыт „всевышний“; его убежище — храм — разрушено в 1923 г., а кирпич и прочие материалы использованы на постройку школы.

Теперь Нижний Суходол имеет церковь не ближе, как за 5 верст. Даже у стариков нет охоты ходить такое расстояние „киселя хлебать“. И они не посещают церкви. Так безболезненно, незаметно для самих крестьян, произошел отрыв их от церкви.

Как нет нужды у суходольцев в услугах „всевышнего“, точно так же не ощущают они нужды и в „услугах“ мироедов и захребетников. В Нижнем Суходоле кулаку нет места.

В ниже-суходольской деревне типичная фигура земледельца — середняк — стала действительно массовой фигурой.

Вот хозяйство Семена Сергеевича Карасева. Семья его состоит из 6 человек; работоспособных 2. Семен Сергеевич имеет крепко сколоченную избу на два раствора, лошадь, корову, телку, 5 ягнят, 1 поросенка, кур и проч. Семен Сергеевич слегка подрабатывает на поездках за товаром для ПО. Земли у него 7 десятин.

Почти такое же хозяйство и у Сергея Еремеевича Панова. Та же крепкая изба на 2 раствора, лошадь с жеребенком, корова и подтелок, овцы, поросята, куры и проч. Семья у Панова состоит из 7 едоков.

Вот, к примеру, третий хозяин — Михаил Михайлович Степанов. У него семья из 8 душ; один целый год находится на работе в городе. В хозяйстве Михаила Михайловича имеются лошадь, двух лет жеребенок, корова, подтелок, куры, свиньи и проч.

Все перечисленные хозяйства располагают набором необходимого сельскохозяйственного инвентаря: плужками, боронами (деревянной с железными зубьями), веялками и т. п. Для наших мест их вполне можно счесть за типично-средняцкие хозяйства.

Нет нужды продолжать дальше перечень ниже-суходольских дворов: социально-экономический строй их тот же. Повторяем, Нижний Суходол — почти сплошь середняцкая деревня.

4.

Среди дворохозяев Нижнего Суходола выделяется только один, у которого резко очерчены кулацкие, захватнические поползновения.

Кузьмичев раньше был бедняком. В кузьмичевском хозяйстве так и чередовалось: то есть лошадь — нет коровы, то наоборот, корова есть, а лошадь „в нетях“. Изворотливый

и упорный Кузьмичев, как только грянула война, немедленно определился на работу для обороны в тульские заводы. Там он отсиделся и от империалистической и от гражданской войны. После, когда Кузьмичев вернулся в деревню (в 1922 г.), он сразу на глазах крестьян начал ворошить „мошной“. Деревня в это время только-только приступила к развертыванию хозяйства.

В Нижнем Суходоле была еще беднота, которая нуждалась в помощи со стороны. Беднота и шла к Кузьмичеву: одни за хлебом до новины, другие — за лошадьё на пахоту, третьи — за деньгами. Кузьмичев „ублагодворял“ всех просителей, зашибая деньгу на процентах. Позднее, когда „ублагодворять“ стало трудно, он перешел на работу с крупорушкой и на случайные рваческие операции.

Вот некоторые из них:

В прошлом году общество замыслило покупку быка-производителя. Своих денег у крестьян не оказалось, и они обратились за „помощью“ к Кузьмичеву. Тот помог. Он субсидировал ниже-суходольцев ровно на один год полутора ста рублями, при чем в качестве процентов затребовал от них скосить ему его часть лугов.

Примерно тогда же Кузьмичев всякими правдами и неправдами приобрел себе за 200 руб. без торгов, семейным порядком, постройку госземимущества в дер. Глиница. Через полгода постройка была перепродана тем же глинищенским крестьянам, но уже за 600 руб. Одна эта операция дала Кузьмичеву чистую прибыль в 400 рублей.

В округе покупка и перепродажа постройки вызвала большие разговоры. Крестьяне недоумевали, почему их не оповестили о том, что постройка госземимуществом продается, как могло случиться, что дом попал к Кузьмичеву без всяких торгов и соревнования?

Глинищенцы правы, когда они в таком факте видят сцепку кулака с советским аппаратом. Без сцепки и взаимных одолжений Кузьмичеву не видать бы этой постройки, как своих собственных ушей.

В приведенном случае крестьяне могли лишь строить догадки по части разного рода сцепок.

В клеверной же истории, которая приводится ниже, на место догадок становится общеизвестный факт.

У суходольского совхоза был клевер, вернее клеверные семена. Кулак Кузьмичев был в самых приятельских отношениях с заведующим совхозом. Пользуясь где подкупам, где уговорами, он при содействии завсовхозом придумал такую комбинацию.

Совхоз выдал Кузьмичеву 30 пуд. семян великолепного средне-русского клевера в обмен на гречневую лузгу, которая якобы потребовалась совхозу для откорма свиней. По

существу, клеверные семена достались Кузьмичеву бесплатно, так как лузгой он располагал как отходом от обрешки гречихи. Семена кулак перепродавал соседним крестьянам частью в кредит, частью за наличные. Проценты по кредиту здесь, как и в остальных случаях, покрывались мужицкой работой на кулацкой пашне и посевах.

Так оперирует Кузьмичев. Он — несомненный кулак. Он рвет при всяком удобном случае. Для рвачества надо иметь большую подвижность, изворотливость и хитрость. Всеми этими качествами Кузьмичев располагает с избытком.

Внешне Кузьмичев старается выглядеть более советским гражданином, чем любой из передовых середняков или бедняков. Одним из первых, без всякого понуждения со стороны, Кузьмичев выезжает на двух лошадях на пахоту кресткомовского клина. Из года в год он помогает своими средствами делу организации детских яслей в Нижнем Суходоле.

Но захватническая сущность Кузьмичева вполне ясна деревне. Нижне-суходольцы понимают, что он — кулак, которому положи палец в рот — он всю руку откусит.

За Кузьмичевым нет никакой социальной силы. В прошлые перевыборы советов кто-то попробовал выдвинуть его кандидатуру в члены сельсоветской ревизионной комиссии. Кандидатура торжественно провалилась, собрав из полутора сотен голосов только два голоса.

5.

Чем живет середняцкая передовая деревня Нижний Суходол, какими настроениями полон здешний середняк?

На сходе около ниже-суходольской школы крестьяне от разговоров о житье-бытье перешли к общим политическим вопросам.

В разговорах были затронуты вопросы о сельскохозяйственном налоге, о ценах, о возможной войне, о местном советском аппарате.

Налог все в один голос считают „терпимым“.

— Налог не тяжел, — указывают ниже-суходольцы, — но в нем есть неправильности. По-нашему, нельзя облагать скот в крестьянском хозяйстве, так как это задерживает рост животноводства. Если скот нельзя освободить от налога, тогда надо выработать пониженные ставки обложения коров, лошадей и т. п.

Тут же подмечались такие черточки в налоговой политике:

— Неверно постановлена у нас дача льгот на улучшение в хозяйстве. Льготы, дают, например, за племенной скот. А кто располагает таким скотом? Кузьмичевы и Перелыгины. Бедняк и середняк премированных коров не имеют.

Таков язык одной части деревни. Другая признавала, что политика предоставления льгот по налогу правильна.

— Можно, к примеру, взять даже наши хозяйства. В Нижнем Суходоле только что взялись за улучшение животноводства, а уже сейчас у нас имеются по отдельным дворам очень хорошие коровы. Льгота одинаково интересует каждого хозяина. Она заставляет тянуться из сил, чтобы ввести какое-нибудь улучшение в хозяйстве.

— Нехорошо, — говорили на сходе — что мы до сих пор не имеем устойчивого налога. Что ни год, то новый налог. Так нельзя. Бесконечные изменения в налоге запугивают мужиков, сбивают нас с панталыку. Надо один раз навсегда издать определенное положение о налоге, а потом, по мере надобности, изредка вносить в него нужные поправки.

На ряду с налогом вопрос о ценах является самым животрепещущим вопросом для деревни.

— Снижение цен, это — хорошо, — высказывались ниже-суходольцы.

— Снизили, да мало, — добавляли другие.

Третьи одергивали других:

— Не сразу Москва строилась. Начали снижать, авось докончат.

— Доживем как-нибудь и до старых цен.

Любопытно отметить, что повсеместно, где нами затрагивалась проблема цен, крестьяне, в пример крайнего разрыва цен на сельскохозяйственные товары и промизделия, приводили сапоги.

— Что же это? — спрашивали в Нижнем Суходоле. — Сапоги стоят 20—22 рубля. Чтобы обуться, надо сбыть кооперативу 25—26 пудов ржи или овса. Раньше на это дело шло 9—10 пудов зерна.

В Нижнем Суходоле положительно все крестьяне осведомлены о важнейших политических событиях, так как большинство или сами читают газеты (тут 38 крестьянских дворов выписывают 16 газет) или ежедневно прослушивают читку газет деревенскими политиками и грамотеями. Крестьяне уверены, что советская власть сделает решительно все от нее зависящее, чтобы не допустить войны.

6.

В шести верстах от Нижнего Суходола расположена деревня Преснецово. Преснецово встало на культурный путь не больше двух лет назад, поэтому в этой деревне все еще полно брожения: хозяйство и быт ее только перестраиваются.

Малоземелье в Преснецове давит крестьянское хозяйство. Даже теперь свыше половины преснецовских дворов имеют рабочих-отходников, отбывающих в город на заработки на целый год. Отходники и беднота (4 двора вдов) и составляют

те 7 безлошадных хозяйств, которые насчитываются в деревне среди наличных дворов.

Первые сдвиги в Преснецове наметились лишь зимой 1924 г. К этому времени в деревню вернулся демобилизованный красноармеец Дмитрий Павлович Коростелев. Для Коростелева Красная армия явилась действительной школой, в которой он получил все знания, необходимые для работы в деревенских условиях. Молодой, энергичный, всегда улыбающийся, Коростелев быстро как-то сошелся с односельчанами. Прежде чем взяться за работу, он связался с суходольской партячейкой, заглянул для переговоров к агроному и животноводу, обеспечил себе поддержку в сельсовете. Таким образом им был создан единый фронт водящих сил в своей деревне.

Первое, о чем пришлось подумать Коростелеву, были школа и многополье. Школьный вопрос очень остро стоял в Преснецове. Своей школы деревня не имела: ребят тут посылали учиться в д. Александровку за 4½ версты. Понятно, что в зимнюю пору в александровскую школу из числа преснецовских ребятишек могли ходить единицы; детвора бедняков и даже середняков оставалась за бортом школы. Коростелев, ознакомившись с окружающей его обстановкой, в долгие зимние вечера повел настойчивую агитацию среди крестьян за постройку школы. Первоначально агитация встречена была безучастно. Крестьяне не верили в возможность осуществления коростелевской идеи и на просьбы о поддержке большинство их уклончиво молчало.

Тогда Коростелев повернул фронт. Сколотив около себя инициативную группу, он подал заявление в рик с просьбой о передаче преснецовскому обществу одной бесхозяйственной постройки. Крестьяне даже не поверили было, когда в конце зимы Коростелев явился к ним с бумагой о том, что дом отпущен риком под школу. Тут уже становилось ясным, что затея бывшего красноармейца делается вполне осуществимой. Правда, нашлись такие, которые указывали: нам мол, больше других заботиться о школе нечего. Школа нужна не одному Преснецову, а и всем окружающим деревням — Любикову, Павловке и другим. Пусть соседние деревни затевают стройку, а мы, дескать, им поможем. Но такие настроения одиночек не нашли поддержки в массе домохозяев.

С весны преснецовское общество, все от мала до велика, приступило к строительной работе. В самую страдную пору преснецовцы работали над школой, не покладая рук. Все, что можно было сделать без найма рабочих рук, они сделали сами.

Каждое из лошадных хозяйств дало 43 поездки за 7 верст от деревни (место, где отвели обществу постройку) и обратно. Таким образом они перевезли отпущенный им

дом, предварительно разобрав его, потом обеспечили стройку камнем, кирпичом, глиной и другими материалами.

Пока лошадики возили, безлошадники работали на постройке.

Коростелев непрерывно личным примером подогревал настроение строителей. Он не спал днем и ночью, разыскивая по дешевке материал, уговаривал крестьян идти на жертвы. Преснецовцы и посейчас смеются, вспоминая, как он совершал обход по деревне с сумкой за плечами, требуя от домохозяев паклю, чтобы ошпаковать новую стройку.

Преснецово заразило своим трудовым под'емом соседние деревни. К стройке примкнула Павловка, за ней потянулись Новоселки и в самом конце Любиково. Отпущенных материалов и собственной рабочей силы преснецовскому обществу не хватало. Приходилось думать о средствах на оплату наемных рабочих и на покупку кое-какого оборудования. Коростелев и здесь нашелся. Воспользовавшись общим под'емом, он обошел все окружающие деревни, провел в них собрания и добился сбора денег на школу в порядке самообложения. Так, в 4 деревнях он собрал в 200 хозяйствах 1.050 рублей.

К середине октября 1925 г. постройку школы в Преснецове закончили. Крестьяне на живом примере могли убедиться в том, какое великое значение в деревенской жизни может иметь хорошо организованная и верно направленная самодеятельность.

В том же 1925 г. Коростелев при содействии ячейки и агронома перевел общество на шестиполье. Нынешним летом клевер в здешних краях дал исключительно богатый урожай (по 250—300 пуд. клеверного сена с десятины). Обилие кормов ставит теперь перед преснецовцами задачу развертывания и качественного улучшения своего животноводства. Коростелев исподволь, осторожно подходит к этой задаче. Как и во всем остальном, он действует здесь на окружающих собственным примером.

Прошлой осенью демобилизованный красноармеец выписал для своего хозяйства с полсотни пудов концентрированных кормов (отрубей и жмыхов). По поводу датского кормления он выдержал боевые схватки с матерью:

— Да он, родные мои, совсем ошалел,— причитала старуха по деревне.— Сам жрет без веса, а тут скотине заставляет взвешивать каждый клок сена.

Но Коростелев переломил мать. После опыта с датским кормлением старуха резко изменила теперь свое мнение о ценности советов сына.

— Дура была, старая,— говорит она про себя в разговоре с нами.— Раньше без веса и отрубей, корова давала у нас, в самый напор, 18—20 бутылок, а теперь она дает 27—35 бутылок. С весу-то кормить оказалось даже выгодно.

Коростелев — подписчик журнала „Сам себе агроном“. Из журнала он ознакомился с кормовой травой суданкой и порешил продвинуть ее на преснецовские поля. Решено—сделано. Красноармеец выписал семян суданки и произвел посев их на школьном участке земли. Правда, суданка не удалась, но Коростелев не бросает своих опытов. На том же участке он с помощью агронома заложил теперь несколько опытов с минеральными удобрениями и с рядовым посевом.

Деревня полностью доверяет своему руководителю. Председатель алексинского рика рассказывал нам, как Коростелев отчитывался перед крестьянами в израсходовании денег, собранных на постройку школы.

Коростелев перечислил, куда расходовались деньги, сколько их израсходовали, откуда и сколько поступило средств. В оправдание он пред'явил обществу кучу расписок и свои записи на клочках бумаги. Отчет приняли и утвердили единогласно.

— Чего там рассуждать, — разговаривали крестьяне. — Знаем, что не украдешь. Сам еще, небось, докладывал свои деньги.

От школы и многополья преснецовское общество прошлой зимой перешло к организации избы-читальни. Под руководством неизменного Коростелева создали драматический кружок. Постановка ряда спектаклей дала кое-какие средства, и читальня была организована. Зимой в ней прошло до 20 лекций и бесед по сельскому хозяйству.

Как видно, преснецовцы довольно настойчиво взялись за перестройку своего хозяйства. Уже заметен сдвиг в сторону повышения урожаев и общей доходности земледелия и животноводства, но им, конечно, предстоит еще длительная и упорная работа. Сейчас там имеется 4 бедняцких хозяйства, все они принадлежат вдовам. Беднота здесь почти целиком предоставлена собственным силам. Помощи со стороны она не получает. Общество не может оказать ей нужной помощи, так как оно еще само слишком бедно и малосильно. В Преснецове имеется свой селькредком, но, по общему мнению крестьян, он существует лишь на бумаге. О бессилии этой организации говорит то обстоятельство, что кредком за два года своего существования ни разу не мог организовать общественную обработку земли безлошадным бедняцким хозяйствам. И это несмотря на то, что лошадные хозяйства в деревне с лихвой обеспечены конской силой.

И бедняк вынужден идти за помощью к богатым соседней Александровки. Тут его уже обдирают, как это угодно богатым.

Приведем примерные сделки преснецовских бедняков с александровскими крестьянами.

Вот хозяйство вдовы Леоновой. На 4 едока (в том числе трое малолетних, старшему из которых 15 лет) Леонова

имеет хату, корову и с десяток кур. Лошади у Леоновой нет, нет и инвентаря для обработки земли. Земля обрабатывается ей александровцами за плату 45 руб. десятина ярового и 25 руб. десятина озимого.

В обработку ярового поля входят пахота, посев, посадка картофеля, пропашка, косьба и проч. То же по озимому.

Возка с поля копен яровых и озимых оплачивается обработчику или кому-либо другому отдельно — по 30 коп. с копны (в копне 52 снопа). Плата как будто небольшая, но за вычетом ее владельцу хозяйства остаются одни рожки да ножки. Точнее, остается солома и мякина, так как хлеб целиком весь уходит на расплату за обработку.

Случаи аренды и обработки земли за деньги в Преснедове единичны. Тут более распространен способ взаимного обслуживания, который сочетает в себе и арендные и обработочные отношения. Называют его здесь особым термином „земля за землю“. „Землю за землю“ сдает и обрабатывает, например Абашкин. С 1914 г. по 1921 г. Абашкин отсутствовал в деревне. Вернувшись из плена к разбитому корыту, он до сих пор не может наладить свое хозяйство. У Абашкина нет ни хаты, ни коровы, ни лошади. При четырех наделах семья Абашкина фактически состоит из трех едоков (четвертый умер).

Таким же порядком пробавляется вдова Семыкина, имеющая при трех детях в хозяйстве корову, кур и хату. Лошади и инвентаря у Семыкиной нет. Муж ее умер лет 5 назад, вскоре после возвращения в деревню из армии.

Взаимные отношения обеих сторон (той, которая обрабатывает землю, и той, которая ее сдает) при этом способе сводятся к следующему.

Как правило, бедняку труднее справиться с засевом ярового клина. Кое-как перебившись зиму, он обычно встречает весенний сев обессиленный и с пустыми руками. Лошадь у бедняка отсутствует, семян нет и в помине. Остается одно: итти на поклон к богатеям в Александровку. Бедняк идет, и там ему предлагают такую комбинацию.

— Что ж, мол, давай мне весь яровой клин с покосом. Я его обработаю, засею и уберу себе весь хлеб. Тебе за яровой клин я произведу полную обработку и засею озимого клина. И земля у тебя не пропадет, и хлеб к зиме будет.

По существу, способ „земля за землю“ является вдвойне кабальным. При нем бедняк лишается двух третей своего надела, лишается лугов и самого ценного — ярового клина. Сделка „за землю“ отрезает бедняку всякий путь к тому, чтобы обзавестись скотиной. Чем он будет кормить скот, если его с весны лишают всех кормов (овса, клевера и даже лугового сена)? Часто богатеи,

кроме земли, требуют еще от сдатчика его живой рабочей силы.

В Преснедове очень трудно учесть всю сложность и пестроту арендных отношений. Тут они протекают неорганизованно, сделки, в роде „земли за землю“, не регистрируются, налог с земли при таких сделках уплачивается юридическим землепользователем, то-есть тем же бедняком. Вот почему из 7 безлошадных хозяйств деревни только одно было освобождено от налога — хозяйство уже упомянутого нами Абашкина. В 6 остальных хозяйствах доход оказался выше необлагаемого минимума, и налог с них был истребован. Так, даже отмеченная вдова Семыкина вынуждена была уплатить 10 руб. сельскохозяйственного налога, а вдова Леонова (четыре едока, из них трое детей, при хате, корове и курах) — 7 руб.

Безлошадность тяжелым камнем лежит на бедняцких дворах. Выход из нее при слабой работе кресткома и при невозможности получить единоличный кредит сейчас труден. Но беднота не теряет присутствия духа. На сходках бедняки держатся вместе, атакуют вместе общество просьбами о помощи. На собрании, где мы были, все бедняки выставили перед председателем рика требование выдать им 150 рублей на все четыре двора.

— Вместе купим одну лошадь со снастью и сообща будем обрабатывать землю.

Общество тут же заявило, что оно поручится за бедняков. Таким образом, при поддержке рика и кредитного товарищества, они, повидимому, получают первую возможность к укреплению своих хозяйств.

7.

В трех верстах за Преснедовым — деревня Любиково. Сплошь покрытые соломой постройки любиковцев, почерневшие от времени и подпертые со всех сторон хаты растянулись по равнине, которая кончается обрывом к реке Вошане. За обрывом, у реки, луга любиковцев.

Любиково представляет собой старую, закостенелую деревню. Тут положительно не сыщешь ростков нового. Местные крестьяне погрязли в нищете, нужде и беспомощности. У них, глядя на собственную нищету, опустились руки.

Мы видели, как далеко продвинулась вперед деревня Нижний Суходол, и как идет к культурному хозяйствованию Преснедово. О многополье, об улучшении животноводства, о клеверах здесь не слышно. Если судить по голым цифрам, Любиково можно счесть середняцкой деревней. На 63 двора оно имеет три безлошадных и бескровных хозяйства. Революция расширила крестьянское землепользование, душевой надел в любиковском обществе является сейчас одним из самых крупных в округе — по 1,35 дес. на едока.

. Но дело не в лошадности и не в размере надела. При отсталых способах хозяйствования самая лошадность становится обузой хозяйства, а лошадь в нем, как говорят, пожирает крестьянина.

Именно такого рода картину мы наблюдаем у здешних крестьян.

Возьмем, к примеру, двор Феклы Моисеевой.

На 5 едоков она имеет почти 7 дес. земли, в том числе 5 дес. пашни и 1,5 дес. лугов. В хозяйстве есть старая 20 лет лошадь „одер“, корова и овцы.

Достаточно приглядеться к внешнему виду двора Моисеевой, чтобы понять, что тут людям живется не сладко. Изба ее сгнила, что называется, на корню, еле-еле поддерживаемая подпорками; скотный двор в дырках, которых не закрывает старая сгнившая солома.

Чем живет Моисеева? Вот ее натуральный бюджет:

В прошлом году Моисеева собрала с 1¹/₂ дес. озимого поля 67 пуд. ржи, а с 1¹/₂ дес. ярового поля — овса с полдесятины — 30 пуд., гречихи с полдесятины — 30 пуд., викового сена с четверти десятины — 35 пуд. и картофеля с четверти десятины — 250 пуд. За вычетом семян, ее урожай в переводе на деньги составил:

Ржи	67 п. — 15 пуд.	= 52 пуд. × 80 к.	= 41 р. 60 к.
Овса	30 п. — 6 „	= 24 пуд. × 80 к.	= 19 р. 20 к.
Гречихи	30 п. — 3,5 „	= 26,5 пуд. × 90 к.	= 23 р. 85 к.
Картофеля	250 п. — 25 „	= 22,5 пуд. × 15 к.	= 33 р. 75 к.
Викового сена	— — —	— — —	15 р. — к.

Итого . . . 133 р. 40 к.

К стоимости урожая хлебов надо прибавить стоимость лугового сена (с 1,5 дес. — 100 пуд.) 50 руб., стоимость ржаной и яровой соломы 20 руб. и стоимость 70 ведер молока от одной коровы — 70 руб., а всего 140 рублей.

Весь приход в хозяйстве Моисеевой выразился в сумме 273 руб. 40 коп., что на едока составило около 55 руб. в год.

Из валового дохода вычтем все расходы по содержанию скота, по оплате пастуха и т. д. Хозяйственные расходы составят:

1. Прокорм коровы за 200 дней (по голодной норме: в день сена 12 фун. — 15 коп., яровой соломы 20 фун. — 15 к. и картофеля полпуда — 7,5 к., а всего 37,5 коп.) = 75 руб.

2. Прокорм лошади за 230 дней, включая усиленные корма во время пахоты (тоже голодная норма — в день полпуда сена — 25 к., полпуда грубых кормов — 15 коп., а всего 40 к.; кроме того, 10 пуд. овса на год — 8 руб.) = 100 руб.

3. За налог, страховку, пастушные и за помол зерна с Моисеевой пришлось 20 руб.

Итого хозяйственные расходы составили 195 руб.

Таким образом, в чистом остатке Фекла Моисеева получила на весь год от своего хозяйства 78 руб. 40 коп., или на едока — 15 руб. 68 коп. Таков, с позволения сказать, „бюджет“ Моисеевой, составленный с ее слов, в присутствии всей деревни и председателя рика.

Хозяйство ее — „самоедское хозяйство“; главной статьей расхода в нем является скот, на долю которого приходится свыше двух третей потребления от валового дохода двора.

Во всем здесь, конечно, виноваты отсталые формы хозяйствования, низкая товарность и земледелия, и животноводства. Виноваты истощенная земля, засоренное и выродившееся зерно, полное отсутствие удобрения. Максимальная урожайность хлебов при таком положении колеблется в пределах сам-3—4.

О серьезном значении продуктивного животноводства в хозяйстве любиковских крестьян говорить не приходится. Роль его чисто потребительская. Корова, как и лошадь, не кормит крестьянина, а тянет все соки из его двора. При таком положении лошадь попадает как бы в разряд первых вредителей сельского хозяйства.

Сами любиковцы мало сознают основные причины своей бедности. Взять хотя бы бедняка Александра Забешкина. Пять лет назад Забешкин отделился от отца и обзавелся собственной семьей. В наследство он получил ветхий амбар, переоборудованный в маленькую избенку, и пяток кур.

За пять лет хозяйство приобрело только телку, оформившуюся теперь в захудалую коровенку.

Забешкин бьется на пару со своей женой, как рыба об лед. Пашня обрабатывается ему рабочим скотом отца, посев часто производится отцовскими семенами.

— Хорошо еще, что помогают, — говорит Забешкин о родителях. Хотя помощь их обходится ему далеко не бесплатно: за лошадь и семена Забешкин с женой целыми днями копаются на родительской пашне.

Все мечты у бедняка Забешкина сводятся к лошади. О ней он говорит, как о чем-то таком, что сразу выведет его хозяйство на верный путь и обеспечит семье безбедную жизнь.

В Любикове терпимо живут только те хозяйства, которые получают приток средств извне — от членов семьи, ушедших в город на заработки. Среди населения деревни насчитывается 20 человек наборщиков и других рабочих, пребывающих в отходе круглый год. Отходники передают в свои семьи по 150—200 руб. за год. Переданные деньги быстро рассасываются в хозяйстве, не оставляя почти никакого следа.

Особняком в Любикове стоит двор Федора Захарова, семья которого насчитывает 9 человек. За революцию он получил от комбеда одну за другой двух лошадей. Лошади

ушли как „в прорву“. Недавно он опять обзавелся конем и опять, повидимому, не надолго, так как всю землю Захаров продолжает сдавать в аренду. Работе на земле Захаров предпочитает жизнь пастуха.

Крестьяне скот Захарову доверяют. Захаровская семья бьется кое-как, с хлеба на воду. В нынешнем году Захарова приперла такая нужда, что он вынужден был пуститься на особую сделку с богатеем — стариком Спириным. Захаров выдал за 60-летнего старика Спирина свою дочь 25 лет.

За дочь захаровская семья выжала от „выгодного жениха“ кое-какой выкуп, а самое главное — семья избавилась от лишнего рта.

Бедность так придавила любиковских крестьян, что они почти не ищут выхода из своего положения. Моисеева, Забешкин и Захаров — самые рядовые и типичные хозяева Любикова.

О деревенских порядках крестьянин Семынин отзывается резко:

— Какие порядки — живем, как свиньи в хлеву, да и хлев-то, того гляди, завалится. Нищета всех в конце извела. От нищеты — пьянство и беспечность. В прошлом году общественного быка пропили; нынче второго быка продали, а деньги поделили по рукам. Пробовал было уговорить общество на деньги от быка купить пожарную машину — и слушать не хотят. Сам уполномоченный заявил на сходе: „Зачем нам машина? Сгорим, туда и дорога: старого не жалко, зато страховку получим“.

Со слов Семынина, общественные дела в Любикове кончаются неудачей. Велики здесь разобщенность и неверие в свои силы. Актива в Любикове не видать; кооперации, красного уголка, кресткома, даже газет нет и в помине. Деревня полностью предоставлена самой себе; тут господствует старое правило „каждый сам за себя, а бог за всех“. И нищую, разобщенную деревню крепко прибирает к рукам деревенский захребетник — кулак.

8.

Любиковский кулак Перелыгин не в пример круче и наглее ниже-суходольского Кузьмичева. Перелыгинское хозяйство стоит в стороне от деревни, словно бы наготове для прыжка на захудалые избенки любиковцев.

Перелыгин — хуторянин: на 8 едоков у него насчитывается 31 дес. земли, в том числе 21 дес. одной пашни. В хозяйстве 4 лошади, 3 коровы и полный набор инвентаря (три плуга, конная молотилка, жнейка, сенокосилка, конные грабли, веялка, сортировка, клеверная сеялка, борона Зиг-заг и культиватор). По обеспеченности сложными машинами перелыгинский хутор далеко превосходит половину всей деревни. На 64 хозяйства

Любикова мы, например, не нашли ни одной сортировки, сенокосилки, культиватора и бороны Зиг-заг; плугов тут имеется 18 штук, а борон с железными зубьями 27 (у Перелыгина их две).

Хозяйство Перелыгина, несомненно, довольно культурное хозяйство. Положительно на всем здесь лежит печать зажиточности. Перелыгинский двор окружен изгородью и лозняком; все постройки двора крыты железом; хозяйский дом построен крепко, основательно и выглядит по-городски.

В поле и на огороде введен восьмипольный севооборот, посев производится только хорошо отсортированным зерном и рядовой сеялкой; при наличии плугов, культиватора и других орудий земля обрабатывается „под орех“, она хорошо удобрена навозом. В результате перелыгинские урожаи почти в два раза превосходят урожаи любиковских крестьян. В прошлом году Перелыгин собрал ржи по 110 пуд. с десятины, овса по 65 пуд., гречихи по 80 пуд., картофеля по 2.400 пуд. и т. д. При таких урожаях и полной загрузке живого и мертвого инвентаря работой даже зерновое хозяйство у Перелыгина является рентабельным хозяйством. Но не оно обеспечивает ему высокую товарность.

К исключительно высокотоварным отраслям у Перелыгина следует отнести: огород на 1,5 дес., сад на 1,25 дес. и пасеку на 20 ульев. Вот что обеспечивает ему максимальную доходность. Бюджет Перелыгина вычислить чрезвычайно трудно; на глаз можно сказать, что в доходной части он значительно превышает 2 тыс. руб. Во всяком случае обложение перелыгинского хозяйства в прошлом году 274 рублями налога совершенно не отозвалось на его уровне, а сам Перелыгин даже „не крикнул“ при таком обложении.

В общей сумме перелыгинских доходов значительное место занимают нетрудовые доходы. Перелыгин систематически эксплуатирует наемную рабочую силу, постоянно имея в своем хозяйстве одного работника, а в страдную пору нанимая себе десяток поденщиков. Кроме того, он широко ведет в смежных деревнях (особенно в Любикове) ростовщические операции, ссужая крестьян деньгами, мукой, зерном и т. п. Перелыгин - ростовщик тонкой и густой сетью оплел Любиково: в этой деревне добрая половина хозяйств состоит в неплатном долгу хуторянину.

Кулак в любиковских условиях чувствует себя, словно рыба в воде. Он тут не рвет, а систематически, планомерно опутывает мужика всеми способами. Перелыгин работает по старинке, предпочитая за проценты брать с кредиторов рабочей силой (на полку, уборку яблок и другие простые работы) или натурой. Общественное мнение он игнорирует, действуя на непокорных угрозами, водкой и отказом в „помощи“. В результате сплошь вся деревня оказывается в цепких

лапах кулака. Нам жаловались в Любикове, что о Перельгине здесь нельзя даже с глазу на глаз сказать худое слово: „Скажешь, а на завтра ему известно“.

Осведомленность Перельгина о деревенских новостях поразительна, несмотря на то, что сам Перельгин посещает деревню не чаще одного раза в месяц. В Любикове постоянно, не за страх, а за совесть, действуют глаза и уши перельгинских подхалимов. При таком положении в Любикове очень трудно заняться всерьез культурно-хозяйственной работой, так как через кулацких подголосков и хулиганье всякие мероприятия срываются здесь в самом начале.

Передовые середняки (в роде упомянутого Семынина) третий год поговаривают о многополье, о пожарной машине и других хороших вещах. Разговоры так и остаются разговорами. Как только дело подходит к решениям, на сходе оказывается пяток пьяных хулиганов, которые вносят раздор и скандалы, и намеченные меры опять срываются.

9.

Мы преднамеренно отобрали для своих зарисовок самую ограниченную округу. Все описанные деревни отстоят одна от другой на расстоянии 4—5 верст. Расстояние небольшое, естественно-исторические условия одни и те же, а какая разница в социальном строе, в хозяйстве и быту этих деревень!

Главной движущей силой в Суходольской округе, несомненно, является местная партийная ячейка, расположенная при станции Суходол. Летом минувшего года в ячейке насчитывалось 16 человек (из них 9 членов партии и 7 кандидатов). Большинство суходольских партийцев работают в низовом партийном, советском и кооперативном аппарате. Вне аппарата, непосредственно на земле, находятся только 5 членов ячейки.

Силы партийной организации как будто не велики. Но при правильном размещении их, а главное — при умении опереться на беспартийный актив — ячейка достигает прямо изумительных результатов в работе.

Райселькрестком, молочная артель, кустарно-промысловая артель, две избы-читальни — все это возникло и организовалось за последние два года по инициативе ячейки. Другие организации (в роде ПО, колхозов), при содействии и помощи со стороны партийного ядра, начали понемногу углублять свою работу.

В Суходоле решительно невозможно сыскать такой уголок советско-общественной работы, на котором не чувствовалось бы руководящее влияние партийцев.

Василий Александрович Калинин — секретарь партийной ячейки — здесь самая популярная и авторитетная фигура.

К нему идут за советом о том, как провести октябрины или гражданские похороны; его запрашивают о способах обуздания зарвавшегося кулака; „Ляксандрычу“ докладывают о намеченных проектах в части перевода деревни на многополье и т. п. Целое „дело“ — папка личных писем местных крестьян к тов. Калининкову — является в высокой степени интересным материалом, заслуживающим специального изучения. Чего-чего только здесь нет! В этой плотной папке, листов на сотню, каждый комиссариат может найти ценные материалы по интересующим его отраслям низовой советской работы.

Не спеша, не волнуясь, тов. Калининков размеренно переходит от одного участка работы к другому. В каждом шаге этого упрямого, немного хмурого, с вихрастой головой человека сквозит бывший чекист и фронтовик-красноармеец. Во многом Василию Александровичу помогает в работе его довольно высокая грамотность и общая, и политическая.

Тов. Калининков для суходольцев — вполне свой человек. Его не проведешь на неверных сведениях об урожае, о размерах полученного дохода и проч. „Ляксандрыч“ знает про каждого крестьянина всю подноготную. Где нужно, он первый показывает пример, идет на общественную хозяйственную работу (вспашка или косьба на кресткомовском участке). Наконец, полнейшее отсутствие такой слабости, как тяга к горькой, особенно поднимает т. Калининкова в глазах суходольцев.

Калинников не переоценивает своих сил. Главное внимание он уделяет подбору работников. Сейчас работники уже подобраны, аппарат устоялся. В таких условиях работа идет полным темпом, и успех ее обеспечен. Не ограничиваясь подбором работников, он выискивает в округе всякого общественника-крестьянина и советского работника. Таким порядком он вовлек в общую работу того же Коростелева (в Преснедове), тов. Грица, местного фельдшера, начальника железнодорожной станции и других.

Все эти лица находятся на точном учете партийной ячейки, которая, по мере надобности, возлагает на них то одни, то другие задания. Указанные товарищи на местах своей работы, в свою очередь, имеют группы своих помощников-активистов. Есть они и у Грица в сельскохозяйственном кружке при избе-читальне, и у Коростелева при школе.

В общем, на десяток деревень в Суходольской округе создан тот самый беспартийный крестьянский актив, который смыкает местную парторганизацию с крестьянской массой и является проводником партийного влияния на всю округу. Созданся действительно единый фронт водящих сил деревни, главные посты которого находятся в руках партийного ядра, беспартийных крестьян, прошедших школу Красной армии и фабричной выучки, и сельской интеллигенции (учителя, фельдшера, нач. станции и др.).

Накопление беспартийного актива шло в процессе самой работы; окончательно сформировался актив лишь за последние полтора года. И только теперь суходольская парторганизация способна повести широкое наступление на деревенскую нищету и косность. До сих пор она вынуждена была ограничиваться вылазками. Вот почему в стороне от партвлиения оказалась такая деревня, как Любиково. Теперь хватит сил и на эту деревню.

Суходольские партийцы с головы до ног завалены работой.

На партийном ядре лежит: проведение всех партийных кампаний, руководство повседневной работой всех местных организаций (2 сельсовета, 2 райселькресткома, 2 ПО, куст-промартель, садово-огородная артель, артель кирпичеделателей, молочная артель, колхоз, фельдшерский пункт, школы, избы-читальни); организационная работа с беднотой; проведение специальных ударных кампаний (кооперирование, распределение кредита и пр.) и т. д. и т. п.

На одно заслушивание планов и отчетов о проделанной работе тут уходит масса времени. А дальше надо самим побывать во всех деревнях, самим подготовить общества к проведению разных мероприятий, выступать с докладами и пр. Естественно, что на работу по самообразованию времени нехватает. В лучшем случае партийцы просматривают изо дня в день газеты. О брошюре, о книге в их положении и не помышляй.

— Вот наша литература, — указывали нам в Суходоле на кучу инструкций и циркуляров.

Действительно, деревенский партиец типа Калинникова должен быть всесторонне осведомленным правоведем. Он должен хорошо знать и инструкцию о выборах в советы, и новые законы о сельхозналоге, и положение о льготах бедноте по отпуску леса, и правила о кооперативном кредите, и множество других вопросов. Далеко не у всех хватает терпенья и выдержки на то, чтобы овладеть всей бездной материалов.

В иных местах, где руководство партиядром попадает в умелые руки, — материалом овладевают. В других от него отрешиваются, и в результате ячейка отходит от непосредственного практического влияния на местную жизнь.

В этом отношении в Суходоле все благополучно.

Тут ячейка десять раз прорабатывает нужные вопросы, помогая отставшим товарищам их усвоить, а потом идет в деревню.

Так, партийцы, опираясь на разросшийся и окрепший беспартийный актив, проводят в жизнь всякое намеченное мероприятие.

Под руководством партии деревни Нижний Суходол и Преснецово уже перестраивают свое хозяйство и свой быт.

Вскоре за перестройку возьмется и Любиково.

В советских условиях для всех деревень пути к будущему открыты.

НА ХУТОРАХ

1.

На запад от Алексина, между деревнями Стрельцы, Иншино, Казначеево и Яшевка, далеко разбросались по ровному и открытому полю хутора немецких поселенцев. Хутор от хутора отстоит на добрые четверть версты.

С дороги вид на хутора получается самый „заграничный“, только все здесь выглядит мельче и как-то неустроенней.

Хуторские усадьбы, конечно, лучше рядовых крестьянских хат, но им очень и очень далеко до датских ферм. Глядишь на такой хуторский немецкий двор и чувствуешь, как мало хозяева его считают с удобствами в личной жизни, с чистотой и просто с хозяйственной целесообразностью. Дома мелки, грязны, с маленькими окнами и низкими потолками. О других постройках и говорить нечего. Даже забор, плотно окружающий всю усадьбу, не скрывает от глаз постороннего наблюдателя всех неустройств во внешнем расположении хозяйства. К забору с внутренней стороны усадьбы примыкают такие же неуклюжие и огромные скотные дворы, которые положительно везде можно видеть в рядовой российской деревне. Нет, говорить о культурности наших хуторян-немцев нет решительно никаких оснований.

Немецкие колонисты осели в здешних местах в 1910 г., когда они скупили землю у промотавшегося помещика Патрикеева.

Первоначально в Алексинском районе поселилось до 40 хозяйств. В последующие годы немцы перетягивали к себе родных и знакомых почти со всей России и Украины, из Поволжья, с Волыни и даже из Галиции. Немецкая колония разрасталась, занимая все большую площадь земли.

Первое время немцам туго пришлось на новом месте. Нужны были страшное упорство и двуличный труд, чтобы хоть кое-как поставить в алексинских условиях немецкие хозяйства. Большинство переселенцев никаких средств не имели, так как наличные деньги и имущество они целиком загнали в землю. У бывших малоземельщиков проснулась такая жадность на пашню, что они пускали на покупку ее положительно каждый грош, лишь бы прихватить себе лишний клочок из

патрикеевских владений. Землю-то прихватили, а обрабатывать ее пришлось буквально голыми руками. Только к началу войны немцы обзавелись настоящими постройками, прикупили инвентарь и скот. Хозяйство пошло.

По свидетельству местных работников, особо бурный рост дали немецкие хутора в годы войны и революции. В условиях нехватки продовольствия, в условиях полного запрета вольной торговли, немцы проявили прямо исключительную изворотливость и приспособляемость. Целыми партиями раз'езжали они за продуктами в Поволжье, в Саратовскую, Самарскую губернии и другие хлебные места.

Подпольный рынок в Алексине (Алексин в это время был уездным центром) полностью жил за счет поступлений продовольствия и других товаров от немецкой колонии.

На алексинском базаре и сейчас немецкая фура является самой характерной и господствующей повозкой. Тут вы встретите немцев-колбасников, немцев, продающих с рук изделия кустарной промышленности, собственное масло, яйца, зерно и т. п. Крестьяне утверждают, что и теперь некоторые из немецких хозяйств живут в огромной степени за счет спекуляции на стороне, раз'езжая с тульскими самоварами и гармониками по юго-востоку и Сибири.

Спекулятивная хватка мешает, понятно, немецким колонистам серьезно заняться хозяйственной работой на земле.

Сейчас немецкая колония насчитывает 98 хозяйств с 622 едоками.

Большинство хуторских дворов живет крепким патриархальным бытом. Центром двора является глава семьи, который руководит хозяйством, распределяет рабочую силу и средства хутора. По его указанию члены семьи отбывают на заработки или выезжают для покупок-продаж в далекое Поволжье. У хозяина всякий грош в хозяйстве на учете. Без ведома домохозяина двадцатипятилетний сын или дочь не в праве подыскать себе жениха или невесту.

Патриархальный уклад поддерживается двумя факторами: неделимостью хуторского двора (своеобразным крестьянским майоратом*) и национальной замкнутостью. Неделимость эта — прямой результат той исключительной цепкости, которую местные немцы-хуторяне проявляют по отношению к земле. Если сын, вопреки воле отца, делает попытку обзавестись собственным хозяйством, ему говорят: „Что же, обзаводись! Только сначала подумай: земли из своего клона мы тебе не дадим; имущества дадим столько, сколько окажется по силам нашему двору“.

*) Майорат — закон, в силу которого поместья средневековых землевладельцев считались неделимыми; по наследству поместья переходили только к старшему из сыновей, так что остальные сыновья и сестры полностью устранились от наследственных прав.

Как правило, на выдел решаются очень немногие, да и то из лиц, получающих большое приданое за невестой. Остальные предпочитают до 25—30 лет отсиживаться парнями, так как семья отца отказывается принимать в дом нового человека.

В редких случаях сыну берут в дом жену, но тогда она вместо земли (здесь дело идет исключительно о том, что приходит во двор лишний едок, а землепользование двора не расширяется) приносит семье мужа большие деньги. Собственническая психология до сих пор определяет отношение этих хуторян к земле. О социализации земли они просто не хотят слушать.

Под всякими предлогами у них и по сие время производится перекупка земли. Если, например, сын все-таки выделяется, то при выделе по известной стоимости (а не по едокам) рассчитывается и сама земля.

Не мудрено, что мы имеем самое пестрое землепользование в немецких хуторах. Здесь есть хозяйства с 5—6 едоками при 25—30 дес. земли, есть хозяйства с 8—9 членами на 10—12 дес. Среди 98 дворов имеется, наконец, целых 9 безземельных хозяйств. С год назад немцы стали настаивать на наделении безземельников землю из госфонда. Райземкомиссия предложила два выхода колонистам: или провести некоторое уравнивание среди хозяйств, с лихвой обеспеченных землею, или выселить безземельников верст за 15 от колонии. Оба выхода были отвергнуты. Сейчас немцы добились своего: по распоряжению тульского губисполкома, им прирезывается земля от смежных деревень, а деревни компенсируются землей из госфонда. Сами же колонисты палец о палец не ударили, чтобы помочь безземельным соседям.

Патриархальный уклад немецких хуторов поддерживается еще и национальной замкнутостью. Первые годы немцам на новых местах приходилось туго по двум причинам: с одной стороны, их хозяйственный рост задерживался бедностью; с другой — многому мешало враждебное отношение местных крестьян за покупку барской земли. Теперь старая вражда давно уже заглохла. Но она наложила резкую печать на взаимные отношения сторон. Немцы ушли в себя, ограничив четкой чертой свою колонию от окружающих соседей. Между поселенцами и старожилами нельзя встретить не только взаимной дружбы, но даже и близкого знакомства. Деревня еще знает хуторских Фридрихов, Вильгельмов и Иоганнов. Фридрихи же и Вильгельмы, после пятнадцатилетней жизни в округе, не могут назвать ни одного крестьянина из окружающих деревень.

За 15 лет среди немцев было немало случаев вступления в брак, при чем только три из них падают на брак между немцем и русской. Несмотря на всю трудность подыскивания женихов

и невест в немецкой среде, колонисты предпочитают ездить за невестой за тысячу верст или жениться на двоюродной сестре, чем брать жену из местных „мужичек“.

Но странно, при такой национальной ограниченности колонисты до последнего времени не думали об организации национального совета. Наоборот, идея о нацсовете, зародившаяся в среде партийных и советских работников района, первоначально встретила у колонистов самое недоверчивое отношение. После разъяснительной кампании дело, однако, уладилось, и в прошлую перевыборную кампанию национальный немецкий совет организовался.

В Тульской губернии это единственный совет национальных меньшинств; отсюда понятен интерес к нему со стороны советских и партийных органов губернии. Во главе национального совета стоит по-здешнему бедняк, а по окружающим масштабам середняк, Гот Фридрихович Кроль. Предприимчивый и дельный Кроль горячо взялся за работу. Выступая на пленуме губисполкома, в рике и на собраниях, он уверяет, что через года-два хуторские хозяйства немцев сделают первый сдвиг к кооперации.

Покамест же никаких признаков кооперативных начал тут не сыщешь. Единственные признаки кооперированности тут можно найти в отношении сложных машин и с.-х. орудий.

Так, во всех хуторах имеется 4 сортировки, 10 жнеек, 35 молотилок и 3 сенокосилки, каждой из которых на началах общности владеет сразу по 3—4 хозяйства. Такой способ пользования машинами можно было бы назвать товарищеским, а группы пользователей — товариществами, если бы не наблюдалась вполне очевидная тяга к развалу этих групп. При первой же возможности каждое хозяйство обзаводится личными машинами, а старая машина по пониженной цене переходит к одному из совладельцев. Наметившееся кооперирование здесь срывается встречным процессом укрепления собственности.

Хуторяне живут богаче своих соседей-крестьян. При более высокой обеспеченности живым и мертвым инвентарем, при повышенной коровности они имеют возможность лучше, чем крестьяне, обрабатывать землю.

Вспашка у немцев производится участками, крест-накрест (вдоль и поперек), так что поле вспахивается ровно, без всяких котловин и выпашек. Пары у всех применяются ранние и черные, так как при наличии луговых угодий и кустарника никакой нужды в выгоне на пару хуторские хозяйства не ощущают. За всем тем полеводство хуторян отнюдь нельзя назвать культурным. Правильный многопольный севооборот у них отсутствует: вместо него повсюду применяется комбинированный севооборот с угловыми посевами клевера и пропашным клином (под корнеплодами и картофелем). Технику земледелия немцы за пятнадцать лет не повысили нисколько.

Даже бесколесные плуги, старинные допотопные Сакки, не заменяются более современным и легким плугом. Рядовой посев не применяется; минеральные удобрения отсутствуют.

Еще хуже обстоит дело с животноводством. В самых крепких хозяйствах тут не найдешь хорошо сколоченного и утепленного скотного двора. О датском кормлении немцы и знать не знают. Сравнительная ухоженность и молочность их скота объясняются, во-первых, отбором (хуторянин тянется за хорошим производителем для своей телки) и, во-вторых, обеспеченностью кормами (корнеплоды, картофель, клеверное сено и иногда—отруби).

При своем теперешнем состоянии немецкие хозяйства поглощают огромное количество труда. Взять хотя бы производство масла. При маленьких сепараторах и маслобойках оно занимает целые рабочие дни у членов немецкой семьи, а в результате получают, в лучшем случае, фунты и килограммы ценного продукта вместо возможных пудов. Так положительно во всем. Немецкие урожаи, понятно, выше крестьянских, но дело тут отнюдь не в культурных способах хозяйствования. Всякий хуторянин имеет такие преимущества (широкопосада, вся земля под боком), о которых не мечтает рядовой общинник. Эти-то преимущества и отражаются на удобренности земли, на степени ее ухоженности, а отсюда и на урожаях.

Выше мы отмечали индивидуалистический и собственнический строй немецких хозяйств. При таком положении понятны и имущественные различия между отдельными дворами. Напрасно Председатель немецкого сельсовета Кроль на пленуме тульского губисполкома пытался все хуторские дворы стричь под одну общую гребенку, напрасно он выдавал их сплошь за середняцкие. Кроме отмеченных 9 безземельных дворов, среди хуторов имеется 12 безлошадных и 7 бескоровных хозяйств. А тут же, бок-о-бок с ними, существуют дворы трехлошадников и четырехкоровников.

2.

Людвиг Фридрихович Герман встретил нас во дворе усадьбы у новой постройки—большого дома 17×15 арш. Беспokoйно поблескивая глазами и быстро жестикулируя, он нервно заговорил по-немецки с нашим спутником, немцем по происхождению, районным животноводом.

По жестам мы поняли, что разговор идет о нас. После, со слов животновода, узнали, что Людвиг Фридрихович спрашивал, в какой степени можно нам довериться, и не принесет ли наш приход какого-либо несчастья в его благочестивую семью.

В низкой, почерневшей хате, заполненной шкафом, кроватью, столом и тройкой скамеек, Л. Ф рассказывал нам, как бился он на стройке своего хозяйства.

— Вот тут 15 лет прожили, — указал Герман на покосившиеся стены избы. — Теперь старое прошло. Осенью закончу постройку и перейду с ребятами в новый дом.

Семья Германа состоит из 8 едоков, в том числе 3 работоспособных (сам и 2 сына, старшему из которых 28 лет; сыновья не женаты).

У Германа 20 дес. пашни и 1,5 дес. кустарника. Хозяйство Л. Ф. давно уже приняло животноводческий уклон; в нем насчитывается 3 рабочих лошади (каждая стоимостью в 500—600 руб.), двухлетний жеребец — орловский рысак от своего производителя, сосун, 4 высокоудойных коровы с удоями в напор от 35 до 50 фун. молока в день, 2 телки и 7 штук свиней белой английской породы. Мертвым инвентарем хозяйство обеспечено с избытком, в хозяйстве есть: 3 плуга, жнейка, пружинная борона, двухконная молотилка, соломорезка, сепаратор и разные мелкие орудия.

Главную массу дохода Л. Ф. извлекает от животноводства. Несмотря на высокие урожаи хлебов (пшеница и рожь дают 110—120 пуд.), он категорически уклоняется сбывать зерно или муку на рынок. Продукты полеводства перегоняются им в масло и молоко, в мясо и уж в таком, более ценном, виде поступают в продажу.

С апреля по август, в течение целых 6 месяцев, Герман продает еженедельно по 20—22 фун. сливочного масла, подрабатывая на нем за сезон свыше 300 руб. На ряду с маслом он продает творог и сметану.

Дальше, за год он выкармливает и продает 5 штук поросят, по 120—150 руб. за штуку.

Наконец, последний, очень серьезный, источник доходности от животноводства — выхаживание породистых лошадей. В прошлом году Герман продал своего жеребца серпуховскому сельтресту за 750 руб., а в нынешнем году думает продать за 900—1000 руб. При самых скромных расчетах, валовая доходность от всех отраслей животноводства составит в год около 2000 руб.

Кроме того, Герман получает приток средств от своих сыновей, которые прослыли в округе за самых квалифицированных и крепких пильщиков на лесоразработках. Мы не ошибемся, если общую денежную доходность германовского хозяйства определим суммой, близкую к 3000 рублям.

Со всей ограниченностью немецкого бюргера Герман видит в бедности лишь плод лодырничества и неумения жить!

— Работай, а остальное приложится, — убежденно говорит он, поглядывая из-под нависших бровей на сына. — Будешь работать — будет и хорошее хозяйство. В Алексин мы все прибыли нагишом, рваные, а теперь у одного есть все, а другой прожил тут последнее.

Людвиг Фридрихович упускает при этом из виду целый ряд существенных обстоятельств. Он забывает, что далеко не все немцы пришли в район с пустыми руками. У одних и в самом деле ничего не было, а другие привезли с собой 1—2 лошадей, коров, с-х. инвентарь и проч. А самое главное, одни (те, которые „нагишом“) осели всего на 5—6 дес., а другие на 20—30 дес. пашни. Если сюда добавить торговую хватку одних и полное неумение других заниматься спекуляцией — „трудовое“ происхождение всех подобных германовскому хозяйств станет очевидным.

В зажиточных хозяйствах, в роде германовского, мы наблюдаем и такой немаловажный фактор, как полное господство домохозяина над домочадцами и самый патриархальный строй семьи. Покамест Л. Ф. делал нам нужные пояснения, взрослые сыновья его почтительно стояли в стороне, прислушиваясь к нашему разговору. Их роль в хозяйстве крайне незавидна. Сыновья летом работают с утра до ночи на пашне, присматривают за скотом, а зимой уходят на лесоразработки. Заработанные деньги целиком поступают в распоряжение главы дома.

О собственных потребностях и желаниях сыновья молчат. Да их и нет, так как все подавлено волей отца, все направлено здесь к достижению одной цели: построить крепкое хозяйство и в воскресенье (особо к приезду пастора на хутора) иметь возможность выйти одетым в манжеты, городской костюм и шляпу.

Ради этого можно не допивать, не доедать, ради этого можно и нужно целиком подавить в себе собственные желания, отдавшись на волю главы семьи.

Сын и дочь для Германа только работники. Как люди со своими собственными желаниями, радостями и печалью, они, пожалуй, для него не существуют. В разговоре мы, например, обратили внимание на большие глаза старшего сына.

— Он что, болен? — спросили мы у Л. Ф.

— Да так, пустяки, — ответил хозяин. — В позапрошлом году потекла слеза, вот и течет с тех пор. А так парень ничего себе, здоровый. В лесничестве слывет лучшим пыльщиком.

Оказывается, за полтора года старик намека не подал больному сыну обратиться к врачу насчет глаз, проехать в город и всерьез взяться за лечение.

Пока мы говорили в хате, сын непрерывно вытирал слезящиеся глаза каким-то грязным холщевым полотенцем.

Такое отношение проявляется здесь даже к родному сыну, ради которого, казалось бы, развертывается и самое хозяйство.

Жестокий быт, жестокие отношения!..

Характерно, что Герман, первый богатей среди хуторян, не считает нужным выписывать газету.

— Все одно читать некогда, — возразил он на наше замечание.

Далеки, совсем далеки немецкие хутора от „средняцкого рая“ т. Кроля. Можно ли вообще говорить о некотором среднем уровне в них, если часть хуторян пользуется наемной силой, а вторая часть вынуждена продавать свою рабочую силу хуторянам-богатеям?

Среди колонистов понемногу укореняется сейчас замаскированный способ эксплуатации труда — патронат. Как раз наиболее зажиточные хозяева взяли к себе в последнее время из детдомов на патронирование сирот и беспризорников. Всего хуторянами взято 9 человек. Инспекция СПОН'а (социально-правовая охрана несовершеннолетних) не бывала в здешних краях. Загляни она к хуторянам — мы имели бы ряд дел, возбужденных против патронирующих дворов об эксплуатации детского труда.

Нам удалось повидать только одного патронируемого. Поздним вечером, когда мы возвращались с хуторов, на хуторском огороде мы заметили одинокую детскую фигуру. Девочка полела. С трудом вытянули мы у нее пару фраз о ее житье-бытье. Житье — не сладкое: с раннего утра и до ночи сплошной, напряженный труд.

Но ребенок не сетует. „Подруга Анютка живет еще хуже“ — говорит она. — „У Анютки и днем и ночью работа. Днем по хозяйству, в избе, на огороде, со скотиной. А ночью Анютка ухаживает за хозяйскими детьми“.

Туго приходится „Анюткам“ у здешних „средняков“. СПОН должен притти на помощь патронируемым и спасти их от безудержной эксплуатации хуторянами.

На хуторах беднота поставлена в самое безвыходное положение. Тут ей не на кого опереться, негде искать помощи и опоры. „Каждый там за себя, а бог за всех“ — это правило одинаково убедительно звучит и для богатеев и для хуторян-бедняков. Поэтому к попыткам организации взаимопомощи они относятся крайне недоверчиво. Крестком на немецких хуторах отсутствует.

— А зачем он нам, — спрашивает „средняк“ Герман. — Кому помогать-то, все живем одинаково. Лентяю никакой помощью не пособишь, — заключает он свои обрывочные фразы.

Если бы в среде хуторян имелось 2—3 организатора-общественника, возможно, что дело с помощью бедноты тут пошло бы. Но организаторов нет. Характерно, что на хуторах нет ни одного партийца, ни одного комсомольца. Молодежь целиком находится под влиянием своих стариков и на комсомол она посматривает косо. Работники алексинского комсомола не заглядывают на хутора, да и не по их силам, пожалуй, эта задача — обработать хуторскую молодежь.

Оздоровляющую струю в жизнь хуторов могла бы влить кооперация. Особенно имеется, казалось бы, почва для организации молочной артели. Тут животноводство стало главной отраслью хозяйства. Но влияние прекрасной кормовой базы, хорошо подобранного продуктивного скота и других положительных факторов в корне парализуются, однако, рядом отрицательных обстоятельств.

Первое из них — разбросанность хуторов. Какое бы место мы ни выбрали для сливного пункта, — половине дворов для слива молока пришлось бы ездить за 5—6 верст. Второе обстоятельство — крайняя замкнутость хуторян и недоверие их к общественной организации. Каждый хуторянин имеет собственный сепаратор, каждый хорошо изучил рынок и раз в полторы-две недели может выехать на рынок в Алексин, в Серпухов или Тулу для сбыта своего масла. При единоличном сбыте хуторяне несут, правда, излишние расходы (на поездки, на потерю времени и проч.), но вряд ли они выше тех, которые пришлось бы нести по разным отчислениям при сбыте молока через артели.

— Нам артель не нужна, — неоднократно заявляли хуторяне местным работникам. — Единоличный сбыт масла выгоднее.

Местный животновод пробовал повести подготовительную работу по организации артели, опираясь на беднейший слой. Попытка не удалась.

Животновод, выясняя причины, по которым хуторяне уклоняются от организации артели, спросил их:

— Может, против артели возражают те хозяева, у которых имеется самое плохое и низкосортное масло?

— Масло у нас у всех одинакового качества, — сурово одернул животновода хуторянин-старик.

В общем до сих пор пути к кооперативной работе на хуторах были закрыты. Откроются ли они в ближайшем будущем — сказать трудно.

Пророчества т. Кроль о скором и полном кооперировании хуторских дворов нам кажутся неосновательными.

Здесь, на примере патрикеевских хуторов, мы можем лишь раз убедиться в безусловной правильности советской земельной политики. Наш земельный кодекс, как известно, не ограничивает прав земледельца в выборе форм землепользования. От его доброй воли зависит: оставаться в общине или выделиться на поселок, отруба или на хутор. Не ограничивая ничьих и никаких прав, советские законы явное предпочтение перед другими формами землепользования отдают поселково-общественной и колхозной формам. Эти формы, разумеется, значительно прогрессивнее и здоровее хуторской.

В самом деле, передовая деревня Нижний Суходол гораздо дальше продвинулась по пути к социалистическому и культурному хозяйству, чем, скажем, те же патрикеевские хутора.

И это, несмотря на ряд огромных преимуществ хуторян перед ниже-суходольцами. Хуторяне имеют сведенную в один клочок около дворов землю, более передовую технику обработки земли, высокую обеспеченность землей и ряд психологических преимуществ (немецкую аккуратность, исполнительность, хозяйственность).

Ничего подобного у ниже-суходольцев не было. Лет 8—9 тому назад Нижний Суходол был типичной косной и нищей „расейской“ деревней. Преобладали сохи, на едока имелось полторы десятины; о клевере, о хорошем скоте и прочем тут даже не слыхивали. К этим факторам надо было добавить еще и такие, как неаккуратность местного крестьянина, его неэкономность, склонность к „зеленому змию“.

Так было тогда, когда начали движение вперед и хутора и Нижний Суходол.

А что мы имеем теперь?

Нижний Суходол действительно продвинулся вперед и продвинулся далеко. Деревня сплошь кооперирована; с помощью кооперации она ввела ряд коренных улучшений в хозяйство (многополье, клевер, улучшенный скот, утепленные дворы, датское кормление и проч.); новая советская общественность бьет ключом в Нижнем Суходоле, в самой основе перестраивая быт крестьянина. Суходольцы выписывают 16 газет, закрыли церковь, построили школу, отказываются от празднования старых нелепых праздников; ведут большую политико-культурную работу в избе-читальне.

Когда Нижний Суходол шел большой советской дорогой, патрикеевские хутора топтались на месте. До сих пор хуторяне не обзавелись правильным многопольным севооборотом; об рядовых посевах, об утеплении хлебов, датском кормлении и прочем тут и слышать не хотят. Когда-то хуторяне располагали более передовой техникой земледелия по сравнению с ниже-суходольцами; теперь они уже отстали далеко от Нижнего Суходола.

Еще большая косность и отсталость видны в быту хуторян. Суходольцы разрушили свою церковь, а вот патрикеевцы 3—4 раза в год, за большие деньги, выписывают к себе для всяческих богослужений пастора из Москвы или Тулы. У ниже-суходольцев 38 дворов выписывают 16 газет, а на хуторах на 98 дворов 2—3 газеты (и те для сельсовета). Молодежь Нижнего Суходола принимает горячее участие в общественной работе, а молодежь хуторов спит непробудным сном. Вот параллели...

С точки зрения этих параллелей, нам кажется, пленум тульского губисполкома допустил серьезную ошибку в своем постановлении по докладу о работе патрикеевского сельсовета: пленум предложил алексинским органам выделить патрикеевские хутора в полосу агрономической работы первой очереди.

Зачем таксе выделение? Во-первых, хутора меньше нуждаются в агропомощи, чем деревня, так как они и теперь пользуются еще такими преимуществами, которых рядовая деревня не имеет (приближенная земля, большие наделы и проч.). Во-вторых, агроработой здесь ни за год, ни за два года больших изменений в строй разобщенных хозяйств не внесешь. Наконец, самое главное: сами хуторяне очень мало нуждаются в помощи агронома. За последние 6 лет были только два случая вызова агронома на хутора — оба по поводу засоренности и заражения посевов, в то время как некоторые деревни из месяца в месяц запрашивают об агропомощи.

Ясно, что предпочтение надо отдать деревням. В них или уже пробудилась новая советская общественность, или она пробуждается. Там агроном может найти базу для своей работы, там агроработа принесет богатые плоды за самый короткий срок.

На хуторах же агроном вынужден будет возиться с отдельными, замкнутыми дворами. Раскачать их на нововведения очень трудно. А если и раскачаешь, где порука, что мера, привитая к одному двору, перейдет к соседу? При хуторской косности все может ограничиться рамками одного хозяйства. Стоит ли из-за этого спешить? Стоит ли ради таких результатов бросаться на большую затрату сил и средств, выдвигая хутора в „полосу агрономической работы первой очереди“?

Мы полагаем, что не стоит.

В КОЛХОЗАХ

1.

У реки Вошаны, за крутым обрывом, обрамленным яркой зеленью молодого березняка, притулилась деревенька Лукино. Двадцать лукинских хат вытянулись небольшой улицей, которая заканчивается у самой плотины. Тут же у плотины стоит помольная изба лукинской мельницы, сколоченная из обгорелых бревен. В помольной избе расположен и центр лукинского колхоза — земледельческой артели „Луна“, пережившей за три года самую многотрудную и путаную „историю“.

Ранним воскресным утром, когда члены колхоза убирали скошенные клевера, мы ходили по колхозовским полям и расспрашивали преда артели Молчанова о здешнем житье-бытье. По его ответам чувствовалось, что этот человек не охотник до „задушевных бесед“. Идя рядом с нами, он все время держал себя словно на-чеку.

За два дня своего пребывания в Лукине мы узнали причину молчановской скрытности. Молчанов председательствует в артели всего год, но попадался он на зубок артельцев за излишнюю приверженность к „зеленому змию“ неоднократно. Молчанова все же терпят. Во-первых, заменить его пока что некем, а, во-вторых, по части выпивки и рядовые члены „Луны“ вряд ли в чем могут уступать своему председателю.

Горькая крепко вросла в быт артельцев. В пасху позапрошлого года ее применили здесь, словно некоторое радикальное средство „антирелигиозной пропаганды“. В пасхальный вечер, когда старики собирались итти в соседнюю церквушку, правление артели оповестило членов, что им устраивается особый антирелигиозный вечер с... водкой. Водка оказалась столь неотразимой приманкой, что даже старики и старухи обычной храмовой заутрене предпочли комсомольское „повечерие“, затянувшееся на всю ночь. Водка, на ряду со злостным искривлением кооперативной линии, и послужила тем тяжелым грузом, который тянет „Луну“ вниз. А между тем „Луна“ могла бы быть одной из самых примерных организаций. Зарождение „Луны“ предвещало ей самую яркую и богатую будущность.

Не в пример массе других колхозов, артель „Луна“ на первое время совершенно обеспечила себя от „собесовского“ уклона в своей работе. Нередко можно наблюдать, как артели и колхозы организуются с целью прибрать к рукам или лакомый кусок земли, или остатки бывшего барского имущества (постройки, инвентарь и т. п.). В том же Алексинском районе до сих пор бродит по деревням история ложной артели „Борьба“. В „Борьбу“ затесались дельные ребята, которые сразу бросились обивать пороги районных и губернских органов, требуя помощи новому колхозу. Требования были услышаны, и артель получила большой цельный клочок земли с садами и сенокосами, вклинившейся в землепользование соседних деревень. Через год артель фактически перестала существовать, а полученные ею угодья перешли в подворное пользование артельцев. До сих пор, вот уже третий год, борются они с соседними крестьянами за прирезанную землю. Дело „Борьбы“ перебивало в десятке инстанций и, несмотря на всю безоговорочную правоту крестьян, ведущих тяжбу с бывшей „Борьбой“, и по сие время оно не разрешилось в их пользу.

Артель „Луна“ — полная противоположность „Борьбе“; она целиком застраховала себя от бесславного конца этого лжеколхоза. Дело в том, что „Луна“ организовалась на крестьянской земле, в состав ее вошла вся деревня Лукино-Вошана. Артель организовалась весной 1924 года. К этому времени в Лукине собрались все местные рабочие-отходники и бывшие красноармейцы, вернувшиеся с фронтов гражданской войны. Тщетно пробовали они в родных местах наладить свое личное хозяйство. Отвыкшие от земли отходники напрасно вкладывали в нее свой труд. Запущенная, лишенная всяких удобрений, земля отвечала им черной неблагодарностью, еле давая урожай по 30—40 пуд. с десятины. Пробившись два года под ряд, лукинская молодежь решила:

— Так жить дальше нельзя. Надо что-то делать.

Настроение молодежи учел смелый и инициативный И. С. Степнов, бывший московский рабочий-электрик. Собрав около себя группу крестьян, он настойчиво потянул ее к организации колхоза.

— Все мы специалисты, — уговаривал Степнов лукинцев. — Организуй мы большое коллективное хозяйство, каждый из нас найдет в нем работу по специальности. Можно будет взять мельницу, наладить разные ремесла. Дело пойдет.

Молодежь откликнулась, но на первых порах дело не пошло. Старики и думать не хотели о колхозе без гарантий о том, что к артели действительно перейдет на правах аренды лукинская мельница. Пришлось начинать бой за мельницу. Ее арендовал алексинский богатей Климов. Прослышав о планах Степнова, он развернул широкую агитацию против колхоза.

Под влиянием агитации лукинцы принимали по три-четыре противоположных решения за неделю. Наконец, решили: колхоз организовать. После нелегкой борьбы мельница была передана организовавшейся артели. В весеннюю непогоду, под прикрытием ночи, бывший мельник Климов покидал свое убежище. В ночные часы тянулись десятки подвод, нагруженных кулацким добром. Климов ушел, и артель получила твердую почву для своей работы. Весной артельцы провели землеустройство и объединили разбросанные клинья в широкие полосы. Летом пар уже пахали сообща.

Надо было видеть, с каким под'емом члены „Луны“ взялись за общее дело! Одновременно перестраивалась плотина, строили школу, соорудили общественный инвентарный сарай. Сам Степнов метался из деревни в рик, из рика в деревню в хлопотах о помощи молодой организации.

И тут, к осени 1924 г., артель совершила первое грехопадение. В погоне за прибылью, за быстрым накоплением коллективных средств артельцы заарендовали две мельницы (кроме лукинской) и сад. Без опыта в работе, без сколоченного аппарата артель сразу выросла в многоликую, неуклюжую и громоздкую производственную организацию. Неестественный рост артельного хозяйства должен был отрицательно отозваться на „Луне“. И он отозвался.

К весне 1925 г. выяснилось, что одна из мельниц дала крупные убытки; остальные еле-еле свели концы с концами. Артельцы, не сумевшие извлечь из этого полезных уроков, настойчивыми хлопотами добились того, что мельницу и сад закрепили за ними и в новом году. А тут еще, как на грех, одна беда за другою.

Осенью 1925 г. ночью в „Луне“ сгорает сарай с только что обобщественным инвентарем.

Ранней весной 1926 г. второй пожар целиком сносит лукинскую мельницу. Нужны были крепкие нервы, чтобы не сдрейфить и продолжать работу. Артельцы не сдрейфили. Под благодатным весенним дождем, ночью, урывая часы и минуты от полевых работ, они соорудили на пожарище новую мельничную постройку. Только Степнов махнул рукой на лукинские невзгоды и, простившись с артелью, пошел на фабрику. Самой крупной потерей в „Луне“ была, пожалуй, потеря дельного крепкого руководителя — Степнова. После него артель поплыла без руля и ветрил.

Летом 1926 г. на лукинской мельнице срывает в паводок плотину, а 14 июня третий по счету пожар сносит в деревне школьную постройку со всем инвентарем и пособиями. Только тут артельцы опустили руки: как раз перед пожаром — 13 июня — они только что открыли ясли при школе. И вдруг — ни яслей, ни школы. На этот раз от развала „Луну“ спасло то обстоятель-

ство, что просто некогда было думать о разброде — шла горячая работа и на поле и на постройке плотины.

Наконец, в конце лета того же 1926 г. в „Луна“ сгорает рига с только что собранным урожаем, а весной 1927 г. погорает (во второй раз) лукинская мельница.

Артельцы и сами не могут подсчитать убытков, понесенных ими от „красного петуха“. По приблизительному подсчету они превышают 15 тыс. руб. Убытки были бы меньше, застрахуй артельцы имущество колхоза в коопстрахе. Но, по пословице, „мужик задним умом крепок“, о страховке заговорили в „Луна“ после третьего пожара. Да и тут, застраховав имущество, правленцы удосуживались просрочивать сроки для взноса страховых платежей. В результате вся тяжесть последствий от пожаров легла на артель.

Частые — можно сказать, систематические — пожары в „Луна“ прямо указывают на наличие какой-то злой руки.

Для местных следственных властей вопрос о причине этих пожаров по сию пору остается неразрешенной загадкой, а разрешить ее надо во что бы то ни стало, так как иначе артель дальше не в силах продолжать свою работу. Обескровленная от „пожарных“ убытков и от бесхозяйственных операций на мельницах она, несмотря на крепко слаженную внутреннюю жизнь, дышит теперь на ладан.

„Луна“ нигде не кредитовалась, и все же она в долгу, как в шелку. Минувшим летом нарсуд по иску райисполкома обязал артель к уплате рику 3.500 руб., задолженных по арендной плате за мельницу. Договоры на мельницы расторгнуты. Это решение суда окончательно пристукивает артель. Продайте все двадцать лукинских хат со всем скарбом — и все-таки искомая сумма не будет собрана.

Все же артель могла бы жить действительно коллективной жизнью. Значительную долю ее бед следует отнести на счет плохого руководства. Крайне интересная по своему составу организация (на крестьянской земле колхоз — целиком вся деревня — 21 двор со 170 едоками) „Луна“ за три года лишь раз видела в своих владениях инструктора тульского кредсельсоюза. Дело артели в союзе представляет из себя тощую папку на 10 листов, совершенно не отражающих жизни этого колхоза. „Луна“ как-то жила вне поля зрения руководящих органов. Ее буквально проспали, да проспали так, что организация зарвалась, нахватав себе со всех сторон мельницы и сады, да и сгорела (в прямом и в переносном смысле слова).

2.

Совершенно особый тип организации представляет собой сельскохозяйственная артель „Возрождение“, возникшая зимой 1926 года.

Артель расположилась в постройках бывшей усадьбы Кисловской за деревней Большое Шелепино. В полуверсте от деревни чернеют старые покосившееся дома помещицы. В центре стоит полуразрушенный и обгорелый дом — бывшее гнездо самой Кисловской. Весь этот уголок, сплошь поросший бурьяном, крапивой и кустарником, производит впечатление крайней запущенности. Когда-то здесь, говорят, жизнь была ключом. Самодурка Кисловская перед самой войной вошла в полосу „опростительства“ (старая дева с жиру бесилась!): с раннего утра и до позднего вечера она сама раз'езжала верхом по своим владениям, повсюду понуждая наймитов к напряженному труду на 750 дес. барской земли.

Революция выбросила Кисловскую с насиженного места. После этого в усадьбе перебывали совхоз, хозяйство губоно, школа наробраза и т. д. Но за десять лет усадьба и прилегающая к ней земля ни разу не видели радетьельных хозяев, способных действительно по-хозяйски повести работу в бывших владениях Кисловской.

Хуже всего то обстоятельство, что, разрушая и запуская постройки, инвентарь и проч., все организации, сменившие помещицу, жили в больших неладах с местным населением. Официальными документами земорганов и РКИ установлены, например, кабальные сделки со сдачей в аренду земли в хозяйстве губоно. Земля сдавалась по 20—25 руб. за десятину. Кроме этого, крестьяне-арендаторы понуждались платить хозяйству за землю своим собственным трудом.

Нынешней весной наробраз исчез из шелепинских поместий, его сменила сельскохозяйственная артель „Возрождение“.

„Возрождение“ пришло буквально к разбитому корыту. Лучшая постройка в барском поместье сожжена, остальные — не сегодня — завтра развалятся. Весну и лето возрожденцы кое-как промотались на новом месте, а как они будут жить здесь дальше, — пока неизвестно.

— Проживем. Нас, брат, этим видом не удивишь, — подчеркивал нам председатель артели, сухой подвижной старик Алексей Тимофеевич Митрохин.

Митрохину под 60 лет. До 1924 г. он бился с огромной семьей (17 человек вместе с семьями братьев) в Рудневском районе, неподалеку от Тулы, на 12 дес. земли. Когда жить стало совсем невмоготу, Митрохин бросился на поиски новых мест. Алексей Тимофеевич побывал, как представитель своей семейной общины, в Сибири, на Поволжье, был в Саратовской и Самарской губерниях.

— С одной стороны, — рассуждал вернувшийся Митрохин, — на Поволжье али в Сибири — благодать. Земли — глазом не охватишь. Хозяйствуй — сколько твоей душе угодно. А с другой — как хозяйствовать, ежели, к примеру, у тебя на

17 человек всего две лошади, три коровы, да один плуг. Тут, друг, не расхозяйничаешься.

Во время наибольших сомнений и колебаний судьба свела Митрохина с таким же, как и он, искателем лучших мест, бывшим красноармейцем Ильинским, Василием Григорьевичем.

Ильинский (из Чернского района, Тульской губ.) тоже колесил по Сибири и Поволжью в поисках земли и возможностей для развертывания своего бедняцкого хозяйства. Как и старик Митрохин, этот крепкий, практичный крестьянин лет под 30 быстро сообразил, что без хороших средств личного хозяйства на бескрайней поволжской равнине не построишь. Нужны средства, нужен капитал. Его нет, стало быть, о переселении нечего и думать. Надо искать другого выхода. И старик Митрохин на пару с красноармейцем Ильинским нашли этот выход: — Даешь крепкую, дружно-сколоченную артель!

Осенью и зиму 1925—26 г. организаторы сколачивали членов в намеченную организацию и одновременно присматривали себе хозяйство в пределах Тульской губернии.

Хозяйство было найдено. К весне в артели набралось девять семей с 65 душами. Семьи договорились, выработали себе устав и одновременно заключили договор с губзу об аренде бывшего поместья Кисловской со 145 дес. земли. Ко времени полевых работ члены артели уже ликвидировали свои старые хозяйства, а сами перебрались на новые места.

Интересен подход возрожденцев к аренде земли и построек. Они отнюдь не рассчитывали на безвозмездную передачу им земимущества. С первых слов речь шла о размерах арендной платы. По договору условия определены в следующем виде: постройки и земля сдаются артели сроком на 12 лет; все повинности с этого имущества (налоги, страховые платежи и проч.) возлагаются на артель; артель обязана землеустроить за свой счет переданную ей площадь, провести ремонт построек и проч.; кроме того, она платит 2 руб. с десятины пашни, 50 руб. с дес. сада, 20 руб.—огорода, 3 руб.—усадыбы, 5 руб.—луга и т. п.; и помимо этого она вносит в губзу 3 процента амортизационных и иных отчислений с общей стоимости арендуемого имущества. Всего организация должна уплачивать в год свыше 500 руб.

Условия довольно тяжелые. Но возрожденцы не унывают.

— Платить да унывать, это — двойная потеря, — говорит нам старик Митрохин.

Он с первых дней выделен в председатели артели.

— Тут дело не в летах, — объясняет нам Ильинский (секретарь организации), — а в опыте и авторитете. Митрохин и при полудесятичном наделе вел в Рудневском районе великолепное хозяйство. Он и полевод, и огородник, и животновод. Одним словом — на все руки мастер. Кому, как не ему, доверить артельное хозяйство?

— Я вот, — добавляет про себя Василий Григорьевич, — на военной службе был и делопроизводителем, и счетоводом. Счетоводство знаю основательно. Так меня артель выбрала в секретари. Возьму тут с бухгалтерскими записями, с табелями, с протоколами. За работу получаю 10 рублей.

Председатель, секретарь и другие работники-распорядители не освобождаются от физического труда.

— Для чего освобождать? — рассуждают возрожденцы. — Председательскую или секретарскую работу в небольшом хозяйстве на 65 едоков можно выполнить и вечерами. За нее мы приплачиваем по 10—15 руб. в месяц. А остальное время, будь добр, — работай вместе с нами на поле.

Надо сказать, что оплата труда, его распределение и трудовая дисциплина — самый сложный участок колхозовской работы. На этом участке в „Возрождении“ все благополучно.

Правила внутреннего распорядка определяют, во-первых, стоимость трудового дня для каждой категории работников; во-вторых, ими вводится учет труда по табелям; распределение трудовых сил возлагается на председателя артели (он же заведующий всем хозяйством). Весь коллектив определяет не только величину трудового дня в часах, но и фактическую нагрузку по разным видам работы для взрослых и для подростков. Таким образом, установлены нормы по пахоте, боронованию, посеву, полке и прочим трудовым процессам. Система строгого нормирования и пример передовой группы гарантируют артели самое добросовестное отношение к коллективному труду и хозяйству со стороны всех членов организации. „Возрождение“ не коммуна, а артель. К процессам обобществления она подходит исподволь. Пока полностью обобществлен труд и та часть инвентаря (живого и мертвого), которая приобретена на заемные средства артелью. Кроме обобществленного инвентаря, у артельцев в личном пользовании находится их собственный инвентарь — 11 лошадей, 4 коровы и проч.

— Ничего, что пестро, — говорит по этому поводу Алексей Тимофеевич Митрохин. — Мы будем обобществлять потихоньку, но уж крепко и наверняка. А то, неровен час, возьмут и разбегутся.

Члены артели притащили с собой на новые места кое-какой скраб, с пяток плугов, несколько телег, борон и 650 р. денег (по 10 руб. паевой взнос с души). Ни семян к яровому севу, ни кормов для скота, ни тем более сложных сельскохозяйственных машин — они не имели. Всем этим приходилось обзаводиться в самой артели.

Митрохин бегал в Туле из Сельмаша в губзу, из губзу в кредсельсоюз и сельхозсклад. Его стараниями артель получила кредит на сельскохозяйственные машины, семена и на коров. Кредит получен на 1200 руб., а между тем с марта по июль артель вложила в общественное хозяйство свы-

ше 2000 руб. денег. На вложение использовала весь паевой капитал и небольшие сбережения (от ликвидации старых хозяйств) отдельных членов.

На эти 2000 руб. приобретены: 6 породистых высоко-молочных коров, рядовая одиннадцатирядная сеялка, сенокосилки, молотилки, бороны зиг-заг, плуги и, что особо важно, сортовые семена средне-русского клевера, шатиловского овса, льна, эккендорфской свеклы и т. п. Часть средств (до 400 руб.) ушла на покупку кормов, на оплату землеустройства и покрытие расходов, связанных с заключением арендного договора (гербовый сбор и т. п.).

В общем возрожденцы выискивают всякую копейку, чтобы направить ее на общественную нужду. До сих пор артель не оплачивает труда членов, и они живут на собственные средства — от сбережений.

— Расплата будет после. Правда, приходится подогревать настроение, — указывает Митрохин, — но ничего не поделаешь. Кто шел в колхоз, тот знал, что первые два-три года в колхозе будет не сладко. Нового хозяйства ведь из пальца не высосешь. Стало быть, надо работать.

Митрохин, а за ним и все члены умеют смотреть далеко. „Возрождение“ существует недолго, а фундамент оно закладывает на десятки лет.

Так, артель уже провела у себя землеустройство; на земле введен десятипольный культурный севооборот; пашня прошлой весной и летом хорошо унавожена (за навозом артельцы ездили за 10 верст в Алексин).

Разве все это не говорит о хозяйственном подходе к делу?

Артель не собирается арендовать мельницу, крупорушку и другие предприятия. Она не хочет разбрасывать свои силы и средства по разнотипным хозяйственным руслам.

Основы культурного земледелия артелью уже заложены.

Главное в этих основах: культурный севооборот и культурный — рядовой — посев сортовыми семенами. Клевер артель посеяла по новому ширококорядному способу.

На своей земле возрожденцы создают самую хозяйственно-выгодную комбинацию посева, предусматривая урожайность и товарность культур, правильный плодосмен и т. д.

Через два — три года хороших урожаев (а они при удобрении, культурной обработке и посеве сортовым зерном могут быть только хорошими) артель приступит к развертыванию животноводства и других отраслей хозяйства.

Пока же она все силы и средства вколачивает в землю.

Перспективы у „Возрождения“ с ее культурным подходом к делу, с ее сколоченностью и спайкой есть. Сейчас артельцев беспокоит только один вопрос — жилищный. Мы были в темных клетках-комнатушках, занятых семьями артельцев. Можно

с уверенностью сказать, что даже Москва или Харьков не знают такого жилищного кризиса, который — в соответствующих, конечно, пропорциях — выпал на долю „Возрождения“. Дома, перешедшие к артели, разрушены на добрые три четверти. В некоторых постройках из 10 комнат годными для жилья остались 2—3. В остальных полы сняты, потолок и даже крыша провалены, рам, дверей нет. Семьи членов артели разбросаны в разных помещениях. Одна семья из 8 человек живет... на скотном дворе, где рядом со стойлами лошадей под жилье приспособлена сторожка размером четыре на четыре аршина. Комнаты иных семей походят на помещение вагона: они сплошь заняты полатями в три этажа.

Нужна серьезная материальная помощь артелям со стороны. „Возрождению“ следует передать 1—2 бесхозяйственные постройки или лес, а остальное они сделают сами. Крепкая сплоченность и трудовой под‘ем им помогут.

3.

„Луна“ и „Возрождение“ ни в чем не похожи друг на друга, если не считать общих организационных признаков да, пожалуй, той сплоченности, которая в одинаковой степени видна и у первой, и у второй организации.

Остальное — быт, установка в работе, отношение к местным органам — все построено по-разному.

„Луна“ увлеклась прожектерством, погоней за дешевым заработком на арендованных предприятиях. Случайные невзгоды ее окончательно сбили с толку. Теперь артель разлагается.

„Возрождение“ сторонится всяких широких замыслов. „Мы пахарями были — пахарями и останемся“, — это признание определяет весь строй работы возрожденцев. Типичные середняки-малоземельщики, они строго по-хозяйственному ведут стройку общественного хозяйства. О конечных итогах этой стройки говорить еще очень рано. Но начало уже сейчас можно признать вполне хорошим.

В Алексинском районе партийно-советский аппарат крепкий. Но и он колхозовскому движению уделяет чрезвычайно мало внимания. На глазах аппарата вырождалась артель „Луна“, перед лицом риковцев „Борьба“ вела форменное наступление на деревню, обезземеливая крестьян. А что делал аппарат? Он просто не замечал больших моментов в колхозовском движении. Добрая половина неудач с колхозами в Алексинском районе смело может быть отнесена за счет плохого руководства.

Ошибки и промахи, говорят, великолепные учителя. Будем надеяться, что и в данном случае нужные познания из печальных уроков будут извлечены.

В последний раз нам пришлось заглянуть в алексинские колхозы уже весной 1928 года, после того как на местах начал осуществляться лозунг 15-го парт'езда о коллективизации сельского хозяйства.

Вот что застали мы в Алексинской округе.

„Середнячки“ из „Возрождения“ (Митрохин и др.) крепко за себя постояли. Когда местные партийно-советские органы начали подталкивать колхоз к большему обобществлению, — середнячки ошестинились. Властям наотрез было отказано в переходе на типовой устав артели. Такой же отказ был дан на предложение принять в артель новых членов из бедняков и несколько смягчить излишние жесткие нормы правил внутреннего распорядка.

Требования пришлось повторить в более категорическом тоне. В результате артель самоликвидировалась. Три четверти ее членов разбрелись. И только четверть старого состава осталась на облюбованном артелью месте.

К этой четверти примкнуло с десятков бедняцких семейств из соседних деревень. Таким образом образовался новый колхоз „Красный Октябрь“.

„Красный Октябрь“ — несомненно в социальном отношении более здоровая и устойчивая организация. В настроениях ее членов нет тех навязчиво собственнических ноток, которые были присущи колхозникам из „Возрождения“.

От „возрожденцев“ новые колхозники унаследовали их хозяйственность, расчетливость и уклон в сторону развития огородных культур и животноводства. Это наследство вместе с коллективистической сцепкой новых колхозников позволят „Красному Октябрю“ построить в бывшем помещичьем гнезде подлинно коллективное хозяйство.

Попрежнему большим вопросом для колхозников тут остается жилищный вопрос. Жилищные условия их буквально нетерпимы. Местные органы должны изыскать пути к удовлетворению жилищных нужд колхозников.

А в „Луне“ дела таковы.

В яркий весенний полдень мы приехали в колхоз, когда в нем созывалось собрание по вопросу об обобществлении скота.

Еще до поездки, бегло ознакомившись с положением дел, мы предвидели, что добра от этих разговоров ждать нечего.

У дома, где созывалось собрание, нас встретила сгрудившаяся толпа вошанских женщин.

Толпа буквально выла. На лицах многих крестьянок блестяли слезы.

Из толпы бросилась к нам старая крестьянка и заголосила:

— Чего ездите? Какие вам тут колхозы? Скот последний отнять хотите.

Собрание открылось в гаме, в сплошном гомоне.

Четыре часа под ряд противники коллективизации (целиком весь состав артели) „чесали“ вдоль и поперек ее сторонников. Выяснилось: сторонников обобществления скота насчитывается лишь 4 человека, вопрос о коллективизации они выдвинули вопреки желаниям и настроениям членской массы. Был даже свой расчет: члены, мол, откажутся обобществить свой скот, так мы их выбросим из колхоза; в артели останется человек 7—8, не больше, к ним перейдет артельное имущество, а главное — арендуемая мельница; тогда тесной семьей мы, дескать, и заживем на-славу.

Эти расчеты на вышибание трех четвертей членской массы разоблачились с каким-то ожесточением. Тон всему задавали женщины.

Они указывали, что члены не могут доверить свой скот правлению колхоза, так как правление до сих пор не научилось вести коллективное хозяйство. Хороших правленцев нет. А плохие то поморили артельных свиней при мельнице, то погнуили урожай, то допустили поломку мельничной снасти и т. п.

Предложение о коллективизации скота провалилось, собрав всего два голоса из наличных 55.

Вошанские женщины отвергли даже проект постройки общественного скотного двора в колхозе.

Так в „Луне“ была подорвана идея всякой коллективизации. По-нашему мнению, подорвана очень надолго.

Винючники подрыва: губернские, а отчасти и местные органы, которые вздумали проводить лозунг коллективизации наскоком, без учета возможностей и местных особенностей.

Колхозная секция, не ознакомившись с наличными настроениями, прямо созвала общее собрание артельцев и на нем, через своего инструктора, ребром поставила вопрос о коллективизации. А в итоге — срыв и отступление.

Мы только-только приступаем к широкой работе по колхозному строительству. Подобного рода срывы должны хорошенько учитываться нами.

Необходимо извлечь из них полезные уроки. Необходимо от кавалерийских наскоков перейти к планомерной и органической строительной работе. Иначе мы или будем вертеться на холостом ходу, или это будет стройка на песке. Сегодня мы коллективизируем группу хозяйств, а завтра, за нашей спиной, в группе начнут шириться процессы деколлективизации (разобобществления).

Надо этого избежать во что бы то ни стало.

ТАМ, ГДЕ БУДЕТ „СОВЕТСКАЯ ДАНИЯ“

1.

Чем ближе к Сухотину, тем лучше становятся крестьянские стада, которые встречаются нам на выпасах по дороге. Райживотновод часто останавливает повозку и демонстрирует перед нами одну за другой „выдающихся доек“.

Мы попали в подлинный швицкий район, район улучшенного животноводства. Здешняя плотная и рослая корова типично-швицкой масти (от черно-бурой до светло-серой и изжелта-матовой) резко отличается от рядовых деревенских тасканок. Тут есть чем полюбоваться глазу!

В самом Сухотине и дальше, в Поволяеве, Нечаеве и в других деревнях сплошь все стада состоят из швицов и улучшенных русских коров с значительным прилитием швицкой крови. Коренное улучшение состава стад — таков первый результат проведенной здесь большой зоотехнической работы.

Следы этой работы лежат положительно на всем — и на полях, где изобилуют посевы клевера и корнеплодов, и на скотных утепленных дворах, и на ухоженном виде самих животных.

2.

Отнюдь не случайно местные агроработники принялись перестраивать крестьянское хозяйство в Алексинском районе по животноводческому уклону. Естественно-исторические условия района, особенно в его северной части, таковы, что тут силой внешних обстоятельств деревня понуждается преимущественное внимание обратить на развитие животноводства.

При урожаях сам-3—4 алексинец на собственном многолетнем опыте убеждался в крайней невыгодности зернового хозяйства. С зерном как тут ни бейся, а больше чем на полгода хлеба на семью не получишь. Вознаграждая земледельца никудышными урожаями, зерновое хозяйство вместе с тем не обеспечивало его семьи достаточной трудовой нагрузкой. Зерновые культуры нетрудоемки, и при малоземельи они оставляют в средней крестьянской семье добрую половину рабочих рук неиспользованными. Чтобы дать им необходимую нагрузку, крестьянин должен был перестроить свое хозяйство.

Для развертывания продуктивного животноводства в районе имеется много выгодных предпосылок, главные из которых естественная кормовая база (луга, а особо лесные выпасы), наличие поблизости трех емких рынков: Тулы, Серпухова и Москвы, с которыми район связан двумя железнодорожными магистралями — Московско-Курской и Сызрано-Вяземской.

В дореволюционное время местные алексинские помещики внимательно учитывали всю выгодность продуктивного животноводства и его преимущества перед другими отраслями сельского хозяйства. Многие из них с 1908/9 г. начали увеличивать и качественно улучшать свои стада. Но улучшение это протекало бесплано. Сегодня „барин“ останавливается на швицах и заводил их сразу по 5—10 штук, через полгода-год он переметывался на симменталов, там глядишь — на ангельнов и т. д.

Твердого выбора помещики так и не удосужились сделать. Ко времени революции в большинстве барских стад понемногу были представлены все породы от горно-швейцарских до голландских и шотландских айрширов. Именно такие пестрые, сборные стада имелись в Каштанове у Мосалова (швицы и симменталы), в Янышевке у Алексеевой (ангельны, шордгорны и др.), в Сумарокове у Кестринга (всего понемногу) и т. п. Отсутствие плана и системы в животноводческой работе помещик возместил теми преимуществами, которые его хозяйство имело как хозяйство эксплуататорское. Иначе он, конечно, не смог бы устоять на рынке при появлении на нем передовых конкурентов. Но конкурентов не было, и барское поместье до поры до времени снимало своим молоком подлинные сливки с рынка. По справкам, полученным от райживотноведа т. Крамер *), восемь помещичьих хозяйств, располагавших, в общей сложности, стадом из 400 голов, в 1916 г. ежедневно отправляли со станций железной дороги в Тулу от 180 до 200 пуд. молока. Отправка была налажена изо дня в день, и связь с тульским покупателем создавалась крепкая.

До 1910—11 г. сдвиги в барских поместьях совершенно не затрагивали крестьянского хозяйства.

Некоторые изменения произошли в 1910—11 г., когда рядом с деревней Сухотино поселились украинцы-хуторяне, купившие землю у здешней „барыни“ Башкировой.

В хуторянах местное земство и власти нашли того самого столыпинского мужика, который нужен был помещику, как оплот в борьбе с раскрестьянившейся беднотой. Организованное к тому времени по инициативе земства Нечаевское сельскохозяйственное общество перекинуло свою работу на хутора.

Хуторяне сразу обеспечили первосортными производителями, организовали среди них молочную Сухотино-Украинскую артель, снабдили кредитом и проч.

*) Справки взяты из книг помещичьих хозяйств 1916 г.

Работа, руководимая талантливым земским агрономом Лысенко, как будто пошла. Больших результатов в тогдашних условиях она, однако, не могла дать. Лучшее, что сделало общество для артели и местных крестьян, это — закупка 14 голов высокопородистых быков-швицев. Эти мероприятия оставили кое-какой след на хозяйстве округа, пробудив интерес к разворачиванию животноводства. Новой власти надлежало закрепить, расширить этот интерес и, пользуясь им, проводить целую систему массовых мероприятий по коренному улучшению крестьянского животноводства. Такая задача оказалась вполне по силам алексинским товарищам, так как во главе местного советского аппарата с первых дней революции стал культурный работник и старый партиец, человек с агрономическим образованием А. И. Муралов (ныне член коллегии Наркомзема). До революции он сам работал у одного из местных помещиков и здешнюю экономику знал великолепно. Вместе с квалифицированным животноводом Р. Р. Крамером он и повел дело.

Алексинские соворганы сумели в самое трудное время сохранить Сухотино-Украинскую артель от развала. Они учли и рассортировали помещичий скот, наладив передачу племенных производителей в крестьянские стада. Тогда же алексинские агроработники сделали вполне точную установку на швица, оказавшегося самой рентабельной и устойчивой породой для алексинских условий.

Все эти начинания дали самые богатые результаты. Процесс прилития освежающей крови в крестьянские стада ускорился. Крестьянин научился ценить хорошую, породистую корову. Начиная с 1922/23 г., при содействии и по советам животновода, десятки обществ покупают теперь породистых быков, уплачивая за них крупные деньги. На ряду с быками покупается отдельными хозяйствами хорошая корова.

Процесс скупки хорошего скота здесь довольно сложен. Обычно, прежде чем купить себе корову, крестьянин оповещает животновода о своем намерении. Животновод, пользуясь широкими связями, узнает, где продается заслуживающий внимания экземпляр, сам выезжает на место для его осмотра, а потом дает нужные указания покупателю.

Любопытный штрих. В косной деревне и сейчас нередко можно встретить крестьянку, которая считает несчастьем, если ее увидят за доением коров. Корову доят в тиши, в укромном уголке, а размер удоя скрывается от самых близких соседей: боятся „сглазу“.

В сухотинской же округе даже 60-летние старики не разделяют старых предрассудков. Тут погоня за высокомолочным скотом приняла характер особого спорта, и каждый хозяин гордится своей дойкой.

Да и как не гордиться, как не ценить сухотинским крестьянам хороших коров, если все здешнее хозяйство целиком держится на животноводстве. Удельный вес продуктов животноводства в бюджете крестьянского двора колеблется от 55 до 80 и выше процентов. Чем крепче двор, тем большее место в его доходах занимают доходы от продуктивного животноводства.

Ниже нами приводится бюджет хуторского двора Павла Васильевича Горшкова. Горшков — крепкий середняк, которых насчитывается в здешних краях не больше 10% общего количества хозяйств.

Мы останавливаемся на П. В. Горшкове потому, что только у него нам удалось найти точные, изо дня в день, бюджетные записи о приходах и расходах по хозяйству.

3.

Хутор Павла Васильевича расположен у прилеска. С одной стороны дороги в хутор — буйная, в человеческий рост, рожь, с другой — широкая полоса, сплошь покрытая красными цветами клевера. Встречают нас заливчатым лаем три собаки.

Приехали. Самого Павла Васильевича дома не застали. Встретились с ним мы на собрании членов Сухотино-Украинской артели, а оттуда в 12 час. ночи снова направились на горшковский хутор, чтобы глянуть на бюджетные записи хуторянина.

Павел Васильевич учитывает все свои доходы и расходы со дня на день вот уже в течение двух лет. Записи его тем ценны, что они ведутся Горшковым не для статистического отдела или финансового инспектора, а исключительно для самого себя. Перед записной книжкой Павел Васильевич чувствует себя, словно „на духу“. Купил он, скажем, бутылку горькой, — так и заносит в книгу: „5 декабря куплена горькая 1 бутылка — 1 р. 25 коп.“ 7 декабря мы находим у него запись: „жене на церковь выдано 20 коп.“ и т. д. Словом, записям П. В. Горшкова поверить можно.

Прежде, чем взяться за его бюджет, кратко опишем хозяйство Павла Васильевича.

На хутора он вышел в 1923 г. До того времени Горшков имел хозяйство в смежной деревеньке. Примерно в 1911 г. П. В., поднакопив „малую толику“ денег на городской работе (он слесарь), купил себе на пару с дядей 21 дес. земли. Переход на новые места задержан был вначале безденежьем (не на что было строиться), потом войной, а затем революцией. В 1923 г. переход, наконец, осуществился.

Сейчас у него 10,2 дес. земли, в том числе 9 дес. одной пашни. Земля обычная для Алексинского района — тот же

суглинок. На хуторе П. В. имеет всего две постройки: сколоченный на городской лад дом в три комнаты и небольшой скотный двор с отделениями для коров и лошадей. К скотному двору примыкает пристройка — свинарник. В стороне от дома стоят маленький амбар и рига.

Свой утепленный скотный двор с датскими кормушками и настеленным деревянным полом П. В. считает временным.

— Подождите, — заверяет он, — понакоплю деньжат, такой ли еще я двор построю.

Главное богатство Горшкова заключается в трех коровах дойках. Горшковские коровы одни из лучших в округе. Вот годовая удой за прошлый год: 1-я корова (имела 10 телят) дала 190 пуд. молока, 2-я (тоже с 10 телятами) — 192 пуда и 3-я (была яловой в прошлом году) — 68 пуд. В марте — апреле нынешнего года ежедневный удой каждой из этих коров выражался в 52, 35 и 33 фунтах при жирности молока в 4,5, 4 и 3,9%. Кроме трех доек, П. В. имеет еще телят по второму году (нетельных). Таково молочное хозяйство Горшкова.

Лошадей у него две, одну из которых с осени намечено запродать, а вместо нее купить еще четвертую (да получше) корову.

Мелкое животноводство Горшкова находится в самом зачаточном состоянии — оно ограничивается одним поросенком и пятью овцами.

Мертвым инвентарем и сельскохозяйственными орудиями горшковское хозяйство обеспечено с лихвой — в хозяйстве имеются: пароконный плуг, парная борона и борона зиг-заг, дерносним с железными зубьями, пароконная рядовая сеялка-семирядка и культиватор, купленный на паях с соседом.

Все работы по хозяйству Горшков проводит при наличии двух рабочих сил (он да жена; семья П. В. состоит из 4 душ при двух ребятах, старшему из которых — девочке — 14 лет); наемный труд (мальчик-пастух) применяется только летом для пастбы скота.

В страдную пору Павел Васильевич со своей женой еле управляет с хозяйством. Но и зимой им не приходится сидеть без дела при наличии 3—4 коров, двух лошадей и другого скота.

Строй хозяйства Горшкова совершенно ясен.

Перейдем теперь к его бюджетным записям. Они чрезвычайно просты; хорошо, что Павел Васильевич не читал мудреных статей Г. Студенского по организации крестьянского хозяйства во II и III томах „Крестьянской Энциклопедии“*). Автор этих статей в руководстве к постановке учета

*) „Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия“, изд. ГИЗ. 1925 г. Статья Студенского помещена в II—III томах, посвященных экономике и благоустройству деревни, стр. 403—543.

в крестьянском дворе приводит 41 форму (!) различных ведомостей, счетов, бланков, книг и тетрадей. Есть от чего потерять голову тому крестьянину, который попробует свой учет вести по этим формам. Без бухгалтерского аппарата здесь явно не обойдешься.

А Павел Васильевич обходится и обходится очень просто. Бюджет им учитывается по двум конторским книгам. Первая учитывает чисто денежный оборот (куплено-продано), а вторая внутренний оборот продуктов от сельскохозяйственного производства, приобретенных кормов и тому подобное.

По ежемесячным выборочным таблицам, а затем по годовой сводке с книг можно великолепно проследить, откуда и какие средства поступают в хозяйство, куда и на что они расходуются. Надо сказать, что сам Горшков не доводит до конца своей учетной работы. Месячных и годовых итоговых ведомостей он не составляет, ограничиваясь выборками и подсчетами на клочках бумаги. Это, конечно, ошибка, и местным агроному и животноводу надо помочь П. В. довести учет хозяйства до естественного завершения.

Чтобы выяснить бюджет хозяйства в целом, мы вынуждены были поработать над записями П. В. с 1 ч. ночи до 7 ч. утра. Сводная работа так увлекла самого хозяина, что он просидел с нами до начала рабочего дня, а потом отправился на пашню.

Первая книга П. В. начата 1 января 1926 г. и заканчивается 31 декабря того же года. Потом с календарного года Горшков перешел на хозяйственный, считая начало его с 1 октября. В связи с переходом, он вынужден был все записи с прошлогодней книги с 1 октября по декабрь включительно перенести в новые книги на 1926/27 г. Как видно, года (старый — календарный и новый — хозяйственный) у Горшкова скрещиваются, так что октябрь-декабрь месяцы 1926 г. у него повторяются со всеми записями в книгах за два года.

Выборка и подсчет всех бюджетных записей по отдельным статьям воспроизводят следующую картину бюджета:

За 1926 календарный год (с 1 января по 31 декабря включительно) в части денежных поступлений (приход средств от продажи товаров) П. В. Горшков имел:

1. Поступило от молочного хозяйства (за проданные молоко, масло, творог; кроме того, проданы телята)	872 р. 60 к.
2. Поступило от других отраслей сельского хозяйства (главным образом от продажи зерна)	86 „ 32 „
3. Приработок от личного промысла (исключительно за подвоз масла и бидонов с молоком от артели до станции)	164 „ 84 „

4. Случайные поступления (сюда вошли суммы, полученные Горшковым от ликвидации хозяйства в деревне — продажа сараев, погреба и т. п.) 365 „ 30 „

Итого денежный приход за год 1489 р. 36 „

Товарно-денежная часть бюджета, как видно, необычайно высокая. Она превышает бюджет рядового крестьянского двора в 3—4 раза. Несмотря на то, что общая картина прихода искривлена случайными поступлениями, „молочный“ строй бюджета совершенно очевиден из нашей таблицы (приход от продуктивного животноводства по ней равен 57,6 процента общего прихода).

За 9 месяцев в 1926/27 г. (сюда вошли октябрь—декабрь месяцы с записей за прошлый год; последняя запись учтена на 30 июня) приход изменился таким образом:

1. Поступило от продажи продуктов животноводства	1140 р. 75 к.
2. Поступило от других отраслей сельского хозяйства	30 „ 50 „
3. Приработок от личного промысла	182 „ 26 „
4. Случайные поступления	246 „ 80 „

Итого за 9 месяцев приход составил , 1600 р. 31 к

Год еще не закончился (до конца его осталось три месяца), а сумма прихода у Горшкова возросла. Рост ее станет еще несомненной, если мы учтем смещение случайных поступлений в горшковском хозяйстве (доля их упала с 24,4 до 15,4 процента).

В новом году роль продуктивного животноводства в хозяйстве П. В. повысился до 71,3 процента.

Хозяйство определено растет по одному уклону, и уклон этот оказывается самым выгодным.

Куда расходует П. В. Горшков получаемые средства?

Ответ на этот вопрос дает расходная часть записей, сведенная и разработанная нами по формам:

1) Расходы производительные (на расширение хозяйства, покупку кормов и пр.) и

2) Расходы потребительские:

а) на покупку промтоваров (мануфактуры, обуви и пр.),

б) на покупку продуктовых товаров (пшеничной муки, растительного масла, водки и пр.) и

в) на мелкие нужды (налог, культнадобности, церковь и пр.).

За 1926 календарный год П. В. Горшков израсходовал по указанным разделам следующую сумму:

1. На производственное потребление 561 р. 80 к.

2. На личное потребление:

а) промтовары 384 „ 45 „

б) продуктовые товары 401 „ 30 „

в) на мелкие нужды 116 „ 21 „

Итого расход составил 1463 р. 76 к.

За 9 месяцев 1926/27 хозяйственного года расход возрастает в той мере, в какой повышается и доходность. А именно за то время расход изменяется следующим порядком:

1. На производственное потребление	630 р. — к.
2. На личное потребление:	
а) промтовары	320 „ 70 „
б) продуктовые товары	468 „ 40 „
в) личные нужды	145 „ — „
<hr/>	
Итого за 9 месяцев израсходовано	1564 р. 10 к.

Хозяйства Павла Васильевича никак не назовешь „самоедским хозяйством“. Правда, у него почти нет остатка свободных денежных средств на руках. Но это еще ничего не значит. В итоге каждого хозяйственного года Горшков получает довольно значительную чистую прибыль, которая и направляется им в основной капитал—на расширение хозяйства.

Производственные затраты у П. В. повышаются, а одновременно хозяйство его становится все более культурным, технически совершенным и высокодоходным.

При больших затратах производственного характера П. В. столь полно удовлетворяет потребительские нужды своей семьи, что по уровню быта эта середняцкая семья смело может потягаться с уровнем семьи рабочего-высокоразрядника. Вы постоянно найдете у Горшкова белые пироги, мясо, рыбу, разного рода приправу к обеду (горчицу, перец, уксус), сласти к чаю и т. п. Ребята, да и сами Горшковы, обеспечены теплой обувью, достаточным количеством платья и одежды.

— Живу хорошо,—говорит П. В., показывая нам свое хозяйство,— а думаю жить еще лучше.

4.

Вернемся к Сухотино-Украинской артели, которая является опорным базовым пунктом всей зоо- и агротехнической работы в нашем районе. Сухотино-Украинская артель, организованная в 1911 г., одна из самых мощных и самых старых молочных артелей в Тульской губ. Имея всего 7 членов в 1912 г., она в 1927 г. насчитывала 153 человека. Самый бурный рост протекал в артели за последние 1—1½ года, когда все окружающие деревни дали резкий сдвиг в сторону развертывания животноводства.

Без преувеличения можно сказать, что большая заслуга в этом сдвиге падает на сухотино-украинских кооператоров. Организуя кооперативную обработку и сбыт молока, изыскивая пути к под'ему доходности своего животноводства, они заражали показательным примером соседних крестьян.

До 1926 г. артель, где преобладали хуторяне, крайне расчетливые и недоверчивые ко всякому широко общественному

мероприятию, упорно держалась в стороне от возникшей к тому времени системы молочной кооперации тульского губернского союза „Молоко“. Потребовалось провести огромную работу, чтобы в конце концов втянуть артель в общекооперативную систему. Втягивали ее исподволь. Полегоньку „разжижили“ хуторской состав артели крестьянами-общинниками, через правление провели ряд сбытовых операций с союзом, а потом уже перешли к оформлению организационных связей. Над оформлением бились целые два месяца. Наконец, в октябре 1926 года артель вошла в союз „Молоко“, заключив с ним договор о продаже своей продукции только через систему молочной кооперации.

Положение организации как будто укрепилось. На первых порах союз помог артелям кормовым кредитом, и это сразу подняло престиж артели в глазах соседних крестьян, приток членов в артель увеличился.

В настоящее время артель обслуживает округу радиусом в 5—6 верст. Члены ее насчитываются в 5 деревнях и в трех группах хуторов. На 1 апреля 1927 г. в этом районе было 440 хозяйств с 608 коровами; из этого числа входили в артель 153 хозяйства с 270 коровами (кооперированность по хозяйствам составляла 34,7 проц., а по коровности 46,5 процента).

По имущественному положению члены артели разбиваются на следующие группы:

1. Бескоровных	4 хозяйства		
2. Однокоровных	50	„	у них 50 коров
3. Двухкоровных	80	„	„ 160 „
4. Трехкоровных	16	„	„ 48 „
5. Четырехкоровных	3	„	„ 12 „

Итого . . . 153 члена, у них 270 коров.

Как видно, преобладающей фигурой в артели является типичный середняк-двухкоровник; он сосредоточивает в своих руках наибольшее количество „кооперированных“ коров — 60%. Состав организации в последнее время изменился в благоприятную сторону: на две трети ее заполняют крестьяне-общинники и лишь на одну треть хуторяне. С таким составом можно бы работать.

Весной 1927 г. артель открыла два отделения — сливные пункты в деревнях Хатманово и Саломасово. Открытие пунктов население встретило с восторгом.

Бюджет хозяйств членов артели на добрые 60—70 процентов строится сейчас на поступлениях за молоко, сданное кооперативу. Мы просмотрели лицевые счета членов за пол-

года. Примерные общие цифры помесячных расплат выражаются по этим счетам:

1. Для однокоровников	25—30 рублей.
2. „ двухкоровников	40—50 „
3. „ трехкоровников	70—80 „

Такие суммы получает здешний крестьянин от своей артели из месяца в месяц.

Артель вырабатывала до сих пор преимущественно масло. Для выработки его она располагает достаточным оборудованием: 4 сепараторами, 2 центрофугами, 3 маслобойками, разной мелкой аппаратурой.

Ежемесячная выработка масла у сухотино-украинцев в нынешнем году колебалась от 120 до 200 пудов. Это—рекордная цифра в тульских условиях. Ни одна из существующих в губернии артелей не вырабатывает такого количества масла. Сухотино-Украинская артель могла бы быть главным поставщиком сливочного масла для тульского союза „Молоко“.

Как уже указывалось, благодаря принятым мерам, артель была сохранена даже в бурные годы гражданской войны и военного коммунизма. Мало того: на те же годы падает начало широкой агрономической работы с артелью и вокруг нее. Работа эта не прекращается до сих пор.

Сейчас половина хуторов имеет устоявшиеся многопольные севообороты в 6 и 7 полей, половина обзавелась угловыми посевами клевера. Вместе с хуторами перебрались на многополье деревни Сухотино 1-е и 2-е, Саломасово и Хатманово.

Большие достижения имеются в области культуры картофеля, который удалось в ряде хозяйств продвинуть с усадебной земли в поле; посеvy картофеля расширились. Хуже дело обстоит с корнеплодами, но и они понемногу проникают в округу. Баснословные урожаи свеклы (до 2000—2200 пудов с десятины) служат порукой в том, что скоро кормовой свеклой займутся не только хуторяне-общинники, но и рядовые общинники.

Если к клеверу, картофелю и к корнеплодам прибавить лесные выпасы и луговые угодья — общая картина станет ясна: хутора украинцев и соседние деревни имеют твердую кормовую базу для развертывания животноводства. И оно здесь с каждым годом растет. В среднем на каждый крестьянский двор в пятиверстном радиусе вокруг артели приходится полторы головы крупного рогатого скота. Эта коровность выше средней губернской нормы.

За кормовой проблемой встали вопросы правильного кормления и содержания скота, перевода коров на осенний отел и другие. В этой части шестилетняя работа дала следующие результаты.

В хуторских хозяйствах буквально не найдется обычного полуразвалившегося сквозного скотного двора. Дворы хуторян

сплошь или теплые (с оконцами, вытяжной трубой, деревянными полами и датскими кормушками) или утепленные.

Несколько непригляднее дворы у общинников, но и у них, особенно в деревнях Сухотино, Хатманово и Озерки, теперь 40—50 процентов наличных дворов утеплены и переоборудованы. Одновременно с теплым двором в округу проникало датское кормление. Сейчас в части хозяйств скот кормится с точным соблюдением норм, в части — рационализация кормления ограничивается дачей концентрированных кормов (жмыхов, отрубей и корнеплодов).

Хуже обстоит дело с переходом на осенний отел. В хозяйствах общинников переход задерживается. Хуторяне, располагающие большими кормовыми возможностями, наполовину уже перешли к осеннему отелу.

Большую подмогу в проведении агротехнических мер оказали месячные курсы по животноводству, организованные в 1926 г. Товарищи, прошедшие курсы, были вовлечены в практическую работу. Артель организовала опытное показательное кормление 10 коров, сгруппированных в один двор и поставленных в совершенно одинаковые условия. План кормления, самая дача кормов, обмер, обвес, записи и наблюдения — все это осуществлялось курсантами. Таким образом из среды рядовых крестьян в артели формируются свои агротехники и зоотехники — помощники советским агрономам и животноводам.

Любо посмотреть на скот сухотино-украинцев!

— Это „кровя“, товарищ, — объясняет нам один из членов артели, хозяин отборной пары коров.

Сухотино-украинская артель вот уже седьмой год располагает производителями быками-швицами. Подрастают и высокопородные бычки, выхоженные самими артельцами. Качество скота в сухотино-украинских хозяйствах теперь будет непрерывно улучшаться с каждым годом. Артельцы вплотную подошли к полной рационализации своего животноводства: они организовали у себя контроль-ассистентский союз. Покамест в союз вошли одни хуторяне, располагающие двумя-тремя высокопродуктивными коровами. Вернее будет возникшую организацию назвать зародышем будущего союза — контроль-ассистентской группой, так как она объединяет лишь 12 хозяйств. Из среды членов группы выделен контрольный староста — Петр Митрофанович Вершигор, один из лучших хозяев среди хуторян, прослушавший животноводческие курсы. За небольшую плату Вершигор, под руководством животновода, ведет всю контрольную работу: точную проверку кормовых дач, запись удоев, расценку кормов, определение себестоимости молока и проч. У соседних хозяйств кропотливая работа контроль-ассистентского союза вызывает большой интерес. Со-

седи видят, как об'единенные в союз дворы за полугодовой срок ввели ряд улучшений в животноводство.

Чтобы судить об успехах артельцев, приведем небольшие справки о молочности коров, заимствованные из ведомости контрольного союза за ноябрь—февраль 1926/27 г.

За 4 месяца (120 дней) получено молока.

1. Вершигором, П. М. от „Пуньки“ (5 лет, вес 28 пуд., метис-швиц; корова отелилась 29 октября 1926 г. и еще не огулялась) — 131 пуд, жирность 3,9%.
2. Им же от „Белки“ (6 лет, вес 20 пуд., русская улучшенная, отелилась 10 апреля, а покрыта 15 сентября 1926 г.) — 62 пуда, жирность 4,5%.
3. Яцковским, А. А. от „Нежки“ (8 лет, вес 26 пуд., русская улучшенная, отелилась 30 мая, а покрыта 19 августа 1926 г.) — 57 пуд., жирность 4,0%.
4. Им же от „Буренки“ (9 лет, вес 25 пуд., метис-швиц, отелилась 10 ноября 1925 года и в 1926 г. оставлена яловой) — 72 пуд., жирность 4,2%.
5. Заболотным, У. Е. от „Красавки“ (10 лет, вес 26 пуд., метис-швиц, отелилась 6 августа и покрыта 26 сентября) — 80 пуд., жирность 4,2%.

Примерно такие же удои и у остальных коров, принадлежащих членам контроль-союза.

Минувшим летом артель на средства союза „Молоко“ провела конкурс молочности, в котором участвовало 8 хозяев, выставивших восьмилетних коров. Максимальный удой за неделю дала корова Яцковского А. А. „Малютка“ 5 лет, весом в 24 пуда, метис-швиц. Общий семидневный удой у нее составил 303 фунта, или по 49 фунтов молока в день — норма чрезвычайно высокая для коровы, имевшей всего лишь трех телят.

Молочность остальных коров, выставленных на конкурс, колебалась от 200 до 280 фунтов за 7 дней, при жирности 3,6—4,3%.

Перед группой членов контроль-союза встает теперь задача вовлечь в свою среду максимальное количество хозяйств из хуторов, а особенно из деревень. Только рост членов даст возможность группе вырасти в действительный контрольный союз, во главе которого можно будет поставить знающего и квалифицированного руководителя контроль-ассистента.

5.

Казалось бы, в Сухотино-Украинской округе мы имели самые прекрасные условия для кооперативной артельной работы. На самом деле это не так.

Мы уже отмечали, с каким трудом вошла артель в союз „Молоко“. К осени 1927 г. она снова и настойчиво смотрела

на выход из союза. Причин для такой антикооперативной тяги очень много. Прежде всего, самый состав артели таков. В годы военного коммунизма и первые три—четыре года нэпа артель еле-еле дышала. Связь с рынком артель, как организация, потеряла. Свою деятельность она ограничивала выработкой масла, которое потом выдавалось на руки членам. Среди членов артели (из бывших подрядчиков и лавочников) нашлись такие, которые развернули большую работу по скупке масла или по комиссионному его сбыту на ближайших рынках. Перекупщики, понятно, злились, когда артель вошла в систему молочной кооперации и приступила к кооперативному сбыту молочных продуктов. Перекупщики совместно с кулачем (двое лишенных прав) составили особую группу оппозиционеров, готовых воспользоваться первым случайным промахом правленцев или союза „Молоко“, чтобы оторвать организацию от кооперативной системы. Такой случай не заставил себя долго ждать.

Дело в том, что Сухотино-Украинская артель находится под чрезвычайно сложным влиянием ряда рынков. Организационно она связана с Тулой через тульскую систему союза „Молоко“. Тульский рынок дает ей самую высокую, по здешним условиям, среднегодовую цену за масло. Но по отдельным месяцам цена эта значительно падает и отстает от цен других рынков: серпуховского и алексинского. Серпухов отстоит от артели всего в 30 верстах, и его влияние по отдельным месяцам становится сильнее на сухотино-украинских хозяйствах. Когда цены в Серпухове поднимаются выше тульских цен, кулацкая группа „затирает бузу“, требуя разрыва с Тулой. Требования кулачья были бы не страшны, протекай работа в артели размеренным темпом, без всяких срывов. Но действительность очень далека от этого, и Сухотино-Украинская артель постоянно пребывает в полосе внутренней борьбы и столкновений между различными социальными группами.

В благополучное для артели время в организации царяется некоторый мир, вернее — перемирие. Тогда середнячко-бедняцкие группы заключают между собой блок и начинают насаждать на кулаков. Как правило, насаждают рывком, от случая к случаю, без плана и системы. Так, в прошлом году, когда проводилось групповое опытно-показательное кормление коров по датскому способу, артель порешила напасть на одного из кулаков — Гончара. Ему было пред'явлено требование: или дай во временное пользование артели свой скотный двор, или убирайся из организации. Гончар вынужден был поступиться скотным двором для артельных нужд и, таким образом, уклонился от брошенного ему вызова.

Конечно, подобными рывками артель не может обуздать своего кулачья. Нужна планомерная систематическая работа, направленная против кулацкой верхушки и поддержанная соответствующими мерами сверху. А такой-то работы как раз

и нет в артели. Без преувеличения можно сказать, тульский союз „Молоко“ делает все от него зависящее, чтобы отягчить и без того сложное и запутанное положение артели.

Вопросы цен в сухотино-украинских условиях являются самыми боевыми вопросами. Цены определяют собой ориентацию артели: на союз „Молоко“ и на кооперативный сбыт, или против союза и против организованной кооперативной работы. Коопсоюз должен был принять все зависящие от него меры, чтобы разрешить проблему цен в выгодном для сухотино-украинцев смысле. А что он реально сделал? Союз ограничился понижением комиссионного процента отчислений со сбыто-снабженческих операций с артелью от 5 до 3 процентов. Одновременно он оставил нетронутой общую сумму отчислений для артели; отчисления все время выражались в размере 15,1 процента: 14 процентов торг.-организационных, 0,6—на агротехническую работу и 0,5 процента—в основной капитал. Если прибавить к отчислениям союза 15 процентов отчислений самой артели, получится, что сухотино-украинский хозяин на кооперативном сбыте и выработке масла все время терял целую треть настоящей стоимости продукта (вернее, 31,1 процента). Дороговато обходится выработка и доставка масла от Сухотина на тульский рынок. За 60 верст — 31 копейка с рубля.

Сухотинцев встревожили не цены, а способы расплаты, практикуемые союзом.

Начиная с февраля 1927 года, союз систематически задерживал суммы артели на 4—5 недель. Во всех протоколах артельцев повторяется вопль: „Поспешите с расплатой, не задерживайте наших денег“. Воплями полны протоколы и специальные бумаги, адресованные в Тулу. В марте начинают раздаваться новые вопли о задержке расчетов. Артель пишет союзу одну бумагу за другой, указывая, что недопустимо задерживать расчет и понуждать артель работать втемную, не зная цен, по которым производится приемка-сбыт масла.

А союз отмалчивался. Воспользовавшись безмолвием союза, кулаки развернули среди членской массы свою работу. Оппозиционная группа сразу расширилась с 5—6 до 30—40 человек. Под ее давлением артель стала на путь прямого нарушения договора с союзом, приступив к частичной продаже масла на сторону и выдавая его на руки членам для неорганизованного единоличного сбыта.

В июне—июле обстановка осложнилась еще больше, так как тульские цены снизились по сравнению с серпуховскими. Обнаглевшее кулачье порешило, что теперь пора итти в открытую атаку.

По деревням и на хуторах пошли своеобразные фракционные собрания. К правлению предъявили требование широко

обсудить вопрос о разрыве с союзом „Молоко“, а когда правленцы отказались от постановки этого вопроса, к ним применили оружие клеветы. 25 июня оппозиционная группа за подписью верховода Вовка передала в алексинский рик следующую телефонограмму:

„Сообщаем, что в артели творится хаос. Члены из артели бегут. Председатель на службу не является. Деньги, которые получил в Алексине, он членам до сего времени не выдал. 24.6 с.г. члены артели собрали общее собрание, куда председателя привели с нарочным, который (?) был в нетрезвом виде. Сегодня, 26.6 с.г. членами артели в 12 час. дня назначается вторичное собрание. Вероятно, произойдут перевыборы правления. Просим о выезде из рика представителя.

Подписал: В о в к“.

Как и следовало ожидать, все это сообщение оказалось сплошной выдумкой. Растраты денег, полученных заимообразно от алексинского кредитного т-ва на расчеты с членами за молоко, не было; председатель правления, местный крестьянин и партиец т. Архипов, 24 июня был совершенно трезв; вызывали его не на общее собрание, а на групповое совещание, организованное кулачем.

В конце июля атмосфера до того накалилась, что потребовалось применить исключительные меры, чтобы предотвратить отход артели от союза.

Приблизительно к этому времени артель получила через губернский центр 3.500 рублей от Маслоцентра в счет специального кредита в 8.000 руб. на постройку проектируемого маслодельного и сметанного завода. Для успокоения артельцев союз „Молоко“ и пустил в оборот 3.500 руб., благо эти деньги были не его собственные, а „чужого дяди“. Союз дал согласие на раздачу маслоцентровских специальных средств членам артели в счет погашения долга по поставке молока союзу.

Это окончательно перепутало все карты. Средства расплылись, и „бузотеры“ получили повод сорвать намеченную работу по постройке завода. Раздача денег проходила в самой ненормальной обстановке, исключавшей возможность правильных расчетов с членами. В итоге часть членов (как раз самая зажиточная) урвала от маслоцентровских кредитов по 100—120 руб. лишку, а часть недополучила и тех сумм, которые ей причитались.

Попытки успокоить членскую массу и воздействовать на нее доводами разума были уже совершенно безнадежными. Животноводу и агроному, когда они попробовали по душам поговорить с артельцами, было заявлено: „Оставьте нас в покое. Вы вовлекли артель в союз, вы нас обманули, а теперь мы будем распутываться собственными силами“.

В июле-августе в артели состоялось несколько общих собраний, где уже в открытую ставился вопрос о выходе из союза. На одном из таких собраний мы побывали.

Собрание еще не начиналось. У помещения артели расположились группы недовольных. Беседа идет вполголоса. Нередко до нашего слуха долетает: „Уговаривать приехали“.

Собрание открыто. При выборах в президиум сразу определилось, что хорошего ждать нечего. В президиум „ради чести“ провели предрика, а остальных — местных крикунов, во главе с отпусником-рабфаковцем, как оказалось, сыном бывшего подрядчика (нам так и не удалось узнать, какими путями этот юноша пролез в рабфак).

Доклад председателя правления союза „Молоко“ артельцы заслушали при сдержанном, напряженном молчании. А дальше началось:

— Так!.. Нас же обманывают, и мы же во всем виноваты.

— Свой товар считают золотом, а наш...

— Куда деваете наши отчисления? Почему в союзе убыток? Надо гнать таких работников из кооперации.

— Зачем обещаете? Все, одно опять будешь задерживать и расплату и расчеты. Не хотим работать втемную. Уходи, ребята, из союза.

— Они наобещают: или червонец на стол, или корову со двора.

— Корова-то идет, да упирается...

Первый же выступивший сорвал собрание. Дальше оно шло кое-как, без правильных прений, без серьезных деловых выступлений. Когда докладчик попробовал повысить тон и свалить вину за неустройства на артель („У вас масло плохое; вы неправильно разместили средства, вы нарушаете договор“), собрание ошетинилось.

Ехидно улыбаясь, рабфаковец заявил мужикам:

— Мы, товарищи, во всем виноваты. Мы не умеем работать с союзом. Стало быть, нам надо разойтись...

Этот щуплый ехидный человек весь вечер приспособлялся к самым дурным инстинктам разбушевавшихся крикунов. Наконец, по формулировке рабфаковца, собрание приняло резолюцию: „В двухнедельный срок упорядочить дела артели. Рассчитаться с союзом и выйти из его состава“.

Так „помог“ отпусник-студент своей деревне удержаться на кооперативном пути...

Поздней ночью, под дождем, мы возвращались с собрания сухотино-украинцев. Товарищи молчали, видно обдумывая средства к тому, чтобы спасти положение организации. На телеге топорщился один пред союза „Молоко“, приводя все новые и новые „доказательства“ непричастности губернского молочного центра к распаду артели.

Артель накануне распада, так как она не сможет устоять в теперешней сложной обстановке, вне связи с общей кооперативной системой. Выйди она из союза, — неминуем или полный развал организаци, или захват ее кулацкой верхушкой. Сейчас и та и другая возможности не исключены. Верно отмечает крайнюю сложность отношений внутри артели тов. Р. Р. Крамер в своем „Дневнике животновода“.

25 июня он заносит в свою тетрадь:

„Положение крайне ненормально. Приходится в работе опираться на зажиточные крепко-средняцкие слои артели, ведя подчас резкую политику против бедноты, так как зажиточные планируют свои хозяйства на осеннем и зимнем сбыте *), и они в состоянии выдержать временное понижение цен, неаккуратности расчета союза и т. п. Беднота же строит хозяйство на отхожих промыслах, дающих возможность легкого размещения масла в Москве в удобный момент. Они не могут выдерживать полуторамесячные задержки денежных расчетов; именно летом они остро нуждаются в кредите и деньгах и главное, они до сих пор не изжили, да и не могут изжить так легко, весенних и даже летних (май—июль) отелов своих единственных коров“.

В записи животновод просмотрел одну характерную фигуру — кулака-перекупщика. А он есть в Сухотине, так как далеко не все сухотино-украинцы могут „лично размещать масло на московском рынке“.

Если учесть кулацкую фигуру, то запись Р. Р. Крамер в переводе на язык политических фактов будет значить: под влиянием политики промахов и ошибок союза „Молоко“ в артели возрос вес верхней кулацкой группы горлопанов. Кулачье зарится подработать на перепродаже масла бедноты. Поэтому кулаки обещают бедноте всякие блага, если она оторвет организацию от кооперативной системы. Бедняцкий слой, неспособный выдерживать дальше низкие цены союза, несвоевременную расплату и т. п., идет на стык с кулаками, ратуя за выход из союза „Молоко“. Средняк-двухкоровник, тот самый, который, по словам Р. Р. Крамер, может планировать и может выжидать, остается в единственном числе, и он, конечно, не в силах сдержать напор противоположных групп. Этот развал бедняцко-средняцкого блока в артели замещается политически невыгодным и опасным стыком кулаков с беднотой. Надо серьезно учесть это и наметить ряд неотложных мер к урегулированию положения. Кое-что союз „Молоко“ намечает. Ближайшее будущее покажет, в какой степени он располагает силами и умением исправить свои собственные ошибки.

*) Когда цены в союзе „Молоко“ выше и выгодней. Авторы.

И в Суходоле есть молочная артель, входящая в союз „Молоко“. Эта артель, сбита с правильного пути „руководством“ губернского кооперативного центра, дышит теперь на ладан.

Пока дождь неумолчно долбил крышу и стенки дома, мы сидели в комнатке суходольской артели и слушали из уст ее председателя незатейливую историю этой организации.

Суходольский молочный кооператив — детище местной партийной ячейки.

Специалисты настойчиво возражали тов. Калининкову, когда он замыслил организацию артели. Ему указывали на слабую коровность здешних крестьянских дворов и пророчили недостаточный слив молока. Отсека не убедили доводы противников кооператива.

В ноябре—декабре 1925 года он создал инициативную группу из крестьян Нижнего и Верхнего Суходола, Коростино и других деревень и приступил к подготовительной работе. В январе артель уже организовалась и тогда же вошла в члены союза „Молоко“.

Хозяйственное чутье и знание местных условий не обманули т. Калининкова: несмотря на все трудности, организованная им артель за истекшие полтора года непрерывно ширилась, вовлекая в свою среду новых и новых членов. С 57 человек в январе 1926 года состав организации поднялся до 103, а потом до 168 членов с 203 коровами (последняя цифра на 1 июля 1927 г.).

С таким составом можно вести работу, тем более, что перед артелью стоят широкие возможности открыть свои отделения в округе. Запросы и просьбы об организации сливных пунктов поступают к артелям отовсюду.

Требуется осторожно подойти к этому вопросу и понемногу, исподволь охватывать влиянием артели одну группу деревень за другой. Таким образом, можно создать твердую базу для работы кооперативной артели и обеспечить такой слив молока, который дал бы ей возможность сводить концы с концами.

За полтора года, проработанные суходольскими кооператорами, они имели самый пестрый слив молока. Артель начала с 25—30 пуд. в месяц. Потом месячная ставка поднялась до 250—280 пуд. Не заглядывая в будущее, артель до поры до времени крепко могла бы держаться и на этом сливе. Но укреплению ее помешали привходящие обстоятельства.

Летом 1926 г. на тульском рынке прошло такое сильное снижение цен на молоко, что артельцы потеряли интерес к поставке своих продуктов. Одновременно произошли неурядицы в правленческом аппарате организации. Слухи

о неурядицах (растрата, дефицит и др.) быстро разнеслись в деревне; слив молока совсем прекратился Артель буквально висела на волоске. В дело, однако, вмешалась партийная ячейка. Она провела групповые собрания с членами, ободрила их и призвала всех к поддержке артели. На общем собрании членов т. Калинин, бывший председателем ревкомиссии артели, точно разъяснил, каково положение организации. Калинин предложил ряд жестких мер: покрыть незначительную растрату, повысить слив молока, одновременно улучшив его качество, и провести предельное сокращение правленческих расходов.

Одновременно с этими мерами подоспела помощь от союза — кредит на дополнительное оборудование и корма. Организация оживилась, перед членами заманчиво раскрылись перспективы широкой работы в новом 1927 году.

Через два-три месяца они уже с легким смешком слушали отчет правления, изобиловавший справками о пережитых неурядицах. На этом собрании одним из крестьян было выдвинуто предложение: в знак признательности отсеку партиячейки Калинин — подарить ему часы или портфель.

— Спасибо, дорогой товарищ, за работу, которую вы провели по организации кооператива. Спасибо партии, что она посылает к нам дельных и честных работников, — закончил свое выступление инициатор предложения.

Нечего говорить о том, что Калинин отвел это проявление признательности. Мы упоминаем об этом случае лишь для того, чтобы судить о настроениях суходольских крестьян в связи с организацией и первым упрелением их кооператива.

Укрепление оказалось очень недолговечным. В артели уже назревал финансовый кризис, который обострился рядом случайных фактов.

Союз „Молоко“ с самого начала учитывал, что суходольская артель, как очень маленькая и молодая организация, сможет удержаться лишь в том случае, если ей будут даны максимальные цены за продукты. А так как цены в один месяц были особо высоки на молоко, а в другой — на сметану и масло, то союз вздумал жестко планировать поставку артели. Организация начала поставку молока. Через два-три месяца союз понудил ее перейти на выработку и поставку сметаны, а через следующие два-три месяца последовало требование о переходе на масло.

Требования союза понудили артель обзавестись самым широким набором инвентаря: бидонами, маслобойкой, сепараторами и т. п. На оборудование сразу ушло свыше 700 руб., которые были взяты в кредит в том же союзе. На плечи только что сформировавшейся организации с первых же месяцев легли непосильные проценты по кредиту. Чем дальше,

тем проценты все больше вырастали, так как возрастал и долг за получение инвентаря и концентрированных кормов жмыхов и отрубей).

История со снабжением кормами в такой степени поучительна, что заслуживает пространной передачи.

Первые поступления жмыхов и отрубей прошли благополучно. Члены артели на опыте ознакомились с преимуществами этих кормов. Поэтому в начале зимы (даже осенью) они подали заявку в союз на вагон отрубей и вагон жмыхов на сезон 1926/27 г. Союз заявку принял, оповестив, что заказ будет исполнен к сроку. Срок союза оказался столь длительным, что корма поступили в артель к весне, т.е. как раз тогда, когда нужда в них, в сущности, миновала. К великому изумлению суходольцев, союз „ублаготворил“ их, к тому же не двумя, а целыми тремя вагонами.

Суходольские кооператоры не только не были растроганы этой щедростью губернского центра, — они, наоборот, в очень неделикатных тонах запросили союз, что прикажет он делать с этими кормами. После долгих переговоров артель и союз остановились на том, что часть кормов может быть продана некооперированному населению: расходы по этой части кооператив нести не будет. А когда выяснилось, что спроса на концентрированные корма нет, что жмых и отруби уже гниют, — губерния заговорила новым тоном, пред'явив артели вексель.

Сбитая с толку артель кинулась на расписывание кормов, предварительно оценив их, по причине порчи, на 30—40 процентов ниже покупной цены. Убыток, образовавшийся от оценки и составивший почти 600 руб., опять лег на плечи кооператива. Общий долг его союзу к июлю 1927 г. составлял 2400 руб. Тяжелым камнем висит этот долг на артели. Союз до 1927 г. мало следил за кредитоспособностью низовых организаций, закредитовывая их без нужды на крупные суммы. Долги возрастали, правление союза переписывало векселя, и все как будто были довольны. В 1927 г. положение в губцентре изменилось: новое правление союза обнаружило близость финансового краха, как результата „мудрой“ кредитной и иной политики своих предшественников. Чтобы спасти свое положение, новые правленцы повернули руль, заставив артели, в том числе и суходольскую, расплачиваться по накопленным долгам.

С суходольцев немедленно взялись удерживать целые 50% платы, следуемой им за поставленное молоко. Понятно, что члены артели не выдержали этого кредитного режима и завывали. Да и трудно было выдержать, так как одновременно с „кредитными“ причудами союза минувшим летом совпали падение цен, задержка с расплатой, задержка расчетов и проч. В июне-июле началось массовое бегство суходольцев из организации. Юридически с ней порывали немногие, но факти-

чески отрыв сразу охватил свыше половины членов. Прекратился слив молока артели. Как выйдет кооператив из создавшегося положения — предугадать трудно.

Можно только присоединиться к словам т. Калининкова, который настойчиво взывает сейчас к суходольским крестьянам, к союзу „Молоко“ и к райаппарату — о помощи артели.

Ей надо помочь. Суходольскую артель необходимо спасти от развала. За полтора года своего существования артель доказала, что она может развернуть работу в округе, может стать здесь крупным фактором по перестройке сельского хозяйства...

К характеристике взаимоотношений союза „Молоко“ с низовкой в конце нелишне отметить разного рода „мелочи“, больно дергающие молочные артели Тульской губернии.

Особенно много этих „мелочей“, кажется, было в практике суходольских товарищей.

Отметим такую „мелочь“.

В свое время союзу указывали на нелепицу „транзитных“ операций, которые он практиковал с суходольской сметаной. Сметана из Суходола отправлялась по железной дороге в Тулу и пороезжала, таким образом, 42 версты. В Туле ее выгружали, затем снова погружали и гнали обратно (!), но уже не в Суходол, а на 24 версты дальше — в Алексин для продажи из алексинской лавки союза.

По объяснению союзных работников, сметана совершала стоверстное путешествие (вместо 25 верст до Алексина) ради того, чтобы пройти дополнительную обработку в Тульской молочной лаборатории. Если даже поверить запоздалым объяснениям, представленным на заседании Тулкоопсовета в августе минувшего года, то и тогда можно спросить: почему союз не дал таких же объяснений артели? Ведь куры смеялись, глядя на то, как раз'езжает то взад, то вперед по железной дороге суходольская сметана мимо станции Суходол.

Политика отмалчивания и органической глухоты к запросам низовки дорого обойдется Тульскому союзу молочной кооперации. В глазах артелей он растеряет весь свой кооперативный престиж.

9.

Мы взяли два гнезда в Алексинском районе — округи сухотино-украинской и суходольской артелей. И там и здесь крестьянское хозяйство делает решительный поворот в сторону животноводческого уклона.

Вместо захудалых тасканок — высокомолочные швицы; вместо чуть перекрытых соломой дворов — теплые скотные дворы с датскими кормушками; наконец, вместо допотопной соломенной резки с посыпкою — концентрированные корма

и нормированное кормление. За 4—5 последних лет местная деревня овладела массой культурных приемов в технике хозяйства. По мере такого овладения и продвижения вперед повсюду виден хозяйственный под'ем.

Сухотино-украинец не хуже суходольца признает, что без молочной артели ему „труба“. Вот почему нам не страшны временные неудачи в работе артелей. Не надо лишь закрывать глаза на промахи. Лучше хорошенько взвесить и найти выход из теперешних тупиков.

Положение алексинских кооперативных артелей очень пуганое. Они вошли в кооперативную систему молочной кооперации и, по мере сил, выполняют все свои кооперативные обязанности. Но вместе с тем артели несут такие крупные издержки по связи с союзом „Молоко“, что дальнейшее пребывание их в союзе становится под угрозой.

Положение самого Тульского союза молочной кооперации чрезвычайно тяжелое. Поэтому трудно рассчитывать на скорую помощь от него. А помощь остро необходима. Тульским кооперативным органам и Маслоцентру надо вплотную подойти к большим вопросам нашей молочной кооперации.

Долгосрочный кредит, государственные ссуды, рассрочки уже выданных кредитов, подбор и вовлечение новых работников в аппарат союза „Молоко“ — все средства должны быть использованы для скорейшего, решительного укрепления губцентра молочной кооперации и его низовки.

От проведения этих мер зависит темп перестройки сельского хозяйства северных районов губернии. Будут они проведены — и крестьянское хозяйство алексинского, лаптевского и других районов в ближайшие два-три года даст небывалый культурный рост,

В Алексинском районе все дороги к новому лежат через животноводство. Животноводство, как мы видели, сделало крупные успехи. Сейчас надо озаботиться организацией кооперативного сбыта молочных продуктов, и тогда, если он будет налажен, можно смело поручиться за ближайший коренной переворот в хозяйстве и быту алексинской деревни. Через 5—10 лет нормальной работы в Алексинском районе раскинется новая „советская Дания“. Она впитает в себя все технические достижения современного высоко-культурного датского хозяйства и на ряду с этим проложит кратчайшие кооперативные пути к социалистической деревне.

Мы не ограничились одним перечнем перегибов и промахов в молочной кооперации. Мы поместили серию статей по этому вопросу в местной тульской печати. Печать вынесла вопрос о молочных артелях и союзе „Молоко“ на широкое общественное обсуждение. Проработкой его занялись губ. РКИ, губторготдел, горсовет и другие органы,

Одно за другим прошли обследования союза „Молоко“, выявившие отвратительную хозяйственную постановку дела, крайнюю запутанность финансового положения, нарушение кооперативной линии в повседневной работе и т. д.

К концу обследований подоспело годовое отчетное собрание уполномоченных союза. На собрании был сменен руководящий состав союзных органов и аппарата.

Сейчас союзом руководят новые, более дельные работники. Они добились кое-какой финансовой поддержки от кредитующих органов. Старые задержки расчетов с артелями теперь изжиты. Понемногу кооперативная линия выпрямляется. И все же положение до сих пор остается очень неустойчивым.

Дело в том, что союз захлестнут мертвой петлей старых долговых обязательств. Баланс его отягчен более чем сто-тысячным убытком за прошлые годы.

Главная работа союза по низовке сводится к инструктированию и оказанию зоотехнической и другой помощи. Ради нее он понуждается держать большой штат инструкторов и животноводов. А кроме того — управленческий аппарат, канцелярия и т. д. Все это в итоге дает до 12-13 процентов одних административно-управленческих расходов к суженному обороту союза. Сюда надо прибавить расходы на погашение процентов по долгам и на непрерывную переписку векселей. Тогда начальные 10—12 процентов вырастут в добрые 20—25.

В лучшем случае возможно дать союзу 16—17 процентов. Где же взять недостающие 7-8? Повидимому, опять и опять придется жить за счет накопления новых убытков. А с убытками не избежать новых срывов в работе и новых нарушений кооперативной линии. В этом случае союз, призванный развивать молочную кооперацию в нашей Тульской губернии, сам же новыми просрочками и кредитным нажимом на низовку станет на пути к ее развитию.

Где же выход из положения?

Надо покончить с союзом „Молоко“ как с самостоятельной организацией в Тульской губернии. Союз необходимо ликвидировать, списав с него все долги и передав руководство молочной кооперацией в губернии специальной секции тульского Кредсельсоюза.

Это единственная мера, и в ней нет решительно ничего принципиально ложного или недопустимого.

Рост продуктивного животноводства в нашей губернии — песня далекого будущего. Пока что наше животноводство и молочное хозяйство находятся на такой низкой ступени, что их не в силах обеспечить кооперативные артели и их союз достаточными оборотами.

Обороты мелки, а организационные и другие расходы чудовищно велики.

Стало быть, до поры до времени нам нечего форсировать рост самостоятельной молочно-кооперативной системы. Это удовольствие обойдется нам слишком не по карману.

Пока что молочную кооперацию следует тянуть на буксире универсальной сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Это будет и проще и дешевле.

Когда молочное хозяйство губернии расширится, когда молочные артели окрепнут, тогда (и только тогда) их можно будет выделить в самостоятельную кооперативную систему с собственным союзом во главе. А при нынешнем положении этот собственный союз, сдирающий с низовки непосильные проценты, сам тянет артели книзу, препятствуя их росту и укреплению.

Так же неотложен вопрос о списании долга. Чем раньше его спишут — тем лучше: у союза или секции развяжутся руки. Запаздывание со списыванием само повлечет за собой новый рост убытков и необеспеченных долговых обязательств союза. Тогда уже убытки и накопленные долги придется списывать в удвоенной и утроенной сумме.

Без этих мер будущее молочной кооперации в нашей Тульской губернии не сулит светлых перспектив.

В БОРЬБЕ ЗА КРЕПКУЮ КООПЕРАЦИЮ

1.

От станции Суходол до лавки суходольского потребительского общества — рукой подать: четверть версты, не больше. Перескакивая через лужи и хлопая по жидкой грязи, кое-как до нее добираемся.

Несмотря на неторговое время (примерно, около 8 часов вечера), у лавки народ. Возчики и продавцы разгружают подводы, прибывшие из Тулы.

— Вот напасть, — говорит предправления потребилочки т. Глотов. — Публика у нас задним умом крепка. Едет за 40 верст за товаром, а о том, что товар может взмокнуть, не думает. Вот порадитесь, поехали, не взяв с собой брезента, и испортили целый ящик папирос.

Мягко выражаясь, т. Глотов „преувеличивает“. Брезент возчики с собой взяли, но его нехватило на крышку трех подвод. Вместо ящика испорченными оказались всего лишь коробок 30—40 папирос. Тут же на наших глазах ящик распаковали, подсчитали подмокшие под дождем коробки и передали их на сушку.

— Потарапливайтесь, потарапливайтесь, товарищи! — хлопотал председатель около товаров. — Разгружайте скорей, а то лавку открывать пора.

— Сегодня суббота, — об'яснил он нам, — стало быть, придет к 9 часам на станцию рабочий дачный поезд из Тулы. А у нас порядок: к поезду лавку открывать. На станции слезает масса здешних отходников. Половина их всегда заглядывает в лавку, чтобы закупить разной снеди для дома. Если лавка работает — и нам и рабочим выгодно. Мы за полчаса выручаем 100—150 рублей, а рабочим незачем тащить сахар, соль и другой товар из Тулы, когда его можно купить в здешней потребилочке.

К 9 часам подводы разгрузили, и лавка открылась в ожидании суходольских отходников, вернувшихся на воскресенье из города в деревню.

Первые шаги суходольского потребобщества, как и многих других кооперативов, были очень трудны. ПО организовалось

в феврале 1923 года, и, как на грех, в состав первого правления его прошли не понимающие дела работники. Да и времена тогда были такие, что даже умелому кооператору приходилось изворачиваться и так и этак, лишь бы свести концы с концами. Суходольские правленцы нужных концов не свели. В мае 1924 года пайщики крепко поругивали правление за допущенные им промахи. По отчету о годовой работе ПО оказалось чистого дефициту 450 рублей; в кооперативной лавке нужный товар отсутствовал; преобладала заваль и разный хлам.

За годичную деятельность правленцы так запустили и запутали отчетность, что распутать ее оказалось задачей совершенно неразрешимой. На глаз приблизительно определили, что годовой торговый оборот составил 16.000 рублей. Цифра эта оказалась убогой, в сравнении с теми возможностями, которые учитывались при организации общества. Расположенное у станции, на перекрестке дорог в окружные деревни, ПО смело могло рассчитывать на более высокий оборот. Спрос на товары стоял значительный, но удовлетворял его не кооператив, а частные торгаши, засевшие со своими лавченками бок-о-бок с кооперативной лавкой.

Тогдашний алексинский уком верно рассчитал возможности суходольского потребобщества, направив на укрепление кооператива хорошего, уже зарекомендовавшего себя работника тов. Глотова.

Партиец с 1920 года, местный крестьянин и бывший председатель пановского волисполкома, Глов, приступив к работе председателя ПО, начал изыскивать пути к под'ему торговой работы кооператива. Все напасти в ПО вытекали из маленьких оборотов и бестоварья. Новый пред пустился, как говорится, во все „тяжкие“, чтобы раздобыть ходовой товар для лавки. Ради этой цели на первое время ему приходилось браться за самые рискованные операции. Примерно, в райсоюзе покупалось огромное количество неходовых товаров. Часть их тут же продавалась с явным убытком для ПО, а потом уже на вырученные деньги, за наличные лавка приобретала тот товар, который нужен был здешнему крестьянину. Кооператив бился целый год. Когда дело подошло к отчету, выяснилось, что была взята самая верная линия. Оборот с мая по октябрь 1924 года составил 33.000 руб. против 16.000 руб. за время с февраля 1923 по май 1924 года.

Частники сразу почувствовали хозяйственную руку новых кооператоров. К началу 1925 г. главный из них — старый местный воротила Кавыкин — бросил торговлю.

— День, когда Кавыкин заколачивал свою лавку, был для нас подлинным праздником, — рассказывает т. Глов. — Это явилось первым свидетельством того, что мы умеем торговать. У кооператоров были и другие серьезные поводы к праздни-

ному настроению: к 1 октября 1924 г. кооператив получил 3.370 рублей чистой прибыли. Из полосы убытков потребобщество явно выходило. Новый 1924/25 хозяйственный год оно встречало на под'еме.

До февраля 1925 года суходольцы, кроме своей центральной лавки, имели еще отделение в Преснецове. Когда-то до революции тут имелось самостоятельное потребобщество. Преснецовцы сетовали, что им приходится теперь быть в некоторой зависимости от Суходола. В ответ на эти сетования пайщики суходольского ПО порешили выделить отделение в Преснецове в независимую организацию. Несмотря на то, что при выделении к Преснецову отошло 1.400 руб., суходольский кооператив явно выиграл от этой реорганизации.

Весной он построил лавку в деревне Клешня, вложив в это дело 1.100 руб., а летом открыл в лавке свое отделение.

Работа ПО расширялась, и в 1924/25 г. его оборот достиг 89.000 рублей. Новый 1925/26 хозяйственный год дал очередное удвоение оборотов — до 176.000 рублей. Суходольский кооператив стал подлинным монополистом на местном рынке. В районе двадцати деревень, которые обслуживаются ПО, теперь нет ни одной частной лавки. Внимание суходольских кооператоров попрежнему поглощено вопросами подбора товаров и возможно более широкого обслуживания потребительских нужд района. Весной 1927 года они отстроили второе отделение в дер. Яшевка, затратив на постройку 800 руб. За 8 месяцев минувшего года обороты по главной лавке и отделениям выросли до 136.000 руб; за год они, повидимому, поднимутся до полных 200.000 рублей.

От 16 до 200.000 руб. — вот путь, пройденный суходольским ПО за четыре года работы. Тем и интересно это потребобщество, что оно ни на один день не прекращало своего движения вперед. Бывали легкие срывы в работе кооператива, в роде незначительных растрат и кражи на 900 руб., но они не остановили непрерывного роста кооперации.

В летний праздничный день мы заглянули в суходольскую лавку. Когда то тут господствовал захребетник Кавыкин, обдирая мужиков на помоле зерна, на постое лошадей в своем постоялом дворе, на торговле в кредит и втридорога. Теперь в лавке расположилось ПО.

Торговое помещение кооператива тесно, темновато и на половину не застлано деревянным полом. Суходольские кооператоры уже решили, что дальше им нельзя торговать в „кавыкинской обстановке“. Они коренным порядком переоборудывают помещение, затрачивая на это свыше 1.000 рублей.

Лавка до-отказу наполнена покупателями. Детвора, женщины-крестьянки и крестьяне в праздничных пиджаках в три ряда сгрудились у стойки. Продавцы вертятся у полка и весов под

потоком непрерывных покупателей. Чего-чего здесь не спрашивают.

— Ну-ка, покажь, молодец, ситчик, вот тот — повеселее, — требует плотная, рослая крестьянка, лет 35—40.

— Товарищ, дай пожалуйста фуражечку, да какая полегче, к лету, — спрашивает рядом молодой парень.

Тут же покупают — кто муку, крупу, сахар, соль, кто леденцы, кто кастрюлю.

Почти все мужчины пришли за табаком и за водкой.

Лавка кооператива выглядит подлинным деревенским „Мюр и Мерелизом“. Здесь, кажется, представлены все товары, нужные в повседневном обиходе крестьянской семьи. Бакалея, мануфактура, обувь, стеклянная и чугунная посуда, продуктовые товары, бочки с керосином, маслом, с дегтем — все это сгрудилось, тесно прижалось друг к другу, и заполнило все помещение.

У дверей лавки мы пробуем заговорить с покупателем крестьянином о кооперативе.

— Чего жаловаться, работает хорошо, — говорит он про ПО. — Я вот в городе занимаюсь, а приезжаю к себе в деревню и все покупаю в потребиловке. Товар тут хороший, а цены не выше городских.

— Так рассуди, товарищ, — перебивает крестьянка, — кабы кооператив торговал плохо, так Кавыкин бы закрылся? Он, чай, тоже с умом!

— Закроешься, если у Кавыкина пусто: ни товаров, ни покупателей, а в кооперативе густо, — замечает молодой парень, по видимости, тоже рабочий-отходник.

К нам стягивается целая группа. Чтобы не мешать торговле, мы выходим на улицу и здесь продолжаем разговор. Кто-то упоминает о ценах.

— Цены не от кооператива, — уверенно заявляет стационарный рабочий. — Что можно, кооператив сделал по снижению. Мануфактура, сахар, табак, посуда — все маленько подешевело. Дальше кооператив снижать не может: нельзя работать в убыток.

— Убыток — убытком, а почему прежде торговали дешево и имели прибыль?

— Да ведь то прежде, — отвечает молодой парень. — Прежде ни войны, ни разрухи не было. Когда обгоним прежнее, тогда и цены будут ниже. Правильно я говорю, товарищи? — обращается он к нам.

2.

Рост оборотов открыл суходольскому кооперативу широчайшие возможности накоплений собственных кооперативных средств. Возможности делались все реальнее по мере того, как правление ПО жестко сжимало торгово-организационные расходы.

Задолго до того, как широко развернулась кампания по режиму экономии, тут уже научились экономить каждую копейку. Торговые расходы потребительства с 10,6% к обороту в 1924/25 г. упали в 1925/26 г. до 6,9% — рекордная цифра для всех потребкооперативов Тульской губернии. Месячный оборот на одного работника непрерывно, из года в год, повышался. В 1924 г. он равнялся 1.340 руб., в 1924/25 г. — 1.482 руб., в 1925/26 г. — 2.133 руб. и в нынешнем году — 2.547 рублям. Трудно представить себе более высокую нагрузку для сельского кооператива, обслуживающего исключительно „копеечных“ покупателей. Торговый аппарат ПО работает, не покладая рук, еле успевая справляться с делами. Обороты кооператива увеличиваются, работа возрастает, а штат остается почти в неизменном положении. С 8 работников в 1924 г. он поднялся всего до 12 (в том числе и правленцы, и сторожа, и уборщица).

Жесткая экономия средств не обеспечила потреббществу сравнительно высокой нормы прибыли. В 1924/25 г. прибыль составила 3.377 руб., в 1925/26 г. — 6.335 рублей. За четыре года торговой работы общая прибыль выразилась в 15.000 рублей. Сейчас финансовое положение общества устойчиво. На три четверти оно ведет работу на собственные средства, пользуясь кредитом в очень ограниченных размерах.

Из накопленной прибыли доля средств (до 4.000 руб.) пущена в основной капитал на постройку отделений-лавок, амбара и на ремонт главной лавки. Остальные пущены в оборотный капитал, на культработу, в дивиденд и в фонд кооперирования бедноты.

С 1925 г. общество практикует выдачу премий (дивиденда) на товарный забор членов. В первый год мера эта была встречена сдержанно, члены не считали нужным учитывать свой забор и брать дивидендные марки. Зато, когда премию выдали (5 коп. на забранный рубль), ценность марок сразу повысилась в глазах членов. В следующем 1925/26 г. выдача премий поглотила уже не 207, а 620 руб., несмотря на то, что в этот раз выдавали не 5, а 3 копейки на забранный рубль.

Премии и первоочередной отпуск недостаточных товаров кооперированному населению сделали свое дело. Под влиянием этих мер и успешной работы ПО состав его все время повышается. В 1924 г. кооператив имел 236 членов, а в июле 1927 г. — 490 пайщиков. Общество кооперировало в настоящее время 53 процента хозяйств обслуживаемого им района. Важный момент: параллельно с успехами кооперирования успешно проходил и сбор паевых взносов. На 1 июля 1927 г. их числилось на балансе ПО 1.975 руб., или в среднем по 4 руб. 3 коп. на пайщика. Как видно, суходольцы крепко связаны со своим кооперативом, материально участвуя в его работе. До полного пая им

осталось довести всего по 95—97 копеек. Правленцы уверены, что в ближайшее полугодие пай будет собран полностью.

Материально заинтересованные в работе кооператива, пайщики принимают в ней самое активное и непосредственное участие. За три года не было случая, чтобы назначенное общее собрание членов не состоялось за отсутствием кворума (предусмотренного уставом количества членов). Просматривая протоколы общих собраний суходольцев, убеждаешься, что они по-хозяйски подходят к рассмотрению кооперативных вопросов. В выступлениях и резолюциях по отчетам правления главное внимание уделялось правильной заготовке товаров, снижению расходов, развертыванию торговли. Все серьезные мероприятия правленцев предварительно обсуждались и утверждались на собраниях пайщиков. Собрания созывались в Суходоле по мере надобности. Но не реже чем через каждые 3—4 месяца. Кроме общих собраний, правление в целях ознакомления со своей работой пайщиков от отдаленных деревень, созывало специальные кустовые собрания по этим деревням. Правда, такие собрания еще слабо прививаются в суходольском ПО вследствие перегрузки правленцев и недостатка времени на выезды и подготовительную работу по созыву пайщиков.

Со середины 1926 г. правленцы в поисках путей к теснейшей смычке с членской массой организовали по отделениям лавочные комиссии и стали практиковать расширенные заседания правления, привлекая на них местный крестьянский актив. Лавкомы до сих пор мало в чем проявляют свое влияние на ход работы отделений. Может быть, здесь сказывается их отрыв от коопцентра, затрудняющий правильное руководство комиссиями. Зато вторая мера — расширенные заседания руководящего органа — оправдала себя полностью. На заседаниях собираются теперь по 20—25 человек, среди которых преобладают крестьяне ближайших деревень — середняки и бедняки. Более активно на собраниях выступают середняки, в роде Суслина Семена (хозяйство: две коровы и лошадь), Крюкова Григория (тоже), Плетнева (лошадь и корова). С некоторыми из них мы разговаривали о порядках в потребилровке.

— Порядки налаживаются, — указал Крюков. — Главное дело, надо самим смотреть в оба. Правление занято там векселями, счетами, глядишь, оно что-нибудь и недосмотрит. Где проморгает правление, там мы должны доглядывать. Вы раз узнаете у правленцев, как мы проводили режим экономии.

В самом деле, кампания по режиму экономии в Суходоле была проведена исключительно силами активистов. На собраниях выступали с рядом разнообразных практических предложений. Активисты составили даже особую „режимную комиссию“, которая обследовала все уголки кооперативного

хозяйства, наметив, где и что можно экономить. В итоге обследований комиссией правление сократило убыточные чайную и пекарню, сжало на две единицы аппарат, сняло телефон, обложило квартирной платой сотрудников кооператива, проживавших в доме ПО, и т. д. В общей сумме это дает свыше 1.000 руб. годовой экономии. Активисты в самом деле „доглядели“ то, что было упущено правленцами.

И кампания по снижению цен всколыхнула членскую массу, приковав внимание пайщиков к вопросам кооперативной работы. Суходольское ПО несколько запоздало со снижением. Первая директива правительства (августовская директива СТО) слабо отозвалась на деятельности кооператива. Зато вторая — февральская директива 1927 г. — сразу заставила подтянуться и самих кооператоров и местных партийцев. С марта по июнь вопросы снижения стали действительно центральными вопросами работы. Силами кооператоров и партийки по деревням и на общих собраниях пайщиков было проведено девять докладов о снижении цен. Практические мероприятия по снижению разрабатывались на расширенных заседаниях правления с участием крестьянского актива. Здесь проверялась старая расценка товаров, исчислялись расходы, падающие на единицу товара, и делались наметки, в какой степени можно осуществить снижение цен.

Работа эта была тем сложнее, что и раньше суходольское ПО торговало по очень умеренным ценам. Так, накидки на себестоимость товара (покупная цена — цена счета плюс расходы по доставке в центральную лавку в ПО) у него составляли в 1924 г. — 21%, в 1924/25 г. — 15,4%, в 1925/26 г. — 12,9% и за первые месяцы 1926/27 г. они выразились в 11%. С конца 1925 г. ПО неуклонно понижает процент накидок. Как ни трудна оказалась задача дальнейшего снижения цен, суходольские кооператоры ее все же выполнили. На своих собраниях пайщики давали правленцам вполне точную директиву: цены снизить полностью, а убытков не допускать. Это понудило правленцев еще раз по-серьезному подойти к подчистке кооперативных расходов. Правда, как их ни подчищали, а в период наибольшего снижения цен ПО не избежало убытков от своей торговой работы. В марте 1927 г. убытки выразились в сумме 698 руб., в апреле — 341 руб. и в мае — 94 рубля. С июня кооператив выходит из временной полосы убыточности. Примерно к тому же времени он целиком выполняет и февральское постановление СТО о десятипроцентном снижении цен.

Пайщики суходольского ПО правы, когда они заявляют, что их кооператив сделал все возможное в части снижения цен. Теперь перед ним стоят задачи — добиться дальнейшего сокращения расходов и до мелочей улучшить свою работу, чтобы обеспечить себе накопление нормального процента прибыли.

Кроме суходольского ПО в Алексинском районе существуют еще четыре потребобщества. По подсчетам межкооперативного районного бюро, они покрывают львиную долю всех торговых оборотов в районе.

По годам обороты разных видов торговли были

	1924/25	1925/26	1926/27 (предпо- ложено по плану)
Госторговля	184.194	129.689	150.000
Коопторговля	1.219.145	1.405.955	1.700.000
Частные торговцы	222.000	247.000	240.000
Итого:	1.625.339	1.782.044	2.090.000

Уже в позапрошлом году алексинская кооперация поглотила 70% рыночного оборота в районе. В 1925/26 г. она еще сильнее расширилась на рынке, отвоевав себе 80% оборотов. В 1927 г. наметилось дальнейшее продвижение вперед. За вычетом всяких „внешних оборотов“ с посторонними покупателями алексинские потребобщества в прошлом году продали на каждый крестьянский двор разных товаров примерно на 220—230 рублей. Это значит, что они реализовали до 70% покупательной способности среднего крестьянского двора. В сельских местностях Алексинского района не осталось частно-торговых предприятий. Частник целиком весь сбился в город (в Алексине насчитывается 55 торговых). В настоящее время он пользуется заминками с разными товарами, теми или иными промахами кооперации (в роде недоучета потребительских нужд, невнимательного отношения продавцов к покупателям и пр.). Но совершенно очевидно: деньки частника на закате. Не сегодня — завтра он прикроет в Алексине одну за другой все свои 55 лавченков.

В городе торговцам невтерпёж становится от конкуренции с здешним монополистом — алексинским потребобществом. Три года назад алексинское ПО плелось в хвосте местных прасолов. Годовые обороты его выражались цифрой в 20—30 т. руб. В 1925 г. за кооператив, однако, взялись. Перво-наперво его реорганизовали по типу смешанного (городского-сельского) ПО, обязав кооператоров держать по преимуществу курс на обслуживание нужд не городского мещанина, а крестьянина из прилегающей к городу округи.

В ПО потекли паевые взносы, деревни как-то сразу почувствовали зародившуюся связь между ними и кооперативом. Потребобщество пошло в гору. Сейчас оно заполонило весь городишко своими вывесками. ПО имеет шесть лавок-отделений. Обороты его за прошлый год составили 420 тысяч, а за нынешние, повидимому, перевалят за полмиллиона.

Понятно, что расширение алексинского ПО не на шутку пугает соседних частных торговцев. Да как и не пугаться, если в перспективе кооперативного наступления они видят призрак своей близкой кончины.

СОВЕТСКИЙ АППАРАТ НА СЕЛЕ

1.

За селом Большое Шелепино, на пригорке, со всех сторон окруженном лозняком, беспорядочно сгруппировались постройки бывшей барской усадьбы Кисловской. В стороне от усадьбы чернеет старый покосившийся флигель с полуразломанным крыльцом, над входом вывеска — „Шелепинский райсельсовет“.

В солнечно-яркий июньский полдень в комнате сельсовета полутемь и сырость. Комната пуста. Только у окон прикурнули к столу две темные фигуры: председатель совета и секретарь.

Председатель вскидывает голову в нашу сторону, оставляет работу и идет к нам навстречу.

— Видите, какая у нас тишь да гладь, — говорит он, протягивая руку. — Деревня на покосе, а мы заняты внутренними делами: приводим в порядок канцелярию.

Андрей Максимович Алешкин „ходит в сельских комиссарах“ с 1920 года; вот уже шесть раз он единогласно избирается председателем шелепинского сельсовета.

Внешний вид Андрея Максимовича неказист. Низкого роста, щуплый, с впалой грудью и явными признаками горба за плечами. Он при разговоре задирает голову вверх, топорщится и все время наседает на собеседника. Голос у Алешкина высокий и несколько придушенный.

— Запищал комар, — заявил один из крестьян на сходе в Свиридове при выступлении председателя совета.

— А ты не мешай, Максимыч попищит, а мы послушаем, — возразили другие.

И действительно, Алешкина слушали на редкость внимательно. Речь шла о клочке земли, который свиридовцы хотели при землеустройстве оттяпать от госфонда. Наскакивая на мужиков, „сельский комиссар“ широким жестом рисовал в воздухе план свиридовских угодий.

— Хапать нечего! — выкрикивал он: — Клочки за рвом, у дубняка, должны отойти не вам, а соседним деревням. У вас и так по двадцати соток на едока*), а у сурневцев меньше десятины, в Большом Шелепине то же.

*) Это значит — десятина и двадцать сотых.

— Да ты, Максимыч, учти, — возражали преду, — Ключки вклиниваются в нашу землю. Как тут землемер ни думай, а округлять нас придется.

— На што лучше, — добавляли другие, — кабы округлили — и нам способней было бы и соседям хорошо.

Сход кончил тем, что целиком весь направился на спорный участок для проверки существующих границ. По дороге Алешкина оцепили со всех сторон, пробуя убедить его в основательности свиридовских доводов. Пред слушал внимательно, но не сдавался.

— Вот всегда этак... — указали нам на преда. — Хоть говори — хоть не говори: чисто к стене горох.

— Да разговоры-то у нас больше для видимости. — разъяснил сосед-старик. — Ему што? — Он советский, ну и, знай, защищает совет. А нам о своих нуждах надо думать.

— Верно говоришь, дядя Федор, — загудели остальные.

2.

В оценке своего преда свиридовцы явно переборщили. Свиридово — типичная старая, крепкая деревня. Местные крестьяне живут исключительно от сельского хозяйства; землей по здешним условиям они обеспечены хорошо; качество земли в деревне значительно выше, чем во всем округе.

Свиридово живет замкнутой жизнью в стороне от соседних обществ. Вывариваясь в собственном соку, оно недоверчиво смотрит на попытки власти разворошить его косность, влить в его быт новую освежающую струю.

Где косность, замкнутость — там, конечно, и социальная раздробленность. В деревне на 22 двора насчитывается 5 безлошадных и 9 бескоровных хозяйств.

За последние три-четыре года безлошадность не уменьшается. Свиридовцы столь разобщены в собственном хозяйстве, что до сих пор они не могут выработать мер против конокрадства. Каждый год, в самую страдную пору, у них выкрадывают по 3—4 лошади. Таким путем безлошадность даже возрастает под влиянием почти случайных причин.

Жутковато попасть в положение свиридовского бедняка-безлошадника. Помощи от соседей, от общества здесь не жди.

На сходе, где мы были, в стороне от группы крестьян, нянчился с ребенком молодой, забитого вида парень. Он бедняк. Как на грех, в прошлом году у парня пала лошадь, а в нынешнем году вторую, купленную на ссуду через кредитное товарищество, свели.

Парень выступил с жалобой на свою безвыходную нужду. Пока он говорил, крестьяне угрюмо молчали. Потом нехотя один за другим бросил:

— А ты бы пришел да попросил о помощи. Что же, к тебе самому что ли кланяться?

— Известно: дите не плачет, мать не разумеет.

Парень не выдержал жестких свиридовских возражений.

— А как кланяться? Я ходил, просил помочь в сенокос лошадь; у всех работа, все заняты. Обошел пять дворов, а дальше сил нехватило. Что мне теперь делать, какой я хозяин? И лошади нет, и долги платить надо... — выкрикивал бедняк сходу.

Свиридовцы упорно молчали.

Настроениями их руководит местный богатей Антон Филимонов. На семью в 12 человек он имеет 4 лошади, 3 коровы, большой набор инвентаря. Два года под ряд Филимонов арендовал по 20—25 десятин земли у госфонда. Сейчас госфондовская земля распределена по деревням, поэтому „дядя Антон“ ограничился в нынешнем году всего 5 десятинами у бедняков-однодеревенцев.

Совершенно понятно, откуда вытекает недовольство свиридовцев своим предсельсоветом, и почему они противопоставляют интересы своей деревни советским интересам. Есть ли какое-либо основание к такому противопоставлению?

3.

По собственному признанию свиридовцев, после революции они зажили крепче, главное — земли прибавилось. Отношения к власти изменились в лучшую сторону: прежде перед урядником трепетали, а теперь поругивают в глаза даже районных властей. О связи их с советом, а особо с председателем Алешкиным можно судить по следующим фактам.

Алешкин долго изыскивал пути к насаждению грамотности в среде свиридовских крестьян. Наконец, он надумал в прошлую зиму открыть в Свиридове ликпункт. Надумав, Максимыч заехал посоветоваться с самими свиридовцами.

— Не надо нам никаких ликпунктов, — отрезали они председателю.

— Знаем мы вашу грамоту. „Пунк-пунк“, а глядишь, опять с нашего брата налоги.

Максимыч не растерялся. Подготовив все, что требовалось для организации пункта, он опять заглянул в Свиридово.

— Ну как же, учиться будем? — обратился пред с повторным вопросом к крестьянам.

— Да отвяжись, Алешкин. Чего, право, привязался со своей учебой?

— Как хотите — я о вас стараюсь. Грамотному теперь будет способнее — многозначительно подчеркнул пред. — Сами потом пожалеете. Али ты, например, не хочешь учиться в пункте? — вдруг спросил он парня в первом ряду.

— Я хочу, — отрезал парень, — да ведь один учиться не будешь...

— А ты, ты? — зачастил Алешкин от одного к другому. Оказалось, что в отдельности каждый тянется на учебу. После „тыканий“ настроение изменилось, и сход тут же решил помочь делу организации пункта.

Свиридовцам не пришлось раскаиваться. Пункт проработал у них всю зиму, обучив грамоте 33 человека, в том числе человек 16 ребят-переростков.

Нынешним летом в Свиридове задолго до начала учебы начали поговаривать о ликпункте.

— Ты там о пункте-то не забудь, — напоминали при нас Алешкину.

Нечто похожее на историю с ликнеграмотностью произошло в Свиридове при организации кресткома.

Тот же Максимыч раза четыре заводил речь о взаимопомощи среди крестьянства. Свиридовцы, по обычаю, отказывались войти в крестком.

Тогда Алешкин заявил сходу:

— Стало-быть, вы желаете итти позади всех? В Шелепине вошли в комитет, в Епишкове Петр Ченцов получил от комитета помощь зерном. А вам, вроде как, ничего не нужно.

Это подействовало, да так, что решение о кресткоме сходом принято было единогласно.

4.

Среди деревень шелепинского сельсовета Свиридово — самая темная и косная деревня. Вот почему Алешкину особо трудно приходится в свиридовских условиях. В других деревнях он значительно проще проводит намеченные мероприятия.

В Сурневе мы присутствовали на сходе, который обсуждал вопрос о самообложении крестьян на нужды школы. С докладом по вопросу выступал Максимыч. Доложив о положении школьных дел, он закончил обращением к сурневцам:

— Надо помочь нашему училищу. Надо, чтобы детвора могла прямо с осени принятаться за грамоту.

Максимыч обвел глазами сход и спросил:

— Понятно, товарищи?

— Понятно, — ответил ему высокий, одетый по-городски крестьянин. — Дай-ка я скажу пару слов сходу.

— Вот что, товарищи, — обратился он к сурневцам, — вы, значит, говорите о грамоте, о том, чтобы ваши ребята научились писать и читать. Этого мало. В Москве мне пришлось слышать, как по-настоящему должна работать школа. Надо насадить ботаник, развести пчел, учить ребят настоящему культурному хозяйству...

Дальше горожанин осекся, видно вспоминая, какие требования еще следует предъявить к сельской школе.

— Да ты говори дело. Какой-такой ботаник еще выдумал? — закричали на него со схода.

— Я и говорю о деле, — замялся городской. — О ботанике, о пчелах говорили в Москве. Я что слышал на лекции т. Смидович, то и передаю.

— Передавать-то надо с умом, — иронически возразили из толпы.

— Верно, товарищи, надо с „умом“, — загорячился Алешкин. — Ботаник?... пчелы?... — вопрошал он собравшихся, — вишь, краснобайствует. А стекла в окошках у школы есть? А дырья законопачены? А дрова на зиму подвезут? Ты об этом подумай, — накинулся пред уже на городского.

— Тоже приехал, хлюст, — учить нас будет, — заволновались на сходе.

— Отчитай, отчитай его, Алешкин.

— Товарищам в Москве хорошо разговаривать, — продолжал Максимыч. — Пусть тов. Смидович приедет в нашу деревню и пусть насажает разные ботаники, а мы поучимся. Пока же давайте поговорим о деле.

— Чего разговаривать...

— Так все ясно. Давай резолюцию!

Резолюция готова. Пока шел спор, пока Алешкин отчитывал горожанина, молодежь уже строчила постановление о сборе четвертаков на помощь школе. Постановление прошло без единой поправки.

5.

Максимыч — большой реалист и практик. Не увлекаясь широкими планами, не разбрасываясь по мелочам, он неуклонно идет по деревням советскую линию. Шелепинский сельсовет в районе считается одним из самых крепких и исполнительных.

Это дело рук Алешкина. Перематываясь из деревни в деревню, он повсюду организует, убеждает крестьян, помогает им в решении их нужд, дает юридические и сельскохозяйственные советы и т. п.

Кажется, нет вопроса, по которому Максимыч не мог бы дать точный, исчерпывающий ответ деревне. Его осведомленность в части разного рода законов, инструкций, положений буквально изумительная. Многое тут, понятно, объясняется непрерывной, почти семилетней работой на одном участке — в сельсовете. Сельсовет — такое место, где в конечном итоге перекрещиваются запросы и требования положительно всех ведомств. Вот почему Алешкин, как примерный председельсовета, обязан одинаково хорошо знать и законы о налоге, и положение о государственном страховании, и правила о деревенской санитарии, и многое-многое другое.

Максимыч не только организатор. Сплошь да рядом он выступает, как рядовой исполнитель. Летом он сам меряет, кроит и делит землю между обществами, весной сам составляет растворы для промывки зерна формалином и сам на показ деревне промывает зерно.

Не было случая, чтобы Алешкин допустил ошибку в такого рода работе.

За время своей общественной работы он из шести деревень района две деревни перевел на широкополосицу и в две продвинул многополье и клевер. Сейчас идут бои и подготовительная работа за переход на многопольный севооборот в деревне Епишковой. Председатель уверен в победе.

Больное место в деятельности Алешкина, это — мосты, дороги и актив. С дорогами дела в сельсовете явно плохи. Население вязнет в непролазной грязи весной и осенью, коверкая снасть, но на большие затраты труда и средств на починку дорог не идет.

С активом тоже неважно. В сельсовете значатся организованными 4 комиссии, есть пленум и пр., но все это, по существу говоря, числится лишь на бумаге. Комиссии, кроме налоговой и отчасти земельной, совершенно не работают.

— Пробовал я их собрать, — ворчит Максимыч, — да ничего из этого не вышло.

Оказывается, члены комиссий заявили своему председателю, что, во-первых, они не могут работать бесплатно и, во-вторых, им, мол, по существу, и делать нечего. Культурники (из культпросветкомиссии) указывали, что не будут же они каждую неделю или месяц организовывать новые школы, избы-читальни и т. д. А разговаривать о работе существующих учреждений, дескать, нечего. Работают себе — и ладно.

В комиссии по благоустройству делались примерно такие же возражения. Кроме того, раздавались и такие голоса:

— Попробуй, заставь Свиридово починить мост али поправить дорогу. Чорта с два — заставишь!..

После первых двух заседаний комиссии эти в последующее время уже не собирались.

Лучше работала налоговая комиссия, рассматривавшая данные учета объектов обложения по деревням и производившая разбор заявлений о налоговых льготах. Тут речь шла о вполне конкретных задачах, в разрешении которых были существенно заинтересованы члены комиссии, как представители сельских обществ. Поэтому они сделали все зависящее от них, чтобы по-хорошему выполнить свои обязанности.

Со стороны действительно может показаться, что Алешкин работает как бы один, не имея оформившегося и постоянно действующего актива. На самом деле это не так. Каждое серьезное практическое мероприятие по отдельным деревням он проводит не иначе, как сгруппировав около такого мероприятия группу деревенских передовиков. Через них был осуществлен переход на многополье и широкополосицу четырех деревень, через них проводится каждая мало-мальски серьезная кампания.

Алешкин — и председатель райселькредкома.

В середине 1925 г. он обошел все общества, агитируя за вхождение в крестком. Условием для вхождения был определен взнос с каждого двора по 3 фунта ржи. Намечалось собрать 20 пудов ржи, а собрали всего пудов 8. С такого основного капитала и приходилось разворачивать работу только-что возникшей организации.

Максимыч не унывал. Хорошенько „покумекав“, он распустил, что дело в кресткоме надо строить по-хозяйственному. Тогда только можно добиться от него положительных результатов.

Для начала крестком заарендовал у райисполкома сад в 30 десятин.

Алешкин поговорил в деревне со всеми хозяйственными крестьянами, и вместе они наметили наладить через крестком подрядную работу в лесничестве и в алексинском ПО по подвозу леса и товаров. Намечено — сделано.

Алешкин обошел всех ответственных работников района, спрашивая себе помощь в новом деле. К зиме новый райкрестком уже заключил договор с лесничеством и потребобществом на подвоз товаров к лесозаготовке. С декабря работа пошла.

Президиум комитета выдавал одной деревне за другой в порядке очереди наряды на подводы. В деревнях распределение нарядов шло через уполномоченных кресткома, которым был дан наказ заработками обеспечить в первую очередь бедняков; безлошадников комитет направлял на резку леса. За зиму крестком подработал на подвозке леса и товаров 4.600 рублей, а на лесоразработках — 1.800 рублей. Дворы бедняков и середняков, привлеченные к работе, получили заработок по 50—60 рублей. Одним этим крестком оказал самую существенную материальную помощь крестьянам. Авторитет его в деревне возрос.

Кроме того, комиссиями отчислениями от прошедших через его руки сумм крестком пополнил свою кассу сразу на 380 рублей. С этой суммой можно было вести чисто кресткомовскую работу. Минувшей весной комитет роздал ссуду 45 беднякам, за которыми числится теперь 450 рублей деньгами и 130 пудов овса — семенной ссуды. Ссуды выданы: двум на покупку лошадей, шести — на покупку коров, пятнадцати — на приобретение плужков и остальным — на обсеменение ярового клена.

Сейчас кресткомовцы деятельно готовятся к дальнейшей работе; надо собрать часть ссуженных средств; надо подготовить и заключить подрядные договоры с тем, чтобы снова повторить удавшийся опыт с подрядами.

Максимыч с утра до ночи на ногах. Он то инструктирует сельских уполномоченных кресткома, то сам стягивает подводы и рабочих, то спешит в город или лесничество для переговоров с работодателями.

О бухгалтерии, о точных книжных записях он словно и не знает. Все делается или по памяти, или по рваным клочкам бумаги. А в итоге — ни одного случая обсчета крестьян, полное доверие деревни к Максимычу и точные цифровые отчеты к концу года. Спросите Алешкина: сколько денег выдал он в последний раз уполномоченному деревни Елишковой, сколько причитается за работу епишковским крестьянам, сколько следует доплатить? Не задумываясь, на память он засыплет вас цифрами, потом заглянет в свои клочки и наверняка скажет:

— Правильно. У меня голова крепко цифру любит.

Максимыч, кажется, ко всему подходит с точки зрения величины и меры. Статистика сельского хозяйства у него поставлена наилучшим образом, кроме того, при всех разговорах в деревне он часто убеждает крестьян языком чисел.

Он высчитал, например, сколько какой двор тратит на празднование „Николы“, „рождества“, „успенья“ и других праздников. И убеждая крестьян поторопиться с налогом, Алешкин обычно наседает:

— Налог платить нечем? А праздновать есть на что? На попойки в „Николу“ деньги есть? Меня, брат, не проведешь. Я хорошо знаю, сколько в прошлый раз вся ваша деревня ухлопала на горькую.

7.

Свиридовцы совершенно бесосновательно пробуют противопоставить свои интересы советским интересам. Первый советский человек на селе — Андрей Максимович Алешкин — всей своей работой показывает, что интересы рабоче-крестьянской власти слиты в одно с мужицкими запросами и нуждами. Он во-всю гнет советскую линию в деревне. Но одновременно эта линия оказывается самой выгодной и нужной для местных крестьян, конечно; не для кулаков, а для бедняков и середняков.

Вот почему деревня, временами подшучивая над Максимычем, считает его самым дельным человеком-хлопотуном в округе. Вот почему шесть лет под ряд она выбирает его в председатели сельсовета.

В прошлые перевыборы Алешкин прошел в райисполком и теперь избран членом президиума рика.

8.

Другие сельсоветы Алексинского района во всех отношениях отстают от Шелепинского. У большинства работа сводится к выполнению повседневно-канцелярских обязанностей (выдача удостоверений, регистрация актов гражданского

состояния) и к производству таких операций, как сбор сельскохозяйственного налога, подворная перепись.

Достаточно побывать на отчете любого предсельсовета чтобы понять, как мало представляют себе низовые работники аппарата свои обязанности, свою подлинную роль. В отчетах фигурируют куры, гуси, телеги, сани, иногда сообщается о количестве заседаний и рассмотренных вопросов. А главного нет. За сухой статистикой не видно, как проходила советская работа, какие реальные плоды она дала деревне. Сплошь и рядом наблюдается неподготовленность работников низового аппарата к выполнению тех огромных задач, которые возлагаются на него нашими законами.

Возьмем к примеру общества суходольского райсельсовета. Здесь жизнь бьет ключом: в деревнях формируется новая крестьянская общественность; идет перестройка сельского хозяйства на новый лад. Но все это проходит как-то через голову сельсовета: он остается в стороне.

— А чего нам сельсовет? — спрашивали у нас в Нижнем Суходоле. — Кредит добыть — мы и сами добудем; на многополье перейдем (и перешли) собственными силами; сами поможем школе, избе-читальне, яслям.

Суходольский сельский совет поставлен в нелепое положение. В свое время он не успел создать стык с активистами. А теперь активисты смыкаются не с ним, а с районным аппаратом (агроном, животновод и другие) и самостоятельно проводят любое из культурно-хозяйственных мероприятий. В итоге — интерес к советской работе у населения замирает.

Те же суходольцы зорко следят за деятельностью местных кооперативов; около кооперативных организаций идет борьба различных групп и сталкиваются интересы противоположных социальных группировок. Кооперативы живут напряженной жизнью. Рядом же, в суходольском сельсовете, от скуки впору ловить мух. В совет заходят, чтобы получить удостоверение, нужную справку, предъявить квитанцию о взносе сельхозналога — и только.

На деятельность сельсоветов большое и отрицательное влияние оказывает до сих пор слабая материальная обеспеченность сельсоветчиков. Алешкин может работать, не покладая рук, так как вся семья Максимыча состоит из двух человек (он и жена) и, кроме того, наряду с советским жалованьем он получает еще 10—15 рублей от кресткома. У других положение гораздо хуже. Они вынуждены работать за 18 руб. (ставка председателя сельсовета), т. е. за такую сумму, которая не может обеспечить самый пониженный прожиточный минимум в Алексинском районе.

Из-за плохой оплаты в прошлую перевыборную кампанию в районе зарегистрировано три случая отказа избранных лиц от работы предсельсовета.

Мы уже напоминали об отрыве сельсоветов нашего района от непосредственной работы в сельских обществах. Наиболее яркое выражение этот отрыв находит во взаимоотношениях сходов и сельсоветов. Как правило, сходы не считают нужным оповещать сельсовет. Часто на сходе принимается незаконное решение и немедленно проводится в жизнь.

К примеру, укажем два случая из бесконечной лесохозяйственной эпопеи.

В деревне Сотино сход постановил свести участок леса местного значения на площади в $2\frac{1}{2}$ десятины. На сходе горлопаны шумели: — Лес наш, что хотим, то с ним и делаем.

На следующий день общество вооружилось пилами и топорами и за один, можно сказать, присест срубило свыше 100 спелых сосен диаметром на высоте груди 4—7 вершков. Лес у сотинцев растаял, конечно, через неделю.

После они прослышали, что милиция и сельсовет собираются привлечь их к ответственности за незаконную порубку леса. Чтобы выйти из затруднительного положения, сотинское общество вторично созвало сход. И на сходе решили: симулировать пожар на сведенном участке. Для этого натащили в лес разного мелкого сухостоя, наложили на свеженькие пеньки соломы, листьев — и подожгли все это. Прodelка сотинцев не осталась тайной. Только и здесь решающую роль в раскрытии всех проделок сыграл не сельсовет, расположенный в сотинском же обществе, а милиция. Сейчас к сотинцам от рика пред'явлен иск за сведенный лес суммою в 972 рубля.

И ждамировскому обществу хрипковского сельсовета пришлось держать ответ. По решению схода, и оно вырубил соседний парк в бывшем имении Палибина. Ждамировцы подыскивали даже удобный предлог, чтобы оправдать хищническую порубку 175 прекрасных лип. В постановлении они отмечают: „Срубить парк, чтобы просушить дорогу, которая идет липами, так как на ней образовалась непролазная топь“. И здесь сельсовет не мог во-время остановить общество, не мог наложить запрет на незаконное решение схода.

Вообще вопрос о взаимоотношениях схода и сельсовета, это — один из самых больных вопросов низовой советской работы. Практика покажет, насколько удовлетворительно разрешило его положение о сходах. До выхода положения мы имели на местах самую неприглядную картину. Там общество ископало себе под школу дом и растащило его по бревнышку; там получили строевой лес на починку моста, и лес сгинул неизвестно куда... Эти факты изживутся в практике нашей деревни, если мы сумеем направлять и контролировать деятельность деревенских сходов, на которых сплошь да рядом решение вопроса зависит от самых случайных обстоятельств.

Необходимо всемерно укреплять и качественно улучшать сельские советы, чтобы в их лице иметь доподлинных организаторов деревенской общественности и руководителей сходов.

9.

Последнее звено в низовом советском аппарате, это — наш волисполком или рик (там, где уже прошло районирование).

Алексинский рик представляет собой один из самых устойчивых аппаратов губернии. Местные специалисты и технические работники работают в Алексинском районе по 6—8 лет. Они великолепно знают каждый уголок района. Сами риковцы (председатель и члены рика) для советских условий работы являются тоже старожилами: каждый из них проработал в Алексине и округе от 3 до 5—6 лет.

Уж одно это обеспечивает риковский аппарат от многих ошибок, которые частенько происходят от незнания местных условий.

Аппарат работает слаженно. В летнюю пору, если зайдешь в рик, поражаешься: большинство ответственных работников райисполкома отсутствуют.

— А зачем им быть здесь? — спрашивает нас председатель рика. — Посетителей нет, стало-быть, надо из канцелярии отбывать на свежий воздух, в деревню. Одни сегодня поехали на обследование посевов, другие — на помощь переписи, третьи — на осмотр школ для предстоящего ремонта.

Воскресенье для риковцев — самый трудовой день. О том, как использовать предстоящий праздник, в какие деревни и по каким делам выехать, они договариваются еще со среды-четверга. Ранним воскресным утром со двора райисполкома отбывает одна подвода за другой. С поездок возвращаются к ночи, перегруженные массой просьб, заявлений и наблюдений.

Эпизодические, от случая к случаю, выезды по деревням дополняются систематическими поездками райработников, прикрепленных к сельсоветам. Связь с районом держится довольно крепко. За 20—25 верст от районного центра крестьяне великолепно знают наперечет всех риковцев, да и сами риковцы знают в лицо поголовно всех крестьян района.

Зимой самые горячие дни для рика это — дни базара, когда в райцентр съезжаются сотни крестьянских подвод из округа. Тогда в рике, как говорится, не провернешь. С базара направляются в райсполком за справками, за советами, за тем, чтобы поторопить начатое земельное дело и т. п. Помещение гудит — полно посетителей.

Связь с сельсоветами осуществляется на ряду с прикреплением к ним отдельных товарищей и через пленарные заседания райисполкома, через вызовы предсельсоветов для отчета рикун и, наконец, путем выезда на места, где устраиваются открытые заседания исполнительного комитета.

По словам риковцев, выезды-заседания дают им массу материала об отношении деревни к работе райисполкома. За последние два-три года тут произошел несомненный перелом в лучшую сторону. Нынешний рик несравненно авторитетней прежнего вика в глазах крестьян. Районирование дало самые благоприятные результаты, расширив бюджетную базу под райисполкомом и укомплектовав его квалифицированными работниками (рабочий состав волисполкомов был гораздо слабей). Кроме того, в связи с районированием в непосредственное распоряжение райисполкома перешли такие участки работы, как землеустройство, агропомощь, ветеринарная помощь. Переход содействовал приближению органов власти к деревне. Прежде, чтобы добыть землеустроителя, требовалось договориться с сельсоветом, потом с виком и, наконец, с уисполкомом, от которого и зависело решение дела, так как землеустроителями, агрономами, ветврачами, инспекторами наробразом распоряжался он. Теперь по всем нуждам крестьянин обращается в сельсовет, а потом в рик. Путь прохождения всех крестьянских дел в звеньях аппарата сократился. Органы власти, действительно, приблизились к деревне.

На кого опирается райисполком в своей работе? Прежде всего, конечно, на работников своего аппарата. Разница между теперешним советским агрономом и землеустроителем по сравнению со спецом старого времени огромная.

Надо видеть, как болезненно-чутко отзываются здешние животновод и агроном на неустройства с молочными артелями, чтобы судить о размерах и значении происшедших изменений. Люди буквально крадут время от своего сна, чтобы еще и еще поработать, изыскивая пути к устранению неустройств.

За последние два-три месяца они сделали свыше десятка поездок в Сухотино и в суходольскую молочную артель, пытаясь влиять в пределах возможного на улучшение дела.

Приблизительно в то же время мы наблюдали, как землеустроитель и статистик, числившиеся оба в отпуску, изо дня в день заглядывали в рик: нет ли спешной внеочередной работы.

— У нас дело не такое, — объясняли они, — иной раз в месяц не наверстаешь срочной работы, которую можно бы в нужный момент выполнить в день.

Рик опирается и на советских активистов района и активных крестьян. Особенно хорошо работает при рике районный сельскохозяйственный совет, состоящий из крестьян. Он направляет агрономическую, земельную и ветеринарную работу в районе.

Аппарат райисполкома, перегружен работой. Темп теперешней работы просто невозможно сравнивать с дореволюционным темпом. Охват, размер, характер работы стали совершенно иными. Врач, землеустроитель или агроном давно позабыли о существующих нормах рабочего дня, о праздниках. Работа поглощает здесь всего человека без остатка.

На содержание всего районного соваппарата, включая сельсоветы, уходит огромная сумма, превышающая довоенные затраты, даже если учесть падение стоимости денег, раз в 10—15.

Но затраты на аппарат у нас все же относительно уменьшаются. С каждым годом все большая часть средств идет на непосредственное обслуживание деревни агропомощью, медицинской помощью, народным образованием и т. п.

Уплатой сельскохозяйственного налога деревня не покрывает даже самых прямых расходов на свои непосредственные нужды. Средства пришлось изыскивать из других, по существу, недеревенских источников, в роде дохода от дач в алексинском бору и пр. На частном примере здесь можно видеть правоту госплановских выкладок, по которым видно, что при теперешнем положении пролетарский город помогает строить советской деревне материальными средствами новую жизнь, новое хозяйство.

ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ

1.

Какой бы стороны деревенской жизни мы сейчас ни коснулись, отовсюду бросается в глаза крайняя пестрота отношений. Вот уже действительно скажешь: „что ни город — то свой нор, что ни деревня — то обычай“.

С одного конца перед нами встают косные фигуры свиридовцев и любиковцев, с другого — мы видим инициативных и подвижных ниже-суходольцев и других. В одном случае: дедовская трехполка, захудалый скот, нищенские урожаи и удои; в другом — культурный севооборот, культурно поставленное животноводство и повышенный уровень жизни крестьянской семьи.

Когда раз'езжаешь в пределах хотя бы одного района, наблюдаешь пеструю экономику современной деревни. На ряду с почти патриархальным укладом видишь проявление самого передового культурного хозяйствования. На ряду с селом, где кулак пытался стать хозяином деревни, — село, где бедняк и середняк побили кулака на всех фронтах. Расстояние между этими двумя конечными полюсами заполнено рядом промежуточных, переходных звеньев.

Необязательно, чтобы переход от одного полюса к другому совпадал с географическим расположением деревень. Часто можно наблюдать, что две рядом расположенные деревни положительно ни в чем не походят друг на друга. Что общего, например, между Нижним-Суходолом и соседней с ним деревней Любиково?

Почти ничего!

Современная пестрота деревенской жизни находит себе яркое выражение в культурно-бытовом укладе деревни. При сравнении того, что есть, с тем, что было (и было сравнительно очень недавно), здесь невольно вспоминаются сочные замечания Г. И. Успенского о власти „сплошного“ в деревенском быту.

Тонкий наблюдатель деревенской жизни пореформенного периода, Глеб Успенский в свое время писал в „Мелочах путевых впечатлений“:

— „Теперь пойдет „все сплошь“... все теперь пойдет одинаковое, сплошное, точно чеканеное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики, и бабы, все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями... Отделить из этой миллионной массы единицу, положим, хоть нашего деревенского старосту Семена Никитича и попробовать понять его — дело невозможное... Семена Никитича можно понимать только в куче других Семенов Никитичей... Да, жутковато и страшновато жить в этом людском океане...“ *)

Действительно „жутковато и страшновато“ было. Но это было ряд десятилетий назад.

Было — да ушло.

Сейчас „Семен Никитич“, или теперешний деятель типа Коростелева, Грица попрежнему непонятен без тесной связи со всей крестьянской массой. Но сама-то масса стала иной, как иную стала жизнь.

Прежде передовой крестьянин или бежал из деревни в город, или тонул в общем косном болоте, или, наконец, тосковал и пил напропалую. Нынешний деятель, призванный величайшей из революций к широчайшему строительству, работает, не покладая рук, творит и формирует своими руками новую жизнь.

Сплошного быта нет и в помине. В деревне растет и крепнет новое, а новый человек имеет и новое лицо.

2.

О Макаровых, как о самой интересной крестьянской семье в округе, нам говорили и по деревням и в рике. Завернули к ним и мы поздним вечером, вернее, к ночи, когда после теплого летнего дождя земля словно стыла, а от леса несло освежающей прохладой.

Половина семьи уже спала. Только Сергей Прохорович возился в мастерской, расположенной на огороде.

— Ведь вот какая напасть, товарищи, — хлопотал он около нашей повозки: — Дома-то я один. Брат за лесом выжигает извесь с односельчанами. Ну, да что поделаешь. Что можно, расскажу и я.

Дом Макаровых ничем не отличается от среднего городского домика на семью в 7—8 человек. В половине, куда мы вошли, посетителя поражает необычная для деревни обстановка. Она, правда, очень сера, на столах и креслах видна печать самодельщины, но она все же не деревенская, а скорее городская культурная обстановка.

В комнате чисто, у стен стоят две железные кровати, диван, столы и самодельные кресла. На столах чернильница, карандаши, ручки, журналы и газеты; тут же — аппарат радиоприемника.

*) Цитируем по Г. В. Плеханову. Сочинения том X. Госиздат. Статьи „Народники-беллетристы“ — Г. И. Успенский. Стр. 31—32.

— Сам сделал, под руководством Роберта Робертовича.

Аппарат работает хорошо: слышно Москву, Харьков, Берлин, Гельсингфорс, Данциг.

В тех местах, о которых Гоголь писал, что отсюда „хоть сто лет скачи, все одно ни до единого государства не доскачешь“, — ныне рядовой крестьянин Сергей Прохорович Макаров слушает по радио Берлин!

И Сергей Прохорович и Иван Прохорович Макаровы кровавым потоком мировой войны были сорваны с насиженных мест, оба прошли фронт и побывали за границей.

Сергей Прохорович с 1915 года по 1919 прожил в плену у немцев, Иван Прохорович был в рядах русской дивизии на франко-германском фронте. Марна, защита Парижа, потом требование о посылке домой в революционную советскую Россию, потом разгром восставшей русской дивизии предателями-„союзниками“, наконец, тюрьма, французская ссылка и возвращение домой. Вот это путь!.. Могли ли о нем даже подумать в свое время Семен Никитич или Иван Ермолаевич *) времен Успенского!

Все пережитое оставило глубокий след на Макаровых. Сергей Прохорович сдержан в словах, осторожен и серьезен. Он не проронит попусту ни слова.

В плену у немецкого барона-помещика Сергей Прохорович изучил ряд профессий — от электротехника до монтера по ремонту сельскохозяйственных машин.

Теперь он настоящий „и мореплаватель и плотник“. Таков же и его брат. Жизнь обоих вышколила на славу.

Сергей Прохорович не скрывает, что первое время отношения с советской властью у него были натянутые.

— Не верилось, что продрозверстка, отбор всего даже необходимого — все это нужно рабочему государству. Во многом и я и брат видели ошибки, непонимание мужика, непонимание нашей деревенской жизни.

Перелом в настроениях наметился в 1923 году, когда они ясно увидели, что рабоче-крестьянское правительство делает все необходимое, чтобы помочь деревне.

И Макаровы понемногу стали втягиваться в советскую жизнь. Они добились выдела на поселок части крестьянских дворов деревни Соломасово. На поселке Озерцы они провели многополье, ввели посевы клевера, понемногу вводят теперь датские утепленные дворы и кормушки. В недалеком будущем перед братьями встают очертания единого коллективного хозяйства в поселке. Сюда, к этому хозяйству, направлены все помыслы и усилия обоих Макаровых.

О своем перерождении, так сказать, полном „осовечивании“ один из них — Сергей Прохорович — так сообщает в письме

*) Смотрите „Власть земли“ Г. И. Успенского.

на имя отсека алексинского райкома партии т. Аладушкина. Письмо это мы приводим полностью, с разрешения его адресата:

„Здравствуйте, Сергей Васильевич!

Я решил переговорить с вами при помощи письма. Говорить лично — много отнимешь времени, а у вас его нет, так я и решил прибегнуть к письму и чернилам. Не так давно я был у вас и просил помочь мне получить знания по политике. Кое-что я сказал, почему пришел за этим. Но всего сказать не мог.

Давно сознавал я всю правоту большевистской партии. Ведь до войны я был заводский рабочий, заводская обстановка воспитывала меня против империализма. И вот 10 лет назад вспыхнула революция, и власть перешла к трудящимся. В это время я был в плену. Когда вернулся, здесь был голод, реквизиции и в частности грабежи. Я в революции разочаровался и не стал сочувствовать советской власти, даже во многом вредил ей. Но прошло несколько времени. Я стал внимательно следить и разбираться в делах советов и постепенно перешел на сторону советов.

Мне кажется, что советам и внутри страны и снаружи угрожает еще большая опасность. После выступления оппозиционного блока из числа сознательных некоторые сделались вредителями советской страны. Мне кажется, люди, поддерживающие оппозицию, все-таки должны защищать революцию. Я представляю себе такую вещь, если мы не сумеем отстоять революцию, тогда будет плохо. Поэтому я и решил действовать и также поставить вас в известность, что в поселке Озерках есть человек, на которого можно положиться в тяжелую минуту.

Сергей Васильевич! Ни средства, ни должности мне от партии не нужны. А если понадобится умереть за революцию, за советскую власть — не откажусь.

Прошу извинения.

Из поселка Озерки

Сергей Прохорович Макаров *).

12/III 1927 года

Таков этот человеческий документ.

Тут мы имеем свободное и честное признание крестьянина-передовика об его взглядах на советскую власть, на пролетарскую революцию. Макаровы — подлинное советское

*) Повторяем, письмо нами приводится дословно. Лично нам в нем принадлежат грамматическая правка да подчеркивание. Самое письмо, как живой документ революции, передано в тульский музей революции Истпарта.

бродило в современной деревне. Не даром за пять-шесть верст виднеется на равнине шест радиоприемника над макаровским домом.

Такими же, как братья Макаровы, являются в Алексинской округе Коростелев, Гриц, Горшков и ряд других беспартийных, но горячо преданных советской власти и революции крестьян. Далеко не все они решатся на „макаровскую исповедь“. Да исповедь и не так важна сама по себе. Мы приводим ее только для примера. Существенно важны не слова, а дело. Дело же и у Грица, и у Коростелева, и у Макарова одно: вздыбливать деревню и тянуть ее к новому.

3.

На общем фоне пестрой деревенской жизни наибольшей пестротой отличается, пожалуй, положение женщины-крестьянки.

Теперь уже не редкость встретить в деревне крестьянку-общественницу. Еще чаще можно встретить крестьянку, которая вместе с мужчиной, как равная, ведет хозяйство двора.

Взять хотя бы всех ниже-судольских женщин или жену Павла Васильевича Горшкова. Все они держат в своих руках важнейшую часть хозяйства двора — животноводство. Культурная перестройка этой отрасли в Нижнем-Суходоле началась лишь после того, как животновод провел с крестьянками ряд лекций-бесед, организованных женотделом и избой-читальней. В Нижнем-Суходоле женщины твердо ведут свою линию, выступая, где нужно, в защиту „бабьих“ прав и интересов. По их почину в деревне уж третий год существуют детские ясли.

В остальных же местах „бабий вопрос“ все еще не потерял своей остроты.

Как это ни странно, в некоторых случаях наблюдается, что положение женщины-крестьянки хуже как раз в культурных крестьянских семьях. Иногда оно становится невыносимым. Тут наблюдается одна из бытовых бед нашей переходной эпохи.

Для примера возьмем одного из местных передовиков. Он женился лет 6—7 назад. Сам-то он рос, втягивался в общественную работу, развивался. А рядом с ним, под одной кровлей, жила его жена — рядовая, еле грамотная, крестьянка, интересы которой не выходят за пределы околицы.

Мысль мужа кружится около вопроса о переходе на многополье, о культурном подеме крестьянского хозяйства и т. п. А жена вся погружена в работы по приготовлению пищи, по пошивке на ребят. Она знать не знает (да и не хочет знать), что волнует ее мужа. К его хлопотам она относится как к не-лепым затеям, почти как к сумасбродству.

Он пробовал приохотить жену к чтению, к посещению собраний — не удалось. В результате общий язык потерял.

Отношения обострились теперь до такой степени, что один тяготится присутствием другого.

Разрубить узел в корне у него нехватает смелости: беспоконт, видимо, судьба детей. Поэтому он на пару с братом придумал другой выход: они разделили дом на две половины. В одной живут сами братья. Тут книги, газеты, радио. В другой их жены и детвора. Там не сыщешь ни карандаша, ни бумаги.

Так круто и нелегко отстоялась жизнь передовой крестьянской семьи. По уверениям работников райженотдела, таков быт десятков передовых культурных крестьянских семей в районе.

4.

Вопросы бытового уклада остро волнуют женскую половину населения деревни. В Преснецове на сходе крестьянки заголосили о беспорядках в семейном быту.

— Свадьбы нынче больно недолговечные, — указывали они сходу. — Иной парень год-два „ходит“ с девкой, а поженится, — через месяц уж поговаривают о разводе.

— А все это от советской власти, — договаривали другие.

Алименты сами по себе мало интересуют женщин.

— Алименты нужны вертихвосткам. Хорошая баба из-за алиментов не будет семью разваливать.

Все такого рода заключения говорят о большой сложности этого вопроса в деревенских условиях. Тут семейный вопрос крепко связан с имущественным положением двора, с разделами. Мужчину, как фактически сильную сторону, перетасовка дворового хозяйства мало трогает. Если перетасовки окончательно обескровливают двор, мужчина может уйти из деревни в город. Женщина, связанная по рукам и ногам детворой, не может оставить деревню. Вот почему в Алексинском районе крестьянка так резко высказывается за устойчивый брак.

Какой брак лучше: советский или церковный — спор об этом уже нет.

— Оба хороши — лишь бы были крепкие, — говорили нам в Преснецове.

— За церковь-то теперь остались одни кулаки и бывшие церковные старосты, — указывали те же преснецовские крестьянки.

И как бы в подтверждение их слов, на сходе выступил местный богатей Серегин. Что у кого болит — тот про то и говорит.

У Серегина неладно обстоят дела со свадьбами сыновей.

— Стыд потеряли, стариков не уважают, — выкрикивал он на сходе. — Я старик, я знаю жизнь, я могу научить жизни. А меня не спрашивают. Один сын уехал в Серпухов, пожил там, а потом, пожалуйста, прислал письмо: я, говорит, женился, папаша. Да как же ты смел жениться без моего разрешения! Может, я и не признаю твоей жены-то!

— Ну и не признавай, — перебил расходившегося Серегина парень в первом ряду.

— Это ты брось, Петрович, — выкрикнула крестьянка по соседству с парнем. — Не тебе жить с женой — сыну.

— Мало что сыну, — подхватил старик. — А я где? Я выкормил, воспитал сыновьев. Пусть они слушаются отца. Один сын поженился за глазами, теперь другой на глазах крутит любовь в совете. Где же тут управа?

Последние слова Серегина были покрыты общим хохотом. На сходе не нашлось человека, который по-серьезному отнесся бы к выступлению кулака-самодура.

После, когда мы оставляли деревню, Серегин догнал нас у околицы и всерьез просил предрика помочь ему в деле недопущения брака второго сына с девушкой — секретарем сельсовета.

Серегин почти единственная фигура в алексинской деревне. Уйдет он, и, кажется, с ним окончательно уйдут старые представления о праве отца навязывать сыну неугодную девушку в жены, представления о неограниченной отцовской власти и т. п.

Общественное мнение деревни целиком стоит теперь на стороне нового понимания права любить и вступать в брак.

Нам рассказывали старые жуткие истории о девушках, лет 10—20 назад вступавших в свободную брачную связь. Девушка, можно сказать, заживо погребалась на глазах деревни. Двор, в котором она жила, становился зачумленным: его сторонились, ворота „падшей“ густо смазывали дегтем.

Теперь подобному явлению здесь совершенно нет места. Внебрачное сожителство принимается, как нечто рядовое и обычное. Девушка, забеременевшая вне брака, остается равноправным членом деревенской общины. Если она разошлась с первым мужем — возможности нового брака для нее не закрываются.

Новое отношение к браку, семье и женщине; обычные для теперешних времен гражданские похороны, свадьбы, октябрины; проникновение газеты; появление радио, — все это говорит о несомненном и крутом переломе. Новая поросль буйно растет на вспаханной целине.

• Но на ряду с этой порослью много остатков старого еще осталось в быту деревни. Главный из них: исконная приверженность к „зеленому змию“. До 1925/26 года деревню заливала волна самогонки. В последние годы самогон отступил перед русской горькой, потребление которой бурно возрастает.

Можно считать, что сумма, брошенная деревней на пьянку, значительно превышает общую сумму с.-х. налога. Брось деревня эти пропитые деньги на хозяйство — через 5-6 лет ее не узнаешь.

Хуже всего то обстоятельство, что деревня до последнего времени не изжила еще, так сказать, коллективных запоев. Посев, покос, заготовки леса целым селом — все это служит прямым поводом к поголовным пьянкам.

В тесной связи с бытом деревни стоят культурные мероприятия и работа наших просветучреждений. Конечно, тут мы чрезвычайно далеко обогнали старый дореволюционный уровень.

Женработа, радио, кинопередвижки, избы-читальни и красные уголки появились в деревенской среде только с революцией.

У нас еще невелик опыт в работе этих новых учреждений. Может быть, поэтому не везде и не всегда деятельность их идет гладко. Положение со школьными делами не лучше.

На примере преснецовцев, буквально собственными руками построивших школу, видно, как ценит теперь крестьянин грамоту и возможность учебы для своей детворы. В значительной степени школа в Алексинском районе продолжает жить за счет непосредственной помощи от крестьянского населения.

С материальной-хозяйственной стороны школьное дело с каждым годом крепнет. В 1926/27 учебном году школьные занятия шли без перебоев; начались и закончились они в точно установленные сроки.

Но и районные органы, и сами крестьяне уже не удовлетворены формальным благополучием на школьном участке.

Школа стала ближе и нужней. Мертвая зубрежка с отметками по листу книги „отселе и доселе“ ушла в прошлое.

Но есть промахи. Комплексное преподавание не вошло еще в кровь и плоть учительства. Комплекс прорабатывается кое-как. Крестьяне смеются над школьными затеями. Зато не смеются они, когда через два-три года оказывается, что иной парень словно бы попусту посещал школу. Читает он по складам, писать совсем не может, а о счете — лучше и не говори. Это самое слабое место в работе рядовой школы.

Может быть, Алексинский район — исключительный район в смысле слабого подбора учительства. По признанию районинспектора губоно, в старое время учительство здесь вербовалось из среды недоучек—детей алексинских прасолов, попов и т. п. К школьному делу они пристраивались с помощью связей через исправника или земского начальника. И алексинская школа по сие время не в силах освободиться от старого балласта. Серьезный, любящий свое дело учитель в районе — редкость. Таких всего 5—6 на все 34 школы.

В итоге алексинской школе при ее теперешнем учительском составе далеко еще до нужного нам уровня. Надо бить и бить в одну точку. Надо переподготавливать старых, а главное — готовить новых работников.

На этот участок фронта развивающейся культурной революции надо бросить сейчас немало сил.

